

ISSN 0137 - 0723

НОВОЕ ВРЕМЯ

Челябинск-65:
равняется
20 Чернобылям

июль 1992

30

Индекс 70621

Будет ли нынешнее
поколение
советских людей
жить
при демократии?

В каждом
приличном доме
читают журнал

«Видео-Асс»

Телефоны
Частного
издательского
дома
«Видео-Асс»:

291-04-63,
128-66-14,
118-89-55,
118-89-47.

Читайте в этом номере:**В РОССИИ И РЯДОМ**

ЧТО ПРОИСХОДИТ <i>П. Гутинтов</i>	ПРЕЗИДЕНТ СВОЕ СЛОВО СКАЗАЛ. НО ЕГО НЕ УСЛЫШАЛИ	4
КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД <i>М. Шакина</i>	ВОСПОМИНАНИЕ О КПСС	6
РЕФОРМА <i>Н. Щёлкова</i>	ШТЫКИ И СЛЕВА, И СПРАВА	8
Б.Пинскер:	«СВЕЖЕЗАМОРОЖЕННАЯ РЕФОРМА...»	9
А.Михайлов:	«МИФ О ФИНАНСОВОЙ СТАБИЛИЗАЦИИ БУДЕТ ЖИТЬ...»	9
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ <i>Л. Васильев</i>	ВЛАСТЬ ВТОРОГО ПРИЗЫВА	11
УЗБЕКИСТАН <i>А. Дубнов</i>	ДВЕ ГОЛОВЫ В ОДНОМ КОТЛЕ НЕ ВАРЯТСЯ	14

МИР

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ <i>К. Плешаков</i>	ФИНИШ ВЕКА: С КОММУНИЗМОМ И БЕЗ	18
ЭКОНОМИКА <i>Н. Плещина</i>	ПОСЛЕ МЮНХЕНА, В ЧЕТВЕРГ	22
ЮЖНАЯ АФРИКА <i>Н. Решетняк</i>	СОР ИЗ ИЗБЫ	41
США <i>Е. Русаков</i>	41-й ПАРТСЪЕЗД ПОСТАНОВИЛ ПОБЕДИТЬ	42
ЧЕХО-СЛОВАКИЯ <i>И. Руденко</i>	ТАК ЧЬЯ ЖЕ ЭТО ДРАМА?	46

ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

КРАТКИЙ КУРС <i>С. Соловейчик</i>	ДЕМОКРАТИЯ ПОД ВОПРОСОМ	48
ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СИТУАЦИЯ		
<i>О. Вишняков</i>	ЧЕЛЯБИНСК-65: РАВНЯЕТСЯ ДВАДЦАТИ ЧЕРНОБЫЛЯМ	52
<i>Л. Безыменский</i>	КУДА ПОПАЛИ ДНЕВНИКИ ГЕББЕЛЬСА	54
<i>П. Новгородцев</i>	ВОССТАНОВЛЕНИЕ СВАТЫНЬ	56
<i>Л. Костюнина</i>	РЮМКА «СМИРНОВСКОЙ» ЗА ОЛИМПИЙСКОЕ ЗОЛОТО	59
<i>Т. Иванова</i>	ОБАЯТЕЛЬНЫЙ ПРАКТИЧЕСКИ МЕРТВ?	62
<i>В. Ганюшкин</i>	АБРАКАДАБРЫ-7	64
ПОЧТА (2), ЛИЦА (60)		

Обложка Виктора Бреля

Номер сдан в печать 21 июля 1992 года

Руслан Хасбулатов против «Известий»: парламент подминает под себя лучшую газету России

Стр. 4

Миллиардер Перо пожалел свои денежки и отказался от борьбы за американский Белый дом

Стр. 42

Вопрос: что подарил генеральный секретарь Л.Брежнев первому секретарю В.Ульбрихту на день рождения ГДР?

Ответ: дневники Геббельса

Стр. 54

Главный редактор

Александр
ПУМПИАНСКИЙ

Редколлегия:

Виталий ГАНЮШКИН,
первый заместитель
главного редактора,

Сергей ГОЛЯКОВ,

Лев ЕЛИН,

Виталий ИГНАТЕНКО,

Леонид МЛЕЧИН,
заместитель главного
редактора,

Павел САМАРЧЯН,
ответственный секретарь,

Галина СИДОРОВА,

Марина ШАКИНА

Сергей ДУБОВ,
президент а/о «Издательский дом
«Новое время»

**Собственные
корреспонденты
журнала работают:**

в Белграде, Берлине, Бонне,
Бухаресте, Варшаве, Вене, Дели,
Лондоне, Мадриде, Мехико,
Праге, Претории, Нью-Йорке,
Риме, Сеуле, Стокгольме, Токио

**Учредитель —
журналистский коллектив
«Нового времени»**

Выходит на русском и
английском языках

Издатель
А/О «Издательский дом
«Новое время»

Наш адрес: 103782, ГСП,
Москва, К-6, Пушкинская пл.
Тел. 229-88-72, 209-07-67
Телексы: 411164a newt SU,
411164b newt SU
Телефаксы: 200-42-23;
200-41-92

Отпечатано в ИПК
«Московская правда».
Москва, ул. 1905 года, д. 7.

Регистрационное
свидетельство №970.
Тираж 100000.
Заказ №3034.

Цена по подписке — 59 коп.,
в розницу — 2 руб.

© «Новое время»

ПОЧТА

■ Вы не можете себе представить: у меня нет денег, чтобы выписать «НВ» даже за 59 копеек! Мне не платят зарплату оборонный завод, на котором я отработала 25 лет конструктором. И правильно делает, ибо я ничего полезного для общества за всю свою жизнь не сделала. Как и добрая половина остального народа, занятого в ВПК. Государство не платит мне пособие на сына 13 лет от роду, который именно сейчас становится мужчиной и нуждается в витаминах. Едим мы через день, а то и через два. Каждый выходной день, каждый праздник (как бы они назывались: День независимости или Курбан Байрам) для нас — это работа на четырех сотках...

Не только Ельцин и Гайдар словно свалились на нас с Марса, но и любимые журналисты-демократы живут в каком-то стеклянном колпаке, не видя огромной России, не понимая ее забот и надежд. Многие боятся бунта. А бунт — это когда

нечем кормить детей, и они безропотно чахнут без моркови и свеклы, сделавшихся недоступными. Хорошо, что еще растет крапива — Бог о нас позаботился. Когда вы в Москве вышли на баррикады — Россия затаила дыхание. Но мы и те трагические дни провели на своих земельных участках. Наши транзисторы кричали о комендантском часе, а ночью по «Свободе» — о героях-москвичах. Мы знали — надо собирать урожай, варить варенье, готовить соленья, ибо при диктатуре ли, при демократии ли мы никому не нужны, каждый сам за себя.

Очень стали нервничать в последнее время демократы, ездит по России Ельцин, разругались друг с другом Руцкой, Хасбулатов, Попов, Полторанин, заворовались депутаты — стыд и срам. И все боятся будто бы погибели России. Спокойно, ребята. Россия выживет. Если не сползет в людоедство. Но вот если ельцинский любимец Грачев отменит аль-

тернативную службу и отсрочку студентам, вот тут будет погибель наша. Ибо Россия держится на плаву надеждами матерей увидеть своих внуков. Можно не сомневаться, что служба в доблестной армии уничтожит эти надежды, — и тут уж все равно: диктатура или демократия. В столице суверенного Башкортостана у матерей диоксин в молоке, и потому сыновья наши годятся только в стройбаты, где их вешают и насилуют. Может, и лучше умереть с голоду.

Тамара Бурашников
Уфа

■ Татьяна Иванова мечтает о том, чтобы правительство разрешило бабушкам торговать пирогами.

При Сталине на каждом шагу были забегаловки, где продавали водку в розлив и горяченькие пирожки с ливером. Пришел к власти Хрущев, забегаловки закрыли. Продержались пирожки до царствования Брежнева, когда их заменили белаша-

Патриоты и эгоисты

■ Самые интересные ваши публикации за этот год, безусловно, те, что посвящены проблемам межнациональных отношений — «Трагедия русских» Л.Васильева и материалы Л.Алаева. С начала века никто не желает разобраться толком, что это за штука такая — национализм. Прочтешь об этом простому человеку практически нигде. В институте меня заставили изучить работу Ленина «О национальной гордости великороссов». И всё. Начнем с терминов: термин «шовинизм» ничего простому читателю не объясняет. Понятно только, что это ругательное слово и Ленин был против шовинистов, а шовинисты против Ленина. А что дальше? Слово «патриот» понимают все. XX век начинался под лозунгом всеобщего интернационализма, а стал, по существу, веком махрового национализма. Между тем серьезных работ по теории национализма практически нет. В начале века появились работы еврейских публицистов, посвященные национализму — разумеется, еврейскому. Имею в виду труды Владимира Жаботинского, Семена Дубнова, Нахмана Соколова. Достать их теперь невозможно, хотя мне очень повезло — я достал.

Дубнов (кстати, он был активным противником теории сионизма, переселения евреев на свою историческую родину) вводит в теорию национализма совсем другие термины: «национальный патриотизм» и «национальный эгоизм» как два оттенка одного понятия —

национализма. И тогда многое становится понятным. Один мой родственник, старый человек, в молодости попавший в мясорубку 37-го года и «искупивший свою вину» на фронте, рассказал мне, как однажды в Ереване опаздывал на самолет, а таксист заломил дикую цену. Пришлось согласиться и отдать деньги вперед. Всю дорогу до аэропорта мой родственник стыдил этого молодого армянина, приводив ему в пример знаменитых армян, перечисляя их достоинства, за которые их помнит человечество. В конце пути водитель швырнул ему деньги и закричал: «Старик, убирайся с глаз долой!» Скажи, — спрашивал мой родственник, — почему, когда я в Калуге пытался стыдить грузчиков, которые не хотели грузить оборудование для нашей организации без дополнительной оплаты, они мне ответили: «Нам плевать на Чайковского и Гоголя, нам выпить хочется?» Я ему объяснил, что в первом случае в чистом виде пример национального патриотизма, а во втором — эгоизма.

Все эти общества «Память», «Отчизна» и иже с ними основаны на национальном эгоизме, поскольку хотят сделать патриотизм своей профессией. Нет такой профессии и быть не может. Хватит нам того, что были когда-то профессиональные коммунисты.

Евгений Красильщиков,
коренной житель Санкт-Петербурга,
блокадник, инженер

**Наши сыновья
годятся только
в стройбаты, где
их вешают
и насиляют**

**XX съезд лишил
народ водки
в розлив**

**Кто в нашем
царстве лужу
напустил?**

шами. Потом Андропов к беляшам приставил по милиционеру — чтобы люди не ели в рабочее время. При отце застоя — Черненко — стало пропадать последнее. Сейчас Т.Иванова радуется обилию товаров. Но людям не на что покупать пирожки! Надо больше зарабатывать? Думаю, здесь журналистка лукавит. Далеко не всем сегодня удается заработать себе на безбедную жизнь честным трудом. Все материальные ценности создаются руками ученых, инженеров, рабочих, которые получают за это гроши. Почему эти люди должны всё покупать у спекулянтов по баснословной цене? Об этом вы почему-то не пишете...

Альберт Жарков
Томск

■ С огромным удивлением ознакомился с подписанной моей фамилией заметкой «Чудо свершится после охоты на ведьм» (№ 22/92). Особое удивление, если не сказать больше, вызвал последний пассаж сего «письма»: «Выход из ситуации один — деноменклатуризация, отстранение от **всех** руководящих постов **всех** (выделено мною. — Е.С.) представителей номенклатуры... Русское экономическое чудо наступит после большой «охоты на ведьм».

На самом деле препарированный вами до неузнаваемости отрывок выглядит в оригинале так: «Выход из ситуации один (да простят меня те, кто столь рьяно выступает против «охоты за ведьмами») — деноменклатуризация, то есть отстранение от **всех** руководящих постов не бывших коммунистов, а именно представителей номенклатуры»... Автор не ратует за отстранение **всех** представителей номенклатуры. Речь идет о массовой (но не поголовной) замене правящей элиты. А топорно-фанатичная фраза «русское экономическое чудо наступит после «охоты на ведьм» — целиком и полностью творение самой редакции.

У меня достаточно прочная, и надеюсь, неплохая репутация в сфере публикации для того, чтобы знающие меня читатели не по-

Я ТАК ВИЖУ

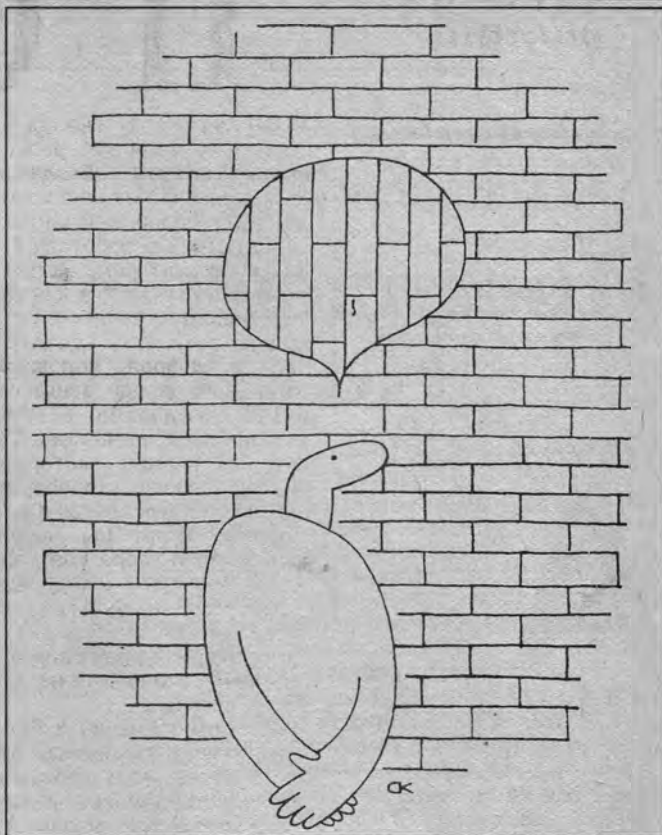

Рисунок Сергея Куприя

верили, будто Е.Н.Стариков неожиданным образом превратился в туповатого фанатика, «зовущего Русь к топору». Но читатель, встречающий мою фамилию впер-

вые, будет отнюдь не лестного мнения об авторе подобных призывов.

Евгений Стариков,
кандидат философских наук
Воронеж

Утопия, обращенная в прошлое

■ О фильме Ст.Говорухина «Россия, которую мы потеряли» написано уже много. Мне же во время просмотра вспомнилась фраза из монолога Геннадия Хазанова «Лужа»: «Оказалось, что не белые, а красные туда нассали».

Неужели это «открытие» — главный итог семи лет гласности? Сначала разоблачили Сталина, чтобы идеализировать Ленина. Теперь идеализируют Николая Второго, чтобы разоблачить Ленина. Что будет дальше?..

Ст.Говорухин — профессионал. Но сочетание профессионализма с недобросовестностью — худшее, что может быть. Он снял американскую Аляску и нашу Сибирь, тщательно смонтировав для контраста. Заснял и пивную очередь, и френчи 20–30-х годов и вновь смонтировал с благородными лицами старой России. Пожурил интеллигенцию — бомбометателей, разоблачил Ленина. Остался без ответа лишь главный вопрос: откуда все это свалилось на нашу голову? Откуда возникли эти рожи, эти френчи?

Особое место в фильме занимает личность Петра Столыпина. Столыпин был великим реформатором. Но победы Столыпина, у нас были не коммунизм, а фашизм.

Не кто иной как «прогрессист» Столыпин ввел военно-полевые трибуналы (единственный прецедент использования армии для ре-

шения внутриполитических конфликтов). О каком правовом государстве может идти речь, когда солдаты наобум вытаскивали из строя каждого десятого и вешали?

Не большевики изобрели револьвер. И даже не они ввели конвейерную технологию террора. Военно-революционные трибуналы и «тройки» — всего лишь заимствование у «великого реформатора» Столыпина. И концлагеря были впервые опробованы англичанами.

Ст.Говорухин не договаривает, когда показывает разброд после Февральской революции. Весь смысл этого куска фильма в одном: демократия — неэффективна как государственное устройство. Что же тогда «эффективно»?

Выбирая Столыпина, выбирают ультраправых. Тогда, на заре века, русский фашизм в силу ряда обстоятельств так и не был осуществлен, оказавшись сметенным коммунизмом.

Так, может быть, теперь настало время для фашизма? Германский фашизм родился в ностальгической тяге к славному прошлому, на грани противопоставления прошлого настоящему. Формально фашизм стал возрождением великой Германии, фактически — ее крахом, национальной трагедией для немцев.

Андрей Новиков
Рыбинск

■ Ваш читатель Н.Розанов в заметке «Я русский националист» (№29/91) пишет: «На России ярмом висят тюркоязычные республики. Избавление от них принесло бы возможность русской нации повернуться лицом к своей матери — Европе». Избавились от республик? Кто теперь вам запрещает повернуться лицом к матери? И таким ли уж ярмом мы висели у вас на шее? Наша республика обладает огромными природными богатствами, по производству хлопка занимала в бывшем Союзе второе место, третье — по добыче нефти.

Туркменистан стал независимым, свободным государством. Как и Россия. Стали ли мы жить лучше? Но я себя считаю интернационалистом. У нас все нации и народности живут мирно и дружно.

Нургельды Ходжакулиев
Мары, Туркменистан
Подборку подготовила Т.Чернова

Президент свое слово сказал. Но его не услышали

Павел Гутинтов

А така, развернутая против лучшей газеты России со стороны Верховного Совета, показывает: уступают ли коммунисты демократам — это вопрос, но свобода слова в нашей стране всегда под угрозой.

Когда-то Руслан Хасбулатов писал в своей книге: «Сначала душат печать, потом — демократию». Время внесло коррективы в точку зрения Руслана Имрановича. Хотя лично я до самого последнего момента надеялся, что все обойдется. В том смысле, что у руководителя россий-

**Печать
приговорена к
медленному
удушению?**

В августе 1991 года «Известия» помогали Белому дому. Сегодня Иван Лаптев и Игорь Голембиовский в зале Верховного Совета наблюдают, как депутаты развивают наступление на газету...

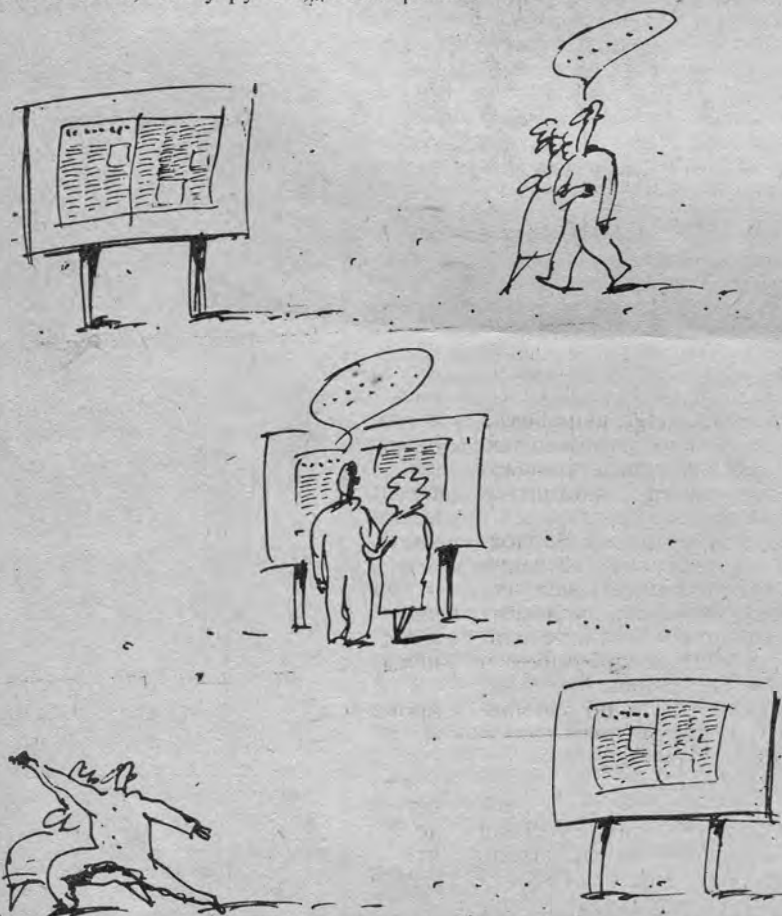

Рисунок Игоря Щегалева

ского парламента достанет здравого смысла, чувства ответственности и — прямо скажу — чувства самосохранения, чтобы понять: попытка поставить на колени прессу, лишить ее голоса, взять под чей бы то ни было контроль — даже просто попытка такая приведет, среди прочего, и к тому, что общественное мнение еще больше отвернется от самого Верховного Совета и его лидеров. А как бы ни раздражали нас те или иные решения, принимаемые депутатами, все более овладевающая массами идея «разгона» парламента представляется мне исключительно опасной: не стану здесь развивать эту нехитрую мысль — каждому, думаю, ясно, во что может вылиться освобожденная от противовесов исполнительная власть. Так что я полностью согласен и с другим высказыванием спикера Хасбулатова: авторитет представительной власти в нашей не обремененной демократическим опытом стране ну-

ждается во всяческом укреплении. Другое дело, мы вправе ожидать, что укреплению этого авторитета будут озабочены не только журналисты, к которым, конечно же, можно предъявить сколь угодно много разнообразных претензий, но и сами парламентарии.

К сожалению, эти мои ожидания не оправдались, и перед уходом на каникулы Верховный Совет нанес такой сокрушительный удар по собственной репутации, что оправиться от него, боюсь, сможет не скоро. И тем более обидно, что никто из уважаемых депутатов не сможет оправдаться тем, что его-де не предупреждали. Вся «страстная неделя отечественной прессы» этими самыми предупреждениями была перенасыщена. Достаточно сказать, что дважды о своей поддержке свободы печати заявил президент России. После обращения к нему письма руководителей средств массовой информации и Конфедерации журналистских союзов Борис Николаевич провел специальную встречу с лидерами Верховного Совета, которые, как всем показалось, многое поняли. В частности, просочились сообщения о том, что с обсуждения будет снят скандальный проект постановления о «возвращении» «Известий» правопреемнику бывшего «законного владельца» (Президиума Верховного Совета СССР) — с приданием газете ранга парламентского офицера. Это, по замыслу авторов, должно сильно поднять популярность газеты и одновременно оградить ее читателей от критических замечаний в адрес Руслана Имановича, отношения которого с данной газетой, как известно, последнее время не складываются... Кстати, ровно год назад, едва ли не день в день, схожие намерения по поводу «Известий» высказывал другой спикер — Анатолий Лукьянов, и не довел он дело до победного конца лишь по не зависящим от него причинам...

Борис Николаевич и по этому поводу высказался совершенно однозначно и пообещал известникам не дать их в обиду. И тем не менее Верховный Совет проявил отчаянную строптивость и (заявив о необходимости разгосударствления всех органов печати) себе «Известия» все-таки забрал — наплевав не только на предупреждения президента и собственные благие намерения, но и на Закон о печати, им же принятый. Что уже принадлежащая Верховному Совету «Российская газета» (по словам Руслана Хасбулатова, единственная, которая «держится в норме») прокомментиро-

вала так: «Парламент не отступил от принципов демократии...»

Интересно, что все другие (за исключением еще и «Правды») отнеслись к происшедшему далеко не так восторженно. Не исключено, что будет работа и для Конституционного суда...

Но что же все-таки происходит?

Коротко напомним, как развивались события.

Меня пригласили участвовать в обсуждении документов, которые предполагалось вынести на сессию Верховного Совета, и я видел, как трудно идет эта работа. Но она продвигалась, отрывая время у десятков специалистов, приходивших высказать свое мнение тем, кто дол-

жен был все взвесить, объединить в единое целое, соблюсти баланс интересов. Казалось, что речь шла именно о ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ В СФЕРЕ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ, выработка которой, безусловно, необходимое и не терпящее отлагательств дело, которым и должен заниматься именно парламент.

И вдруг 11 июля, придя в Верховный Совет на итоговое заседание комиссии, я с изумлением узнал, что вся двухмесячная работа парламентариев, работников Минпечати, журналистов была перечеркнута и начата с нуля. Оказалось, что за недостаточную жесткость по отношению к печати от руководства комиссией по подготовке постановления был отстранен председатель парламентского Комитета по средствам массовой информации Вячеслав Брагин, а назначен — председатель Совета Республик Николай Рябов.

Проект постановления, содержащий принципиально важные для вы-

живания прессы положения, был отброшен, а появился иной — в котором мы и прочли уже ставшие знаменитыми пункты о «Наблюдательном Совете», который будет создан парламентом и «рекомендации» которого должны стать «обязательными» и для Министерства печати, и для обеих телекомпаний, и вообще для всех «государственных изданий». Этот же «Наблюдательный Совет» по замыслу авторов проекта должен был бы взять на себя и хлопотную обязанность делить и раздавать госдотации непосредственно газетам и журналам, хотя, кажется, уже всем стало предельно ясно, насколько сама идея таких дотаций неэффективна экономически, ущербна морально и бесперспективна политически. Но в том-то и дело, что налоговые льготы для всех без исключения средств массовой информации, за которые выступают журналисты, гораздо труднее превратить в рычаг для постоянного давления на них, а авторы проекта были озабочены больше всего тем, чтобы лишь перехватить такой рычаг в собственные руки.

После трехчасового обсуждения проекта постановления становилось совершенно очевидно, что интересы читателей газет и телезрителей приносятся в жертву интересам той или иной депутатской фракции, амбициям недостаточно ответственных и квалифицированных политиков.

В понедельник 13 июля прошло заседание президиума Верховного Совета, принявшего удушающий прессу проект к слушанию на сессии.

При этом Руслан Хасбулатов порадовал присутствующих заявлением о том, что для него «однаково разрушительными» являются равно «День», так и «Независимая газета», а также предложением в связи с этим «подумать и закрыть» ряд изданий, «тем более что и бумаги у нас не хватает». Еще спикер посоветовал коллегам отменить ряд статей Закона о печати...

А дальше пошло все то, с чего я начал эти заметки. И — решение парламента, показавшее, КАК он намерен считаться с общественным мнением...

...Факт остается фактом: массированное наступление на свободу слова — единственное реальное завоевание последних лет — продолжается. К нему подключаются все новые силы — от Анпилова до Хасбулатова. А мы уже знаем, что обычно следует за этим.

Фото А. Куденко

Воспоминание о КПСС

Первый этап процесса по делу партии показал еще раз: большевики остаются большевиками...

Марина Шакина

Заинтересованные зрители давно пытаются найти точное определение тому жанру, в котором разворачивается в бывшем здании Комитета народного контроля, а ныне Конституционного суда России процесс об указах президента и конституционности КПСС. Цирк, фарс... Наблюдатели едины в одном — ни трагедии, ни даже драмы из разбирательства не получается. Даже несчастный случай с Сергеем Шахраем, представителем президента, чуть было не добавивший к процессу запаха крови, придал разбирательству черты всего лишь безвкусного детектива...

Синдром осады

Если в первые дни зал и кулуары суда ломились от представителей прессы, сторон, экспертов и просто болельщиков, то с каждым последующим днем все больше бросались в глаза пустующие места в зале, тихие коридоры. В иные дни о суде забывают упомянуть в выпусках телевизионных новостей. Давно покинули подступы к зданию, где идет процесс века, пикеты той и другой стороны — президента и коммунистов. Общественное мнение занято другим: проблемы уборочной, горячие точки в Приднестровье и Южной Осетии, битва за «Известия», которая, кстати, грозит Конституционному суду еще одним процессом века — «Известия» против Верховного Совета...

Если задачей коммунистов было привлечь внимание к стремительно уходящей в небытие и столь же стремительно забывающейся партии, то цель отчасти достигнута. Прошлые люди с их прошлыми словами оказались на несколько секунд в фокусе общественного интереса, но и только... Может быть, это и к лучшему? Ведь настоящие воспоминания о КПСС добрых чувств не будят — это отчетливо могли ощутить те, кто присутствовал в зале, слушая и наблюдая за ее сторонниками.

Больше всего поражало воинствующее пренебрежение здравым смыслом. Валерий Зорькин пытался убедить коммунистов выработать единую точку зрения по делу — ведь каждый очередной выступающий с их стороны опровергал предыдущего... Замечание было воспринято как «происки». И им был дан достойный отпор — сторона КПСС при поддержке одного из судей отстояла

свое право говорить «кто в лес, кто по дрова».

Еще один пример: выступает представитель КПСС, титулованный ученый-юрист и постоянно говорит об «обвинениях в адрес КПСС как преступной организации». В ответ на замечание председателя о том, что так вопрос никто не ставит, что это не предмет разбирательства, после нескольких минут пререкания нехотя отступает — ну хорошо, будем считать, что я выражаю свое собственное мнение... И продолжает в том же духе.

Депутаты-ходатаи по проверке указов президента о запрете КПСС выступали первыми в этом процессе, и они задали тон, при котором выражения типа «демократическое воронье», «унтер-пришибеевщина», «по сравнению с тем, что делает с народом нынешняя демократическая власть...» накаляли обстановку в зале. Кто-то склонен считать это проявлением заправленности — вот, дескать, до чего довели простых коммунистов своими нападениями бездумные демократы. Но, судя по всему, это все-таки проявление чего-то другого, генетически присущего КПСС. Это воспитанный с юного партийного возраста культ борьбы с врагом, готовность дать мгновенный отпор на происки «империализма» и всякого инакомыслия вообще. Это семьдесят четыре года пестуемый синдром идеологической осады — вроде как советские туристы на Западе, которые жались в группу и проводили время в постоянном ожидании провокаций. Хотя если вдуматься, ну кому они нужны?..

Кстати, об арабесках...

Представители президента и противники КПСС в долгу не оставались, но надо сказать, что если и грубили, то делали это изысканно. Сергей Шахрай, например, имея большой опыт политических собеседований с таким изобретательным спарринг-партнером, как Руслан Хасбулатов, научился не терять вежливого тона в любой ситуации, провоцирующей на кухонную перебранку. Метафоры противников КПСС были на порядок изящнее и эстетичнее — скажем, «фурнитура и арабески» (так охарактеризовал представитель депутатов-противников КПСС признаки партии, которыми обладала «организация, именовавшая себя КПСС»). Единственное неудобство — пришлось долго объяснять, что такое арабески.

Конечно, не слишком вежливо, отвечая на вопрос оппонента, обращаться каждый раз к суду, а не к тому, кто задал вопрос, как это делал тот же представитель противников КПСС, который знает трудное слово «арабески», но все же это не попытка мелко «укусить» оппонентов, уличив их в якобы безграмотности: «Почему ходатайство о проверке конституционности КПСС изложено с орфографическими ошибками?» или «За это вам на моей кафедре поставили бы двойку. Обвинить грамотно и то не умеют».

В чем резко отличались стороны — в установке по отношению к судьям. Представители президента и депутатов-противников КПСС взяли курс на безоговорочное подчинение его решениям и галантность в стиле: «Нам приятно отвечать суду». Коммунисты относились к блюстителям закона в духе присущей им подозрительности — постоянно намекали на то, что суд не смеет противиться президенту, подуживали блюстителей закона, пререкались и занимались психологической обработкой — суд хотят «повязать беззаконием, царящим в стране», «накинуть на указы мантию конституционности...»

Вот, скажем, адвокаты — одна и та же каста, наемные работники, сегодня защищают Чурбанова — завтра отстаивают неконституционность КПСС, сегодня по долгу службы идут в атаку на президента — завтра могут биться за коллектив «Известий». На процессе по делу КПСС они как зеркало отражали уровень и установки своих доверителей. Напористые адвокаты КПСС повторяли слова своих клиентов о терроре и произволе, адвокаты президента и депутатов-ходатаев о проверке конституционности КПСС говорили подчеркнуто негромкими, если не сказать, ележными голосами, благодарили за каждый ответ и, допустив бестактность (вроде вопроса к стороне КПСС: «Значит ли это, что вы готовы отвечать лишь тогда, когда вас уличат?»), тут же не сходя с места каялись.

С опытом КВН

Зал Конституционного суда разделен на две половины, на одной из которых располагаются защитники КПСС, на другой — противники. «Половина» КПСС все дни заседаний была заполнена плотнее. Значительную часть защитников КПСС составляли люди пожилые — например пенсионеры Ивашко и Лигачев. Для них характерна незамутненная большевистская мысль и вечнозеленый комсомольский задор, который, кажется, составляет предмет их осо-

Рисунок Александра Зюина

бой гордости. Как сказал Владимир Ивашко: «Причитаний вы от меня не дождетесь». И такая простая человеческая улыбка...

Но были в рядах коммунистов и представители другого поколения партийных функционеров, лишь недавно попавших в верхушку КПСС. Они сильно отличались от своих предшественников — способные, сообразительные, знакомые с формальной логикой, с чувством юмора и то, что называется «рисковые», умеющие брать ответственность на себя. Таких было — один, секретарь ЦК КПСС Владимир Калашников, профессор-историк из Санкт-Петербурга. Он даже мог посмеяться над святым — например, с иронией рассказал о том, как к нему на кафедру принесли пакет из ЦК КПСС под грифом «Совершенно секретно»: его разыскивали по всему институту, достали буквально из-под земли, а в пакете оказался... план мероприятий по работе с женщинами.

Привет от Русского национального собора

Впрочем, это был элемент игры на понижение пафоса — дескать, миф о руководящей и направляющей роли сильно раздут брежневским агитпропом. «Прошла зима, настало лето, спасибо партии за это», а партия-то тут и ни при чем. Вот и «совершенно секретные» пакеты — название грозное, а по содержанию — пустячок.

Профессора-секретаря даже пересадили в первый ряд, ближе к микрофону, и, надо сказать, что марафон ответов на вопросы оппонентов он прошел с честью, как в КВН. Ему даже не требовалось тридцать секунд на раздумье. Например, вопрос представителя Олега Румянцева: «Не принимала ли партия решений о лишении гражданства?», ответ: «Нет». «А Солженицын, Тарсис?», ответ: «Партийных решений не было, это были решения партийных органов».

Коммунисты больше приковывали взгляд, были колоритнее противоположной стороны. В последних рядах коммунистической половины сидел один из московских бизнесменов. Он отличался от массы остальных приверженцев КПСС полуавангардным одеянием и вольнодумством на лице (у кого из членов политбюро или секретарей ЦК были усы?). Отложив все срочные предпринимательские дела, он ходил в суд как на службу много дней подряд.

Была там и пожилая дама с орденскими планками высотой около двадцати сантиметров. В кулуарах журналисты почтительно осведомлялись друг у друга: «Вы не знаете, кто это?» Был удивительнейший Юрий Слободкин, сформулировавший свое кредо так: «Я выступал против Ельцина, когда его выбирали председателем Верховного Совета РСФСР, выступаю и буду выступать».

Насупенный Геннадий Зюганов не обошел вниманием прессу (конечно же, услужливую), но тут был иной поворот. Пресса, — сказал деятель идеологического отдела ЦК, — это информационно-психологический инструментальный ЦРУ. В обороте опять появилась директива Совета национальной безопасности США времен якобы карибского кризиса — та самая, на которую уже ссылался в свое время нынешний узник «Матросской тишины» Владимир Крючков. Зачитанная вслух директива состояла из пяти пунктов, первым из которых был «разрушить КПСС», а последним — «агенты влияния», которые действуют повсюду.

Директива, цитируя которую Зюганов не сумел назвать источник своих сведений, у коммунистов-капэсэсников начинает играть ту самую роль, которую выполняли у антисемитов «Протоколы сионских мудрецов». Кто разрушил могучую КПСС и СССР? Агенты влияния, и первый из них — Горбачев. Примитивность такого хода мыслей Геннадия Зюга-

нова даже не шокирует, и она, кстати, тоже в крови у коммунистов. Из истории известно, что, когда высокопоставленные функционеры из КПСС сводили счеты друг с другом, поверженный политический противник тут же объявлялся шпионом нескольких разведок.

А под конец Геннадий Зюганов обратился к суду от имени Русского национального собора. Бывший секретарь ЦК РКП, представляющий ныне нерушимый блок коммунистов и национал-патриотов, заявил, что независим от решения суда в стране есть такие силы, которые «не допустят очередного братоубийства и появления новой компрадорской опричнины»...

Напоследок перед недельным перерывом в работе суда сторонам было предложено предоставить дополнительные документы: президенту — подготовительные материалы трех антикапэсэсовских указов со всеми визами, а коммунистам — ту самую директиву Совета национальной безопасности США. На обеих половинах суда — коммунистической и антикоммунистической — последовала непродолжительная немая сцена...

Второе «Заседание парткома»

Не менее интересное зрелище представляли из себя сам суд, то есть тринадцать конституционных судей. К середине разбирательства напряжение в их небольшом коллективе достигло предела. Политические пристрастия блюстителей закона читались как в открытой книге. Кажется, несмотря на все заявления, судьи сами не были готовы держаться вдали от политики и ее текущих потребностей. Когда выступал представитель КПСС и именно к нему были претензии у судей, за рассуждения, не относящиеся к делу, за упоминания о терроре или за неуважительный тон по отношению к оппонентам один из судей тут же настаивал, чтобы замечания по этому поводу были сделаны обоим сторонам.

Постоянные препирательства одного из судей с председателем подрывали не только авторитет Валерия Зорькина, но и всего суда в целом. Но модель: споры и разногласия за кулисами, перед публикой — с единым решением в этом заседании не действовала, что указывает на то, что в ближайшем времени суд, очевидно, столкнется с разрушительными проблемами внутреннего порядка.

А в целом что можно сказать? Добротный, не лишенный интриги спектакль. Но не гвоздь сезона. Все равно что сегодня смотреть будоражившую когда-то умы знаменитую пьесу «Заседание парткома». Что ни говорите, а не задевает, не трогает. Уже проехали...

Штыки и слева, и справа

Правительство России подготовило и передало в парламент для рассмотрения и утверждения проект «Программы углубления экономических реформ»

Предполагается, что работа над проектом будет продолжаться в течение всего лета. К подготовке программы привлечены значительные силы — семь центров и институтов, а также ряд министерств и ведомств Российской Федерации. Западные специалисты были представлены Московским представительством Международного банка реконструкции и развития. Что касается МВФ, то консультации с ним не предусматривались. Как ожидается авторами, программа будет встречена в штыки как справа, так и слева.

Планируется три этапа перехода к рыночной экономике. Первый этап, названный «кризисное развитие», относится к 1992–1993 годам. Одна из основных задач на этом этапе — существенное сокращение государственных расходов и более эффективное их использование. Произойдет резкое снижение объемов государственных дотаций и субсидий. Оставшиеся субсидии будут выдаваться преимущественно прямо предприятиям и учреждениям, а не в форме субсидирования цен.

Государственное регулирование цен и тарифов сохранится только на услуги жилищно-коммунального хозяйства и некоторые отрасли транспорта. Цены на энергоносители будут либерализованы в 1993 году. Реализация приоритетов структурной политики: топливно-энергетический комплекс, конверсия оборонной промышленности, жилье, коммуникации — не будет базироваться на массивных государственных инвестициях и централизованном перераспределении материальных ресурсов. Важным фактором активизации структурной политики будут иностранные кредиты и прямые инвестиции, а также частные российские инвестиции. Для поддержки частных инвестиций расходы на инвестиции из прибыли облагаются налогом по пониженной (50 процентов) ставке.

Все большая часть госрасходов на социальные цели будет постепенно перекладываться с госбюджета на негосударственные пенсионные, страховые и иные фонды.

В области кредитно-денежной политики ставится задача справиться с кризисом неплатежей и наличности и в 1993 году снизить прирост денежной массы до 2–3 процентов в месяц. Это позволит добиться сокращения инфляции до 3 процентов ежемесячно не позднее второй половины 1993 года. Для перехода к единому курсу рубля в 1992 году будут отменены покупка валюты государством по завышенному курсу и скрытое субсидирование закупок централизованного импорта. После достижения уровня инфляции 3 процентов в месяц вводится фиксированный курс рубля.

Очень много нововведений в налоговой системе. Ощутимого снижения налогового

бремени ожидать не приходится. Введение в 1993 году энергетического налога типа «роялти», обеспечивающего поступление в доходы бюджета части ренты, реализуемой при эксплуатации месторождений, позволит снизить налог на добавленную стоимость (НДС) до 22–25 процентов. Экспорт энергоносителей и ряда других сырьевых товаров будет облагаться экспортным налогом. Ожидается отмена подоходного налога с предприятий и сохранение налога на прибыль с пересмотром состава льгот.

На 1993 год приходится массовая приватизация крупных и средних предприятий. К концу первого этапа предполагается продать до 30 процентов производственных фондов госпредприятий. Одновременно осуществляется реформа госпредприятий, пока (или во-

обще) не подлежащих приватизации. Суть реформы в разграничении прав и обязанностей данных предприятий и государственных органов управления.

Что касается аграрного сектора, то правительство будет настаивать на отмене ограничений на куплю-продажу земли. Главные вложения должны быть направлены в область хранения и переработки сельскохозяйственной продукции. Огромное значение имеет развитие инфраструктуры сельского рынка и воссоздание сельской торговли.

Предполагается, что после окончания первого этапа в стране будут устойчивая конвертируемая национальная валюта, относительно стабильные свободные цены, значительная доля частного сектора.

Сроки и содержание второго и третьего этапов будут зависеть от результатов первого.

Борис Пинскер:

«Свежезамороженная реформа...»

Независимый экономист Борис Пинскер всегда считался экстремистом в экономике и критиком по призванию. На протяжении нескольких лет он постоянно твердил о том, что либерализация цен — причем глобальная и всеобъемлющая — единственное, что может помочь бывшему народному хозяйству. Всегда выступал за радикальную и скоростную приватизацию. Сейчас большую часть времени он проводит за рубежом, но тем

не менее согласился, появившись в Москве, прокомментировать новую программу правительства.

«Новое время». Как вы оцениваете программу в целом?

Борис Пинскер. Я бы назвал ее мечтательной. Есть еще одно хорошее определение — «экономическая теория грифельной доски», когда предполагается на бумаге, но не реализуется в действительности.

Нынешнее состояние дел в экономике — отличное тому подтверждение.

В области кредитно-денежной политики правительству не удалось даже близко подойти к цели. Сейчас ему удастся сдерживать инфляцию за счет невыплаты зарплат, стипендий, пособий. Например, за первые шесть месяцев этого года объем налично-денежной эмиссии составил 190 миллиардов рублей. Но при этом недоплаты, долги правительства по выплатам составили 150 миллиардов рублей, то есть почти столько же, сколько реальная эмиссия. Если мы с такой эмиссией имели 25 процентов месячной инфляции и девятикратное увеличение цен за год, то с учетом недоплаченных денег можно счи-

тать, что инфляция была 35–40 процентов, что грозит приблизительно двадцатикратным увеличением цен к концу года.

В налоговой сфере установлено нереалистичное задание по сбору налогов. Правительство никогда их в нужном объеме не собирало и не соберет. По моим подсчетам, дефицит бюджета составит не 4 процента, как предполагалось, а около 40.

Реформы смогли бы сработать в условиях частно-собственнической экономики. Тогда введение ограничений кредитной и налично-денежной эмиссии уже к концу января привело бы к банкротству нескольких десятков предприятий. Все остальные, глядя на этот печальный пример, поняли бы, что правительство серьезно относится к выполнению своих обещаний, и установилась бы некоторая разумная дисциплина — ни один лидер рабочего движения в этих условиях не стал бы требовать сорок тысяч заработной платы. Тот факт, что за семь месяцев реформы не обанкротилось ни одно предприятие, свидетельствует о том, что реформ не было.

«НВ». Что вы думаете о схеме приватизации, изложенной в проекте?

Б.П. Во-первых, только к концу 1993 года предполагается приватизировать 80 процентов торговли, к 1995 году — 40 процентов промышленных мощностей. Как страна будет жить эти полтора — три года?! Во-вторых, о каком завершении либерализации цен можно говорить, если это наме-

Алексей Михайлов:

«Миф о финансовой стабилизации будет жить...»

Алексей Михайлов — ведущий научный сотрудник «ЭПИ-центра», руководителем которого является Григорий Явлинский. Он участвовал в разработке программы «500 дней» и всех остальных проектов и рекомендаций, составленных группой Явлинского.

«Новое время». Ваше мнение о программе?

Алексей Михайлов. Начиная со времен первой правительственной программы — «меморандума об экономической политике», правительство проявляет упорство в достижении однажды поставленных целей — финансовая стабилизация и посте-

пенная либерализация. Эти приоритеты считаются безусловными и не оспариваются. С моей точки зрения, именно это является самым глубоким заблуждением. Проводить либерализацию экономики в старых институциональных структурах, а финансовую стабилизацию в еще не полностью либерализованной экономике — неправильная последовательность ходов. Возникает такая ассоциация: очень упрямый человек продолжает из всех сил давить на выключатель в абсолютной уверенности, что силы электричества (читай: силы рынка) зажгут лампочку. Ему не приходит в голову проверить, ввинчена ли она в патрон.

«НВ». А на ваш взгляд, что необходимо сделать в первую очередь?

А.М. Главным приоритетом должны стать системные изменения в экономике — структурные и институцио-

нальные. В связи с тем что эти изменения должны осуществляться на протяжении нескольких лет, в финансовой сфере надо было ставить не задачи стабилизации — нулевую инфляцию, — а задачу управляемости и прогнозирования инфляции, пусть даже высокой. Главное требование к финансам должно было бы заключаться в одном — не мешать долговременным и устойчивым изменениям.

«НВ». Как это выглядит на уровне конкретного предпринимателя?

А.М. Предпринимателю очень важно планировать свою деятельность. Правительство считает, что это возможно только в условиях нулевой инфляции, когда предприниматель знает, что цены не растут. На самом деле это возможно и в другой системе координат. Предпринимателю достаточно знать стабильный темп роста цен

чено осуществить на полтора года раньше срока массовой приватизации?

«НВ». Одним из факторов оживления экономики в проекте названы иностранные кредиты и прямые инвестиции...

Б.П. Авторами предполагается, что за три с половиной года инвестиции составят 1,3 миллиарда, а при благоприятных условиях 3,5 миллиарда долларов. Это почти нуль и означает, что правительство не намерено открывать экономику и выпускать из рук рычаги управления ею. Государственную собственность, управление которой осуществлялось через министерства и Госплан, они намерены заменить квазичастной собственностью, которой будут управлять государственные холдинги, траст-компании, а в конечном итоге — министерство экономики.

Проектируя будущее, правительство намерено формировать слой институциональных инвесторов: пенсионные и инвестиционные фонды, страховые компании. Именно эту группу экономических единиц правительство намерено поддерживать и стимулировать. При этом частного интереса и частной собственности в этой ситуации будет не больше, чем в нынешних госпредприятиях. Работа квазикоммерческих банков, когда государственные служащие управляют капиталом государственных предприятий, делая вид, что это — частный коммерческий банк, дает представление о перспективах разви-

тия частных инвестиционных фондов. Нет и никогда не было ни в одной стране мира такой ситуации, когда банкиры берут взятки за предоставление льготного кредита!

«НВ». Неужели в программе нет рациональных зерен?

Б.П. В ней столько же рационального и здорового, сколько во всяком свежемороженом трупце, когда есть все органы и каждый из них хорош, но вместе они нежизнеспособны. Сочинение авторов программы похоже на те, которые регулярно штамповались к очередному съезду партии: в таком-то году будет столько-то, а к такому-то — столько-то.

«НВ». Если проект программы будет принят, то что нас, на ваш взгляд, ожидает?

Б.П. Мы будем иметь инфляцию от 1000 до 10000 процентов в год. Вдобавок чудовищное социальное расслоение и политическую поляризацию, массовые волнения и забастовки, репрессии против рабочего

движения, ограничение свободы торговли и печати, судебные показательные процессы директоров предприятий. Мы попадаем в латиноамериканскую ситуацию.

«НВ». Вы нарисовали достаточно мрачную картину. Есть ли у вас альтернативное решение?

Б.П. Только немедленная стопроцентная приватизация торговли и промышленности создаст организационные предпосылки для осуществления реформ. Единственно реальный способ провести эту приватизацию быстро — приватизационный чек.

Необходима большая административная реформа, так как глупо и небезопасно ждать, когда флагманы советской промышленности рассыплются сами собой. Сверхкрупные предприятия, дающие большую часть промышленного производства в стране, должны быть расчленены на предприятия средних размеров. Это делает управление более гибким.

Откройте внешние границы, впусти-те сюда западных конкурентов.

в будущем, для того чтобы учитывать его в своих контрактах и инвестициях.

«НВ». Не кажется ли вам предложенная налоговая система слишком жесткой?

А.М. В связи с тем что поставлена нереальная сегодня цель — достичь 3-процентной месячной инфляции, то уровень налоговых ставок резко завышен. Налоги в таких условиях не дают развиваться производству и являются одним из факторов роста цен.

Уровень налоговых ставок, конечно, необходимо снижать, но только при условии изменения приоритетов программы. Снизить его сейчас, оставив без изменения концепцию данной программы, — значит попасть в условия неконтролируемой гиперинфляции и стремительного роста бюджетного дефицита.

«НВ». Поддерживаете ли вы метод приватизации, предложенный правительством?

А.М. Я скептически отношусь к идее бесплатной раздачи собственности, которая приносит доход, а тем более к раздаче собственности, которая, как в нашем случае, дохода не приносит. Это чисто популистский шаг, который может привести к резко деформированной структуре собственности. Если собственность приносит доход, то она должна продаваться. Пусть по заниженной стоимости, но продаваться. Зачем человеку менять чеки на акции,

А человеку-то что делать, пока правительство переходит к рынку?

если по акциям он не получит дивидендов? Это просто бессмысленные бумаги.

«НВ». Реален ли сегодня приток иностранных инвестиций и кредитов, планируемый в программе?

А.М. В сегодняшней ситуации кредитов нет и быть не может. В мире нас не понимают и не верят нам: мы все время ставим нереальные задачи, успешно их проваливаем и пытаемся сделать вид, что двигаемся к цели.

«НВ». Каковы, с вашей точки зрения, положительные стороны программы?

А.М. Есть определенные верные тактические решения. Например, по проблеме неплатежей между предприятиями, взаимные долги которых достигли более 2 триллионов рублей. Предложено по состоянию на 1 июля произвести списание долгов с баланса предприятия и передать специально

образованному органу. Однако эти решения реализуются лишь наполовину, не осуществляясь в той части, в которой они портят «фасад» реформ: увеличивают бюджетный дефицит или объем кредитов, выданный Центральным банком России.

«НВ». Как дальше будет развиваться события, если программа будет принята?

А.М. Будет и дальше существовать миф о финансовой стабилизации и продолжаться спад производства. Возможно возникновение массовой безработицы, и очень сомнительно, что в конце пути удастся удержаться от неконтролируемой гиперинфляции. Мы потеряли много драгоценного времени, сделав социальную цену реформ еще более высокой.

Наталья Щелкова

Рисунок из газеты «Интернэшнл геральд трибюн» (США)

Власть второго призыва

Леонид Васильев

Что представляет собой оппозиция правящим демократам? Она весьма пестра.

Красные и коричневые, коммунисты и расисты — это два смыкающихся между собой крайних фланга оппозиции. Эти фланги наиболее энергичны и шумливы, особенно когда речь заходит о митингах, пикетах, крикливых форумах народных спасителей. Несмотря на многочисленные параллели и предостережения, которыми полны нынешние политологические анализы и публицистические статьи, экстремисты в нашей стране сегодня практически не имеют шансов.

Уставший и досыта накормленный экстремизмом народ за крикунами не пойдет, а для захвата власти у красно-коричневых нет сил, не говоря уже об отсутствии позитивной программы действий.

Второй очерк о возможных путях развития демократии в России. Первый был опубликован в № 28/92.

**У тех, кто
сегодня в
оппозиции к
демократам,
очень много
козырей.
Власть играет
неумело, на
каждом шагу
подставляясь**

Кроме того, в стране нет сейчас той благоприятной для успехов экстремизма ситуации вакуума власти, которая единственно способна обеспечить им успех. Власть неэффективна, действует неумело и непоследовательно, но она существует и действует.

Демократия — не для России?

Рядом с красно-коричневыми и близко к ним стоят те отряды оппозиции, которые сделали ставку на имперский национал-патриотизм. Давно уже формирующийся в стране национал-патриотический блок с его имперскими традициями имеет достаточно широкую социальную базу. В нее входят все те, кто недоволен властями, скорбит о великом прошлом страны — как недавнем, сталинско-коммунистическом, так и далеком, имперско-деспотическом.

Многие из тех, кто наиболее глубоко поражен синдромом утраченных иллюзий, — потенциальные сторонники национал-патриотов. Этот блок обладает достаточно мощными интеллектуальными силами, имеет признанных идеологов с широко известными именами и немалое влияние в стране. Именно к нему тесно примыкают в качестве его экстремистских флангов нынешние красно-коричневые. И именно этот блок представляет собой основную массу резко не довольных и готовых к решительным антиправительственным действиям людей. Шумные митинги с красно-коричневыми на переднем плане — это своего рода проба сил, разведка боем. Впереди красные и коричневые, за ними в качестве своего рода интеллектуального штаба национал-патриоты из числа интеллектуалов, включая и лидеров парламентской оппозиции.

Что предлагают стране национал-патриоты? Нужна ли, ставят они вопрос, России западная демократия? Особенно если принять во внимание, что к ней Россия совсем не готова. Здесь стоит заметить, что подобная постановка проблемы не нова. Напротив, вот уже свыше двух веков во всех странах неевропейской культуры идея сопротивления вестернизации была одной из ведущих, а кое-где, как в Иране в 1978–1980 годах, эта идея победила. Россия по многим параметрам принадлежит к этим же странам, так что ана-

Рисунок
Марата
Таурова

логия с Ираном в этом смысле едва ли не более уместна, нежели прочно вошедшие в политическую публицистику наших дней аналогии с Веймарской Германией.

Можно сколько угодно скорбеть о прошлом величии империи и доказывать, что русские неприспособлены к рыночной экономике и демократии по-европейски (и все это можно понять), но при этом нельзя не иметь программы действий, учитывающей сегодняшние реалии. Без такой программы национал-патриотическая оппозиция прийти к власти не может. А если и окажется у власти, вынуждена будет сразу же пересмотреть свои основные принципы — иначе ей просто не удержаться.

Правительство в изоляции

И наконец, те отряды оппозиции, что готовы сотрудничать с властью. Это в основном сторонники демократии, демократических реформ, экономических преобразований, в чем-то не согласные с нынешней властью или готовые сотрудничать с ней на определенных условиях. У этой части оппозиции нет широких контактов с массами, но зато есть хорошо продуманные программы действий, есть поддержка влиятельных сил страны, включая вчерашних партаппаратчиков, генералов, заправил ВПК. Часть из них склонна сегодня блокироваться с национал-патриотами. Но при всем том у этих людей интересы связаны с идущими широким фронтом преобразованиями, ибо эта часть оппозиции хорошо понимает необходимость происходящего в стране и бесперспективность попыток увести Россию в сторону от рыночно-демократической структуры по-европейски.

Растерявшая иллюзии и лишенная позитивных идеалов, страна нежизнеспособна. Это хорошо сознают все. И если попытка пришедших к власти демократов заменить обанкротившуюся коммунистическую идею идеей рыночно-демократической пока что не имеет успеха, то это означает, что необходима альтернатива. В качестве альтернативы и была выдвинута русская национальная идея, сводящаяся к имперскому национал-патриотизму. И за неимением чего-либо лучшего все отряды оппозиции, пусть в разной степени, оказались вынужденными принять эту идею и поддержать ее.

Правительство демократов оказалось в этом смысле не просто в изоляции, но в ситуации идейных разногласий со своим народом и с политической оппозицией. А так как успехами в деле внедрения рыночно-демократических идеалов оно похвастать не может, то неудивительно, что для него тоже со всей остротой встал вопрос об отношении к национальной идее. Тем более

Портреты каких лидеров понесут на митинги завтра?

что это оказался не столько теоретический вопрос, сколько дело повседневной практической политики (я имею в виду проблему русских вне России, позицию властей по отношению к Украине, Молдавии и Грузии в связи с конфликтами из-за Черноморского флота, Крыма, Приднестровья, Осетии, не говоря уже о Татарии и Чечне).

Отсюда не только оживление национальной идеи в качестве альтернативы, но и появление множества вариантов этой идеи, от откровенно расистских экстремистских до весьма обогороженных, в стиле, скажем, Солженицына. И мимо этого, да еще в обостряющейся обстановке национальных столкновений и угрозы распада России демократическое правительство пройти не могло. Оно сочло за благо кое-где и кое в чем поступиться демократическими принципами ради сохранения авторитета и власти.

Однако, как говорят в Одессе, положения уже нет, но оно все еще обязывает. Слишком далеко в сторону от признанных демократических стандартов демократические лидеры отклониться не могли. Поэтому и позиции их в вопросе о национальных интересах России оказались половинчатыми, колеблющимися и легко подверженными критике, чем не преминула воспользоваться оппозиция.

Именно под давлением оппозиции, под громкие крики о предательстве национальных интересов в рядах демократических властей все чаще — причем на самом высоком уровне, начиная с президентского — стали раздаваться недвусмысленные угрозы в адрес партнеров по СНГ, что не только несовместимо с

принципами демократического статуса, но и опасно тем, что грозит обернуться эффектом бумеранга для самого российского правительства.

Куда качнется маятник?

Демократическое правительство явно не справляется с дилеммой. Оно не в состоянии ни полностью принять национальную идею, каждый раз оборачивающуюся имперскими силовыми традициями, ни решительно ее отвергнуть. Оно не сумело найти приемлемой для всех — и прежде всего для него самого — желанной середины. Быть может, оно сумело бы этого достичь, если бы его позиции были сильнее, если бы правительство могло пренебречь критикой и упреками в противоречиях и несостоятельности. Поэтому нетрудно прийти к выводу, что смена правительства и, скорей всего, также и президента с его разросшимся административным аппаратом (я уж не говорю о парламенте в обеих его ипостасях) неизбежна. Возможно, она произойдет значительно раньше, нежели того многие ожидают.

Новые придут из рядов оппозиции — больше неоткуда им взяться. Но из какого отряда оппозиции? В принципе может случиться всякое. Маятник истории в условиях обостренного болезненного синдрома утраченных иллюзий может резко качнуться в любую сторону.

Россия — хотя она по многим параметрам сопоставима более с развивающимся Востоком, нежели чем с развитым Западом — великая ядерная держава. Мир не забывает об этом ни на минуту. Больше того,

он охотно помогает нам и готов делать то же самое и впредь именно и прежде всего потому, что разваливающаяся Россия не просто колосс на глиняных ногах, но средоточие смертоносного оружия, которое в случае крушения страны может попасть неизвестно к кому и оказаться орудием шантажа в руках авантюристов и экстремистов.

Но это, однако, не означает, что внешний мир будет готов столь же охотно на этом же самом основании помогать ориентирующейся на возрождение имперской мощи национал-патриотической власти. А отказ от помощи извне, чем подчас бравируют лидеры национал-патриотов, на деле может оказаться весьма влиятельным, даже решающим фактором развития событий. Без этой помощи в искусственном отрыве от внешнего мира и с упованием на собственные силы и методы национал-патриоты не только не сумеют добиться сколько-нибудь ощутимых успехов в оздоровлении страны, но и быстро лишатся власти. Или, точнее, будут де-факто оттеснены от власти более умеренными представителями оппозиции.

Консервативнее и авторитарнее

Возможен, даже вероятен и иной вариант: к власти сразу же вслед за уходом демократического правительства первого призыва — правительства Ельцина — придут именно представители умеренной оппозиции, имеющие программу, отвечающую реалиям жизни, и готовые сотрудничать по меньшей мере с частью демократических руководителей первого призыва.

Новое руководство вынуждено будет найти компромисс между национальной великодержавной идеей, с одной стороны, и рыночной демократией, с другой. И ему будет это сделать намного легче, чем нынешнему. Во-первых, потому что оно не будет считать себя связанным присягой на верность демократии и может заявить свой план реформ, отличный от ныне действующего. Во-вторых, потому что оно тем не менее будет продолжать рыночные реформы и стремиться к сохранению контакта с внешним миром.

Вне всякого сомнения, новое правительство будет консервативнее нынешнего. Возможно, и авторитарнее, во всяком случае с точки зрения умения употребить власть и заставить всех с нею считаться. Но в любом случае это будет правительство демократическое, пусть даже с определенными оговорками. Собственно, это будет правительство демократов второго призыва, отличие которого от первого прежде всего в том, что демократия не будет более выдвигаться на передний

план как самоцель, что демократизации как таковой, столь высоко оцененной нашей интеллигенцией, не будет отдаваться безусловное предпочтение. Больше того, если экономическая реформа при этом пойдет успешно, это обстоятельство не слишком заденет и внешний мир, давно уже привыкший именно к такой ситуации в большинстве развивающихся стран. А неудачи радикальных демократов первого призыва во главе с Горбачевым и Ельциным будут служить своего рода оправданием ограниченной демократии.

Великих нам не было дано

Вот теперь самое время ответить на поставленный в заголовке статьи вопрос. Что же будет в этой ситуации с нашей многострадальной демократией? Что останется от нее, если новые власти будут вынуждены потуже затянуть гайки? Означает ли это, что права и свободы, с таким трудом обретенные, вновь будут поставлены под вопрос?

На мой взгляд, уход с политической сцены демократов первого призыва, на наших глазах трансформировавшихся из идеального типа рыцарей борьбы за права человека в неудачников, не справившихся с управлением разваливающейся страной, закономерен. Возможно, кто-либо великий сумел бы найти гениальный выход из труднейшего положения и тем спас бы страну и обессмертил свое имя. Но великих нам не было дано. Те же, кто пришел, оказались способны начать дело радикальной ломки в измученной экспериментами огромной стране.

У начавших ломку демократических лидеров не было реальных шансов ее завершить. Первым это вынужден был признать и болезненно ощутить на себе Горбачев. Теперь очередь Ельцина. Тем, кто придет им на смену, будет намного легче. Нынешние оппозиционеры или близкие к оппозиции умеренно консервативные представители нынешних властей не будут нести ответственности за ошибки, неудачи и народные страдания первых лет великой переделки России.

Линии на радикальную рыночную реформу по европейскому стандарту альтернативы у нас нет. Вопрос лишь в том, как и какими темпами проводить такого рода реформы. Именно это будет определять политику завтрашнего правительства и именно вследствие этого правительство завтрашнего дня, даже если оно будет в большинстве своем состоять из сторонников национальной идеи, не сможет поставить великодержавную политику с прицелом на силовые методы воссоединения утраченных территорий в центр своего внимания. Только велико-

державный акцент — и никак не более того. Только защита целостности и достоинства великой России — но не более. Лишь при этом непременном условии новое руководство сможет спокойно довести реформы до конца, на что уйдет у него немало времени.

Перемены быстрее мысли

Синдром утраченных иллюзий как социополитический и социопсихологический феномен — это естественная и закономерная реакция восточно-деспотической структуры в ее наиболее жесткой марксистско-социалистической модификации на **слишком быстрые и резкие темпы перемен**. Можно подумать, что здесь явное противоречие: все вполне резонно жалуются на то, что перемены, включая прежде всего ту же реформу, идут крайне медленно, что все или почти все остается на своих местах и благотворных для людей изменений нет. Между тем противоречия здесь нет, оно лишь кажущееся. На самом деле все именно так: изменения происходят медленно и мучительно, но темпы перемен при всем том слишком быстры для нашей страны и ее народа.

Вся противоречивость положения в том, что мучительно медленные темпы изменений на самом деле чудовищно быстры и намного опережают возможности людей к ним адаптироваться.

Собственно, именно это и порождает душевный дискомфорт, крах иллюзий и чувство полной неуверенности перед неведомым грядущим. Люди в большинстве своем привыкли жить по-старому и не умеют жить по-новому. Обстановка же понуждает их поторопиться — и люди от этого страдают.

В экстремальные повороты в близком будущем я не верю, ибо для них нет достаточно серьезной основы. Разумеется, могут быть драматические повороты судьбы, от этого никто и никогда не застрахован. Но, если говорить об императиве истории и вероятности развития событий, нельзя не прийти к выводу, что перемены в России необратимы. Назад — к патриархальной старине, о которой так тоскуют ревнители национальной идеи, — у страны пути нет. Попытаться повернуть назад — значит остановиться. Остановиться для нас равносильно гибели.

Из всего сказанного следует, что демократия в России выстоит, не может не выстоять. И демократы второго призыва, и третьего, да и всех последующих — вне зависимости от того, как они будут называться, — должны быть именно демократами. Если и не по духу, то по делам своим. Россия выстрадала демократию.

Две головы в одном котле не варятся

Аркадий Дубнов,
специальный корреспондент «НВ»

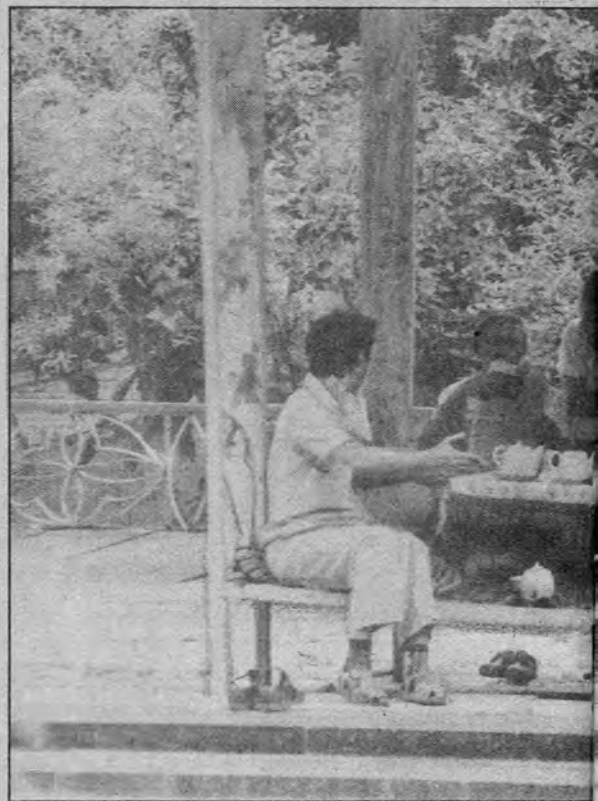
Президент Узбекистана Ислам Каримов оказался главным героем июльской встречи глав государств СНГ в Москве. Во всяком случае таким его представляет ташкентская пресса. Только благодаря «упорству и настойчивости» президента Каримова был решен вопрос о создании многосторонних сил по поддержанию мира. Каримов не возражает против такой трактовки своей роли. И если «кто-то его считает неуживчивым и своенравным, то это оттого, что он всегда говорит пусть горькую, но правду». А что, «мол, зажимаю демократию, «душу» различные движения... то трактовать мою позицию можно по-разному», замечает он.

Одной из главных своих задач узбекский лидер видит в недопущении межнациональных конфликтов на земле Узбекистана. Надо отдать ему должное, стабильность в республике сегодня является непреложным фактом. Если судить по Ташкенту, то кажется, что нет сегодня внешне более спокойного и умиротворенного города. Ночью не слышно стрельбы, днем не видно воору-

Над всем
Узбекистаном
безоблачное
небо.
Президент
Каримов —
гарант
спокойствия.
Его страховой
полис —
восточная
мудрость или
неограничен-
ная власть?

Лидер «Бирлика» Абдурахим Пулатов был жестоко избит и оказался в реанимации

женных людей и БТРов. А вечером, как только спадает жара, из ресторанов или неизвестно откуда несется громкая музыка и раздражает ноздри запах шашлыка. Идиллия?

Не нарушают ее и центральные узбекские газеты. Читатели они стремятся не волновать известиями из бывших братских республик, где льется кровь и делится власть. Такое впечатление, что мир вокруг куда-то рухнул и неизвестно, сохранилась ли там жизнь.

— Вы видите, как у нас спокойно? — спрашивали меня.

— Вижу, — отвечал я.

— Тогда зачем же в Москве возбуждают беспокойство, газета «Известия» и радиопрограмма «Маяк» непрерывно сообщают, что вот-вот что-то обязательно должно случиться?

Беспрецедентный демарш оппозиции

...2 июля площадь «Мустакиллик» («Независимости») в Ташкенте была оцеплена плотными кордонами милиции и ОМОН, блокированы были все подступы к зданию Верховного Совета и резиденции президента. В день, когда после пятимесячного перерыва начиналась сессия парламента, оппозиция — демократическая партия «Эрк» («Воля») и народное движение Узбекистана «Бирлик» («Единство») — призвала своих сторонников на мирные митинги в столице, в областных и районных центрах. Цель — призвать власти к диалогу с оппозицией, дать возможность ей выразить легально свои требования, прекратить кампанию преследований и запугиваний народных депутатов, представляющих оппозицию и ее лидеров.

В условиях действующего в республике запрета на проведение митингов и демон-

страций обстановка складывалась накаленной. Лидеры «Эрка» и «Бирлика» исходили из того, что такой запрет нельзя считать законным ввиду отсутствия чрезвычайного положения, а также потому, что Узбекистан признал Всеобщую декларацию прав человека, Хельсинкские соглашения, стал членом СБСЕ и ООН. И тем не менее во избежание возможных провокаций и кровопролития в последний момент лидеры оппозиции отказались от противостояния, митинг в Ташкенте не состоялся. В Самарканде он был разогнан, несколько десятков человек было задержано. В Намангане в результате предпринятых «профилактических» мер — временного ареста организаторов — митинг также не состоялся.

За 3 дня до этого, 29 июня, у выхода из районной прокуратуры в Ташкенте при скоплении свидетелей был подвергнут нападению и жестоко избит сопредседатель «Бирлика» Абдурахим Пулатов. В тяжелейшем состоянии он провел несколько суток в реанимационном отделении.

6 июля по Ташкенту поползли слухи, что Пулатов скончался и тайно захоронен. Дело дошло до того, что вернувшиеся в Наманган с сессии депутаты поспешили оповестить об этом город. При этом надо иметь в виду, что оппозиция имеет наибольшее число сторонников именно в Намангане, областном центре Ферганской долины. Опровержений не поступало. Естествен вопрос: в чьих интересах эти слухи? Что это — попытка прозондировать, как отне-

сется население к насильственной гибели одного из известных лидеров оппозиции, либо просто подготовить общественность к такой возможности?..

А десятая сессия Верховного Совета прошла организованно. За два дня была полностью исчерпана повестка, включавшая в себя немногим менее сорока вопросов. Особенно внимательно, судя по комментариям прессы, депутаты отнеслись к докладу президента и Обращению ВС к политическим партиям, движениям и всему населению Узбекистана. «С нашей точки зрения, — сообщает газета Верховного Совета и Кабинета министров «Народное слово», — мысль (президента. — А.Д.) о том, что Узбекистан — богатейшая (недрами, плодородием, землей, обилием солнца) страна, глубоко верна. Мы, как образно сказал президент, сидим на золоте».

Таким же простым и ясным языком составлено Обращение, призывающее всех граждан «принять личное участие в дальнейшем укреплении мира и согласия в Узбекистане». Чем и как конкретно? Пожалуй, ответ в том же Обращении: «Для этого необходимо своевременно давать достойный отпор тем, кто, используя в корыстных целях лозунги демократии и гласности, пропагандирует вседозволенность, совершает антиконституционные и противозаконные действия. Ибо в действительности именно такие люди являются противниками правового демократического общества». Правительственная газета предупреждает: «Те, кто пытается поставить под сомнение народный выбор, должны знать — их деяния уголовно наказуемы».

«Отпор» был дан уже на самой сессии. Ни одному депутату от оппозиции слово предоставлено не было. В результате это привело к беспрецедентному демаршу одного из депутатов: Мухамад Солих, лидер «Эрка», подошел к столу президиума, оставил там свой депутатский мандат и покинул зал заседания. Из 500 депутатов за принятие отставки проголосовали только 220, 78 голосов было подано против. Значит ли это, что так велико число сочувствующих оппозиции, сказать трудно, но о том, что имеет место некоторое молчаливое недовольство политическим стилем руководства, свидетельствовать может.

Еще в сентябре прошлого года один из депутатов Национально-демократической партии Узбекистана (НДПУ), наследницы КПУ, председателем которой является сам президент, выступая с трибуны парламента, обвинил Каримова в узурпации власти и нарушениях конституции. Он предложил тогда президенту подать в отставку, а его место занять вице-президенту Шукрулло Мирсаидову. И хотя последний уклонился от этого предложения, спустя месяц была принята поправка к конституции и пост вице-президента был устранил. В качестве отступного

Памятник основателю научного коммунизма никому в столице не мешает

Мирсаидову было предложено занять специально учрежденный пост госсекретаря, от которого он также отказался. Так или иначе Каримов избавился от серьезного потенциального соперника в борьбе за власть.

Сегодня сколь-нибудь самостоятельных политических фигур в окружении президента не существует. Как утверждает узбекская пословица — «две головы в одном котле не варятся».

Феномен узбекоязычной прессы

Говорить серьезно о разделении властей в Узбекистане не приходится. Жизнь в республике фактически руководит аппарат президента и подчиненные ему хокимы (главы администраций) на местах. Независимость прессы характеризуется публикацией совместного постановления Верховного Совета и Кабинета министров при президенте Республики Узбекистан: в целях «работы по разъяснению материалов десятой сессии ВС» Узгостелерадиокомпании, прессе «предложено организовать широкую публикацию материалов собраний, отражающих отношение населения к ... политике, направленной на ... социальную защиту населения».

Естественно, население не сомневается в такой политике. Только в одной газете можно обнаружить следы таких «сомнений» в виде отточенный цензора — в газете «Эрк», органе одноименной партии, издающейся на узбекском языке. Мохамад Солих показал мне образец такой газеты,

мрачно пошутив при этом, что цензор почему-то не оплачивает расходы редакции по трехкратному изданию одного и того же номера.

Однако следует признать, что в Узбекистане есть независимые мыслящие аналитики, которых беспокоит сервильность местной прессы. С одной стороны, их не устраивает, что мировое общественное мнение судит о процессах в Узбекистане в основном по публикациям в российской прессе, критерием для которой «служит не внутренне присущая этому региону логика развития, а «продвинутость по пути радикальных преобразований». С другой стороны, сам «узбекский читатель черпает свои суждения из третьих рук, то есть из той же российской прессы, что неизбежно сказывается на восприятии им его повседневной жизни». Это строки из «обращения к читателю», опубликованного во впервые начавшемся в этом году издаваться в Ташкенте фондом «Азия-эксперт» информационно-аналитическом бюллетене «Перспектива». В условиях переполненной официозом прессы «подцензурная печать может любую листовку превратить в откровение, и героизация неподцензурной печати — самый короткий путь к построению новых мифов и иллюзий».

Что это не пустые слова, довелось убедиться собственными глазами. Председателя Движения демократических реформ Узбекистана Файзуллу Исхакова я застал за чтением газеты «Луч ислама», издающейся исламской партией возрождения, запрещенной властями.

Вот, полюбуйтесь, каков уровень пропаганды нашей исламской оппозиции. Статья, самым серьезным образом цитирующая так называемые «Протоколы сионских мудрецов» и утверждающая, что злейшим врагом ислама являются буддисты, христиане и сионисты. «Луч ислама», правда, издается только на узбекском языке и рассчитана на низкообразованных читателей, среди которых ищет своих сторонников исламская партия. И беда, если, формируя таким способом образ врага-инверса, она их находит...

Предприняли однажды и «эрковцы» попытки сыграть на национальных чувствах узбеков, настроив их против армян, в незначительном количестве проживающих в республике. В одном из мартовских номеров газеты «Эрк» наряду с обращением партии, осуждающим «бойню», устроенную в карабахском Ходжалы, появилась статья, в которой эти события трактовались как одно из звеньев в цепи антиюржской политики, проводимой прохристианскими и проармянскими кругами. Читателям напомнили о событиях в Коканде в 20-е годы, когда дашнаки-красноармейцы подавили восстание местного населения. «Дети тех убийц сегодня убивают детей Ходжалы. Разве это не те же хозяева ресторанов в Ташкенте, Самарканде, не те, кто в наших газетах издается над нами, кто

судит нас? ...Почему же мы не можем требовать возмездия за 20 тысяч наших соотечественников, уничтоженных армянскими дашнаками в 20-е годы?»

Призывы к «исторической мести», слава Богу, к кровавым разборкам в Узбекистане тогда не привели. Но попытки достичь «окончательного подведения итогов» в столь деликатной сфере чреваты взрывом. Если не сегодня, то завтра. Не говоря уже о грядущей здесь угрозе политическому имиджу демократических лидеров. Ведь если сегодня президент Каримов успешно демонстрирует себя гарантом межнационального мира в Узбекистане, то в обстановке разжигания национальной вражды у него еще больше будет оснований обвинить в ее эскалации демократическую оппозицию и окончательно подвести ее.

Обращаясь к проблеме прессы в последний раз, стоит отметить некий феномен узбекоязычной пропаганды. То, что предназначено узбекоязычному читателю, русскоязычному недоступно. К примеру, только в узбекском издании «Народного слова» было на днях опубликовано письмо группы народных депутатов под названием «Народ сам выберет правду». В полном соответствии с Обращением ВС Узбекистана к народу в «письме» дается ответ тем, «кто клеветает 24 часа в сутки на нашего президента и делает ему подлости». Речь идет о Мохамеде Солихе, хотя называется он там только псевдонимом — Салай Мадамин (Солих — писательский псевдоним). Тому, кто не владеет русским языком, объясняется, что «только не имеющий совести может не понять искренние речи нашего президента». Что таким, как Мадамин, «не удастся повлиять на настроение и здоровье нашего президента, мужественного джигита, день и ночь пекущегося о своем народе» и «ведущего караван в поисках светлого пути». «Мы искренни и не льстим президенту, — пишут авторы, — и мы будем щитом на его груди... Собака лает — караван идет, гласит восточная мудрость» — так заканчивается письмо.

Нетрудно предположить, что подобная стилистика может насторожить русскоязычного читателя, напомнив ему времена «отца народов». Этого, видимо, стремятся избежать...

Махалля как форма демократии

Кредит доверия в республике сегодня у Ислама Каримова достаточно высок. В прошлом году, набрав 86 процентов голосов, он был избран президентом на впервые проведенных на земле Мавераннахра (древнее название узбекского региона) прямых президентских выборах. Его единственный официальный соперник на выборах лидер «Эрка» Мохамед Солих получил 12,3 процента (1 миллион 230 тысяч голосов). И

хотя в победе Каримова никто не сомневался, в условиях, когда за 40 дней предвыборной кампании Солиху было предоставлено всего 15 минут на телевидении (из которых 3 минуты было вырезано), а Каримов выступал почти каждый день, — успех Солиха оказался значительным и сделал его заметной политической фигурой. Вряд ли именно на это рассчитывал президент, когда весной прошлого года говорил о необходимости легализации партии «Эрк» и создании конструктивной оппозиции. Зарегистрирована «Эрк» была только после путча ГКЧП, 4 сентября 1991 года, и насчитывала в своих рядах тогда 9 тысяч человек. Сегодня — уже 53 тысячи.

Основными лозунгами партии на президентских выборах были — независимость республики и построение демократического светского государства. Именно в последовательности достижения этих целей было основное расхождение между «Эрком» и «Бирликом», приведшее в прошлом году к выходу Солиха и его партии из «Бирлика». Последние настаивали на том, что достичь демократии в Узбекистане можно, только оставаясь в составе Союза, и только затем ставить вопрос о государственной независимости. Сепаратистами называли «эрковцев» власти. До путча Каримов говорил, что «без Москвы» Узбекистану не выжить. Но после августа обвинения в сепаратизме перестали быть актуальными. Лозунги оппозиции были перехвачены президентом.

Возникла новая ситуация. Своей самостоятельностью как политическая сила оппозиция терять не хотела, но в таком виде она не устраивала Каримова. Начались попытки

На рынке жарко, зато недорого

Ташкент — по-прежнему «город хлебный»

представить ее в качестве деструктивной силы, препятствующей консолидации общества. Заведующий отделом парламентской работы и межпартийных связей Центрального совета НДПУ Шакасым Шаисламов объяснял мне, что «раз президент избран подавляющим большинством населения, то демократия состоит в том, что должна соблюдаться воля этого большинства, а разногласия, сдвиг мнений не способствуют выходу из кризиса». Предположение о том, что демократия — это еще и уважение мнения меньшинства — не воспринималось как существенное. Объясняясь это тем, что всей полнотой информации и опытом эффективного управления обладают только структуры власти, опирающиеся на широкую социальную базу среди населения.

Возможно, что именно так сегодня дело и обстоит. Демократия «узбекского образца» вряд ли будет походить на образцы «европейского типа». Основанная на национальной форме самоорганизации, какой является традиционная узбекская община — махалля, регулирующая ритуально-обрядовую и повседневную бытовую жизнь узбеков, как правило, удерживающую их от проявления экстремизма, она будет определять уравновешенную и осторожную неторопливость в переходе к новым формам общественного устройства. Скорее всего, исходя именно из этих предпосылок строит свою политику Ислам Каримов.

Самый дешевый рынок

В течение 1990–1991 годов ему удалось снять социальную напряженность, предоставив полтора миллионам семей в сельской местности по 25 соток земли на правах аренды. И хотя оппозиция настаивает на скорейшей приватизации земли, Каримов не спешит, считая, что усло-

вия для этого не созрели.

Трудно сказать, насколько готовы сегодня декхане в массовом порядке к приватизации земли. Один из сопредседателей «Бирлика» Шухрат Исмагуллаев говорил мне, что власти пытаются запугивать желающих стать фермерами. И только при поддержке «бирликовских» активистов, к примеру, в местечке Красный водопад под Ташкентом удалось нескольким семьям выкупить землю.

Тем не менее внутренний рынок Узбекистана по-прежнему остается самым дешевым на всем пространстве бывшего Союза. Если иметь в виду продовольственные товары, то цены такие: мясо по 45 руб. за килограмм, масло — 156, молоко — 2,5, картофель — 8,

помидоры — 7. Естественно, дешевые фрукты. Повышены размеры пенсий, в 1,5–1,8 раза увеличены тарифные оклады в госбюджетных отраслях производства. Одновременно до 111 рублей понизилась стоимость масла, ходят разговоры о дальнейшем снижении цены на мясо... И хотя в целом уровень зарплат в Узбекистане существенно ниже, чем в России, такая политика не может не способствовать укреплению режима президента Каримова.

Есть ли экономические обоснования такой социально-популистской политики? Отвечая на мой вопрос, Шакасым Шаисламов аргументировал эти меры высокой прибылью других отраслей. Получив независимость, Узбекистан смог поднять цену на свой хлопок с 800 рублей за тонну до 220 тысяч рублей при его производстве в 4,5 миллиона тонн в год. Кроме того, если раньше экспортное золото высокой пробы, 60 процентов которого добывалось в Зеравшане, было собственностью союзной казны, то теперь оно принадлежит Узбекистану.

Значительная ставка делается на иностранные кредиты. Уже сейчас получены 700 миллионов долларов от Турции, ею же обещан еще один миллиард. Крупные кредиты предполагается получить от Испании, ФРГ, Англии, стран Юго-Восточной Азии...

По пути Ататюрка

Активно обсуждаются модели политического и экономического развития республики. Выбор, собственно, уже сделан. Выступая в Стамбуле на проходившем там в июле Черноморском форуме, Ислам Каримов заявил: «Мы избрали путь Ататюрка и с этого пути не сойдем». Серьезных противников такой ориентации сегодня в Узбекистане нет.

Возглавив в 1918–1923 годах национально-демократическую рево-

люцию в Турции, Кемаль Ататюрк в жесткой форме проводил политику, направленную на построение светского государства, отводя исламу роль исключительно социокультурного фактора. Это соответствует как традициям Мавераннахра, где еще со времен Тимура ислам был отделен от управления государством, так и вообще умеренной религиозности тюркоязычных мусульман по сравнению с персоязычными. Что также дает президенту Узбекистана основание претендовать на авторитарный стиль правления.

Наконец, существует еще один фактор, определяющий внутреннюю политику Каримова, — события в соседнем Таджикистане. Несомненно, он пытается предупредить аналогичное развитие событий. Исключить его нельзя, в Таджикистане проживают около миллиона узбеков, а в Узбекистане — порядка 900 тысяч таджиков, — в основном в соседних областях. В случае если исламский фундаментализм, усиленный там со стороны Афганистана, укрепит свои позиции, реальные очертания может обрести идея «Великого Таджикистана», что, естественно, не сможет не дестабилизировать обстановку и в Узбекистане. Вряд ли случайным в этой связи представляется предложение Каримова создать многосторонние силы СНГ по поддержанию мира...

Так же можно рассматривать и заинтересованность узбекского президента в заключенном договоре о коллективной безопасности между шестью государствами СНГ, включая Россию. Оппозиция в Узбекистане, однако, видит в этом угрозу усилению режима Каримова, поскольку ельцинская Россия, выглядывая из Ташкента гарантом демократической узбекской оппозиции, будучи также заинтересована в этом договоре, окажется вынуждена, по мнению последней, закрыть глаза на подавление демократических свобод в Узбекистане.

Итак, Исламу Каримову удастся сегодня формировать некую систему балансов между, с одной стороны, экономической и культурной ориентацией на Турцию и, с другой стороны, военно-политической — на Россию. И если пока сохраняется стабильность внутри республики, то дальнейшее, видимо, будет зависеть от того, насколько лояльными станут складываться отношения президента с оппозицией, которая также в этом заинтересована. Возможны, конечно, новые попытки создать «карманную» оппозицию, но предшествующий опыт показывает, что «карман» оказывается дырявым, а «выпавшая» из него самостоятельная и загнанная в «угол» в «образе врага», оппозиция представляет действительную опасность для национального согласия.

ТАШКЕНТ–МОСКВА

Фото автора

Финиш века: с коммунизмом и без

Когда коммунизм пал, ангелы, возможно, ликовали. Однако, без сомнения, Демиург призвал их к порядку, сказав, что радоваться рано: до благодати еще далеко

Рисунок из газеты «Гардиан» (Великобритания)

Конец двадцатого века увидел не просто счастливого развенчание кровавой утопии коммунизма, он увидел также глобальные сдвиги в миропорядке: зашевелились тектонические плиты, застывшие на десятилетия, и поползли друг на друга материи и осколки материков...

Взрывы в тектонике миропорядка бывали и раньше, даже сравнительно стабильный период 1815–1914 годов (между повержением Наполеона и первой мировой войной) знаменовался такими кардинальными встрясками, как колониальный дележ мира и появление Японии и Германии как мировых держав. Поэтому на сегодняшнюю взбунтовавшуюся тектонику надо смотреть без истерики, понимая, что какими бы катастрофами ни были чреваты наползания материков, в принципе это в природе вещей.

Аномалией скорее была абсолютная демонизация коммунизма как мирового зла, от которого якобы простекали все беды. Да, красная чума унесла не только десятки миллионов жизней, но и сами основополагающие понятия нравственности; да, она была главным вызовом цивилизации в двадцатом веке; да, она явила беспрецедентный пример распространения агрессивной мертвящей идеи; да, раскол всего мира на два лагеря — явление небывалое (раньше даже в эпохи наихудших конфронтаций бывали целые материи, хранившие нейтральность). Но видеть в коммунизме совершенное воплощение злого начала в мире было по меньшей мере наивно. С точки зрения цивилизационной битва с коммунизмом останется в истории не как Армагеддон, последняя из войн добра со злом, но лишь как определенный этап вечного борения. Борения как нравственных ценностей, так и держав, и наций.

Когда коммунизм пал, может, ангелы и ликовали, но, без сомнения, Демиург призвал их к порядку и сказал, что радоваться рано.

Лагеря на выбор

Пожалуй, что было уникального в мире в коммунистическую эру — так это уровень политической интеграции. Суждение о двух лагерях на мировой арене справедливо, в общем, только для периода 1949–1959 годов; затем помимо лагерей США и СССР появляется лагерь Китая — усеченный, ни в коей мере не сопоставимый с двумя большими коалициями, но все-таки свой лагерь, свой

если не идеологически (противопоставление китайского и советского, кубинского, венгерского социализма весьма и весьма условно), то политически. Наивысший момент интеграции восходил, как мы сказали, к 1949–1959 годам; затем субконтинент Китая стал соскальзывать, уходить в более или менее автономное плавание (хотя принадлежность к ареалу коммунизма значительно ограничивала эту автономию).

И все же интеграция была истинно уникальной. Нейтральных зон не оставалось. При этом спланировала страны не идея человеческой общности, а злая надобность противостоения.

Существовавшая политическая интеграция была искусственным феноменом не только для советского блока, но и для западного. Фактическая передача Японией своей внешней политики и обороны Вашингтону, присутствие американских войск в Европе, реальная монополия США на выработку стратегического курса — все это было противостоением для западного мира и объяснялось только наличием коммунистической угрозы.

Дезинтеграция советского блока была дезинтеграцией внешнего и внутреннего колец империи — вещь стремительной, принявшей обвалный характер. Дезинтеграция остальной части мира не столь очевидна, замедленна и относится в основном к будущему. Объясняется это главным образом тем, что интеграция советского блока была насильственной и привыкнуть к ней «интегрированным» странам и нациям было невозможно. В западном мире если насилие и имело место, то это было насилие страха. За годы совместного существования выработалась психологическая идентификация себя с западной общностью. Экономическое сращивание также стало фактом. Какие-то военно-политические механизмы оказались рациональными. Наконец, коммунистическая общность не перестала быть общностью до сих пор — как это ни парадоксально. Оттого, что Эстония ввела визовой режим, она от России не отпала; может быть, наоборот, эта демонстрация менталитета коммунальной кухни как раз и доказала лишним раз, что Эстония по-прежнему часть Востока, на этот раз посткоммунистического. Восточная общность объединена бедностью, политической нестабильностью, конфликтностью, непредсказуемостью, какой-то вселенской склочностью. И, имея такого соседа, полностью дезинтегрировать в военно-политической сфере Западу абсолютно незачем.

Тем не менее дезинтеграция Запада будет, очевидно, происходить в

достаточно резко очерченных формах.

Призраки 1913-го

Европа будет и дальше отрываться от Штатов; роль НАТО де-факто станет падать, а роль западноевропейских структур — возрастать. Еще во время существования Советского Союза Западная Европа превратилась в совокупный центр силы; теперь обособление западноевропейского острова продолжится и усугубится. Но возникает большой вопрос: что будет с европейской интеграцией? Пока что Западная Европа является одним из трех главных центров интеграции в мире (наряду с двусторонними системами США — Япония, США — Канада). Тем не менее дорога к единой Европе блокируется не только внезапными помехами — вроде референдума в Дании; такие помехи, хоть и вызывают панику, но, в общем, маргинальны. На этой дороге появились призраки 1913 года. И катализатором на этот раз снова оказались Балканы.

Что, собственно, толкало ряд европейских держав усугублять распад Югославии? Гражданская война и льющаяся кровь? Желание как можно быстрее замирить очаг насилия в опасной близости от собственных границ? А может быть, не только это? Не пробудились ли забытые было инстинкты борьбы за сферы влияния? Не убаюканы ли все мы представлениями о том, что уж раз Франция с Германией вошли в союз, так и понятие «борьба за сферы влияния» вышло из европейского лексикона? Не слишком ли поспешно списали со счетов «старую» политику столкновения интересов в третьих странах?

В эпоху миропорядка «холодной войны» Запад не позволял себе быть ослабленным как общность подобными столкновениями; противоречия, как правило, выражались в форме борьбы за рынки. Нет ли сейчас признаков возрождения старых стимулов политики? В сущности, трогательное единство Запада при миропорядке «холодной войны», являясь скачком вперед (уменьшилась конфликтность, интеграция захватила и объединила западную половину мира), было вынужденным перед лицом советского колосса. Теперь политика освободилась от пут страха, и ее — поначалу легонько — повело назад.

В Югославии сильнее других склонность к завоеванию сфер влияния проявили Германия и Франция. К ним же апеллируют и освободившиеся провинции советской империи — как во внешнем, восточноевропейском, так и во внутреннем, «советском», кольце. Официальная американская политика склонна скорее пока что не делать ставку на

сферы влияния, хотя такие голоса (Киссинджер, Бжезинский) уже и раздаются.

Не надо забывать — за Югославией встает соблазнительная до дрожи возможность поделить сферы влияния в «советском» геополитическом поле. Выдержит ли «цивилизованный» менталитет интеграции (дита «холодной войны») такой соблазн?

Есть и еще одно обстоятельство. Пока западные державы взвешивают шансы, в борьбу за сферы влияния в постсоветских мусульманских республиках вступили уже три державы — Турция, Иран, Пакистан. Пока что шансы Турции выглядят предпочтительней: турецкая общность, турецкая модель, принимаемая Западом, интегрированность Турции в Европу и Запад — все это говорит в ее пользу. Но ведь внутривосточные процессы в постсоветских мусульманских государствах только разворачиваются по-настоящему; вот уже и Казахстан начинает волноваться. Будет ли отвечать турецкая модель новым настроениям, которые с неизбежностью падающего камня появятся в мусульманских республиках? Сохранит ли для них турецкая модель свою привлекательность? Сможет ли Турция материально подкрепить свое моральное влияние? Сегодня статус Турции в международных отношениях — благодаря распаду СССР — резко повысился. Иран и Пакистан стремятся к тому же.

И вот в то время как исламские части СССР уже стали предметом борьбы за сферы влияния, удержатся ли западные державы от того, чтобы поискать себе преференциального влияния в других ареалах «советского» геополитического пространства? Это-то и может стать на пути западноевропейской интеграции и интеграции западного мира в целом.

В истории не бывает прямых аналогий, и, конечно, новая европейская или мировая война за сферы влияния на Балканах и восточнее вряд ли вспыхнет. Но вот единство западного лагеря может быть сломлено, и совершенно новая геополитическая ситуация обозначится в этом случае в Евразии.

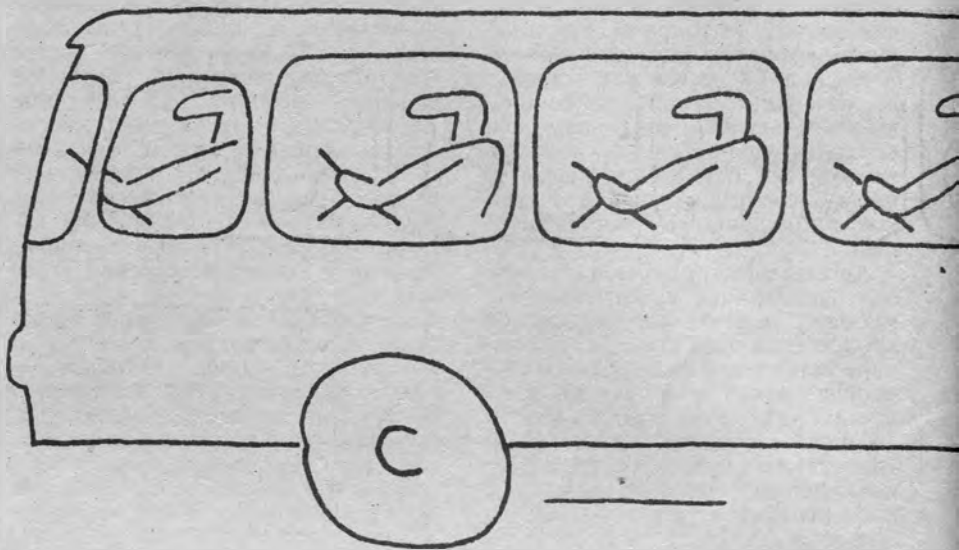
И сибирский сепаратизм

Особняком стоит вопрос о Японии. Существующее сегодня положение опять-таки вызвано «холодной войной» и противоречит всей предшествующей человеческой истории. Споры нет: то, что Япония многие годы довольствовалась статусом экономической сверхдержавы без соответствующего политического и военного статуса (отказываясь, по сути, от части

своего суверенитета в пользу Штатов), вселяло оптимизм. Действительно, не идеальное ли это состояние мощной державы — максимально удаленное от конфликтности, вообще от политических игр (с известной долей упрощения можно допустить, что традиционная послевоенная японская внешняя политика сводилась к отстаиванию своих позиций в территориальном споре с СССР и достаточно робким попыткам обеспечить себе политическую роль в Юго-Восточной Азии)? Что предпочтет Япония в дальнейшем? Сохранение прежнего статуса — «прогрессивного», но обусловленного «холодной войной» и неесте-

перии, хотя это и чрезвычайно особая империя) удалось на время сделать всю «несоветскую» (и «некитайскую») часть мира своей исключительной сферой влияния (несмотря на усилия отдельных диссидентов вроде де Голля). Теперь американская сфера влияния начнет стремительно сужаться. Обособление Европы почти обеспечено. Обособление Японии и вступление некоторых европейских держав в самостоятельные поиски сфер влияния весьма вероятны.

Но американская мощь, по всей вероятности, будет ослаблена и процессами, происходящими в «третьем мире».

ственного в контексте всей предыдущей истории международных отношений? Или... обретение внешнеполитической, а затем и военной самостоятельности? При этом в принципе Японии с ее экономическим потенциалом военные рычаги влияния не так-то уж и нужны. Время выбора уже началось: военной угрозы Японии больше нет (угроза со стороны Китая совершенно нереальна) и американский военный зонтик уже не нужен.

А ведь дезинтеграция в «советском» геополитическом поле продолжается; все слышнее голос дальневосточного (и даже сибирского) сепаратизма. Чего уж естественно, как спроецировать свою экономическую мощь на эти регионы?

Есть очень большая вероятность того, что теперь и с западной, и с восточной оконечностей Евразии начнется процесс возвращения в традиционную политику (понимаемую как борьбу за сферы влияния) государств, некогда славных этим.

Америке (или американской им-

Вакуум силы

Об усилении трех мусульманских центров силы по периферии бывшего СССР мы уже сказали. Но будет и другое. Есть очень большие сомнения относительно того, что мусульманский мир в целом удержится даже на нынешнем уровне стабильности. Возвращение «советских» исламских морей в океан ислама провоцирует последний отходить от светской модели развития, делать больший упор на ислам как на организующую силу общества. Здесь возможны конфликты (борьба за сферы влияния, которая в мусульманском мире Ближнего Востока никогда, собственно, и не прекращалась). В принципе возможны и интеграционные исламские процессы, которые опять же не обязательно будут мирными.

В остальной части «третьего мира» теперь — с уходом СССР — образуется естественный вакуум силы; у американцев, в свою очередь, меньше стимулов подкармливать любой режим,

только бы он не был просоветским. «Третий мир» в целом как бы отпадает от мира великих держав (маловероятно, что европейские или дальневосточные центры силы будут проявлять значительный интерес к тем регионам, которые для них являются относительно «новыми» в политическом смысле — опыт колониальных империй вряд ли в счет). Что принесет с собой обособление «третьего мира»? Конфликты между его членами за региональную гегемонию? Консолидацию сил против Севера? Один сценарий не исключает другого.

В этой расстановке сил боль-

возьмет. Восточная Европа при этом геополитически скорее присоединяется к «советскому» пространству, нежели к Западной Европе.

Сценарий третий — перманентные конфликты при раздельном выживании, когда и само выживание становится проблематичным. Он очень вероятен и с большой долей вероятности ведет к разделу территории СССР на сферы влияния. Восточной Европе в этом случае уготована роль «санитарного кордона», но бенефиции от поддержки Запада будут сведены на нет опасным восточным соседством.

коммунизма примет лавинообразный характер, да еще затронет китайскую империю (хотя вряд ли стоит ожидать такого же ее падения, как и советской), то тут Китай ждет судьба сегодняшнего «советского» геополитического пространства.

Как бы ни казался нам неудобным, продуваемым ветрами национализма сегодняшний мир, не следует забывать, что он скорее — норма для той истории, которую мы знаем. Период же стабильности «холодной войны» — исключение. Реальностью является единство мира, где больше нет островов, которых бы не затрагивали сейсмические волны от какого-либо мощного эпицентра. Единство мира существует также в его единой зависимости от технологии и ее «прогресса» — касается ли это ядерного оружия (которое может расплзтись), атомных электростанций (которые кое-где имеют тенденцию взрываться сами, а кое-где могут стать объектами терроризма) или экологии в широком смысле.

Удар по космополитизму

В общем можно ожидать, что пострадает космополитизм. В своем зрелом виде он появился после второй мировой войны на Западе и обнял всю американскую сферу влияния. Но этот космополитизм проецировался и на коммунистический мир. Ценности либерализма и интернациональной культуры (в противовес тоталитаризму и восславлению самого убогого в национальном) проникли и за железный, и за бамбуковый занавесы. Оппозиция коммунистическим режимам (не только активная, но и оппозиция скрытая, пятая колонна либерализма) была объединена с Западом этим космополитизмом. Внутренне свободный человек в тоталитарном обществе ощущал себя гражданином мира. Теперь в посттоталитарных странах торжествует национализм, и даже либералы стремятся стать национальными (и не надо их за это винить; если либерализм не станет национальным, то почти неминуемо придет национальный тоталитаризм). Устоит ли в полной мере космополитизм даже на Западе, станет ли он развиваться, не будет ли оттеснен национальным началом — и это тоже большой вопрос.

Тектонические разломы уже обозначились; это не трагедия, с ними можно жить; во всяком случае история на макроуровне спокойных времен не знала, и не нужно высокомерно полагать за двадцатый век исключительную приверженность разумному началу.

шим неизвестным остается, разумеется, посткоммунистический мир, к которому в обозримом будущем присоединится и Китай. Какова может быть роль тех стран, которые образовались на руинах СССР? Думается, есть как минимум три сценария.

Сценарий первый — совместное выживание (экономическое, военное, культурно-правовое), существование СНГ в развитой форме. Это подразумевает, что коллективный центр силы в Евразии сохранится в достаточно здоровой форме, чтобы считаться мировым по совокупной мощи показателей. Восточная Европа при этом сценарии не играет никакой самостоятельной геополитической роли, дележ сфер влияния замедляется или вовсе приостанавливается.

Сценарий второй — мирное раздельное выживание, но этот сценарий утопичен. Однако если бы он осуществился, мы бы имели здесь дело с Югом, многообразным «третьим миром», пошедшим на содержание тех, кто

Роль Китая пока неопределенна. Старый Китай доживает последние годы; пока не станет ясно, какие формы примет распад коммунизма в этой стране, не будет и понятна его роль в будущем миропорядке. Если продолжится существующая тенденция — преобразовывать Китай, ввести его в рыночные отношения при сохранении власти компартии, при вовлечении ее (в том числе и через собственно коррупцию) в рынок, то это выльется в то, что компартия потеряет свою коммунистичность и, не уходя от власти ни на минуту, приобретет традиционные черты современного восточного авторитаризма — по образцу Тайваня или Сингапура. Такой стабильный Китай продолжит экономическое развитие, пользуясь своим уникальным статусом — великой державы, принадлежащей к Югу (хотя этот статус может перестать быть уникальным в силу появления России), и решающее слово в международных отношениях скажет еще нескоро. Если распад

Рисунок Сергея Куприя

После Мюнхена, в четверг

Нина Плекина

До тех пор пока мы будем делать вид, что проводим реформы, Запад будет делать вид, что нам помогает

В калейдоскопе событий последних недель мюнхенская встреча семи ведущих западных стран не могла пройти незамеченной. Раз в год, когда уже на протяжении восемнадцати лет собираются первые лица наиболее мощных индустриальных держав, весь мир, затаив дыхание, ждет сенсаций. Но их обычно не происходит: слишком высок уровень участников, чтобы принимать конкретные решения, слишком много надежд связывается с заседаниями этого «всемирного правительства», которое таковым не является, да и быть не может.

Не был исключением и мюнхенский «саммит», который априори пропагандистски был «обречен на успех» (иначе какой же может быть результат мероприятий столь высокого уровня?), но который не принес сколько-нибудь реально ощутимых результатов ни для самих членов группы богатых стран, ни для примкнувшей к заседанию уже после его закрытия России.

На вершине ареопага

Главное значение заседаний «семерки» состоит не в тех решениях, которые на них принимаются, а в том, что они иницируют процесс работы других международных организаций в согласованных областях деятельности. К настоящему времени в развитом мире сложилась стройная система международных организаций, отвечающих за конкретные участки регулирования мировой экономики и непосредственно следующих политическим указаниям «семерки».

На вершине этого ареопага находятся ежегодные совещания лидеров семи западных стран, которые в течение последнего десятилетия явно трансформировались из форумов, обсуждающих преимущественно финансовые и экономические вопросы, в орган согласования политических интересов. Никакого постоянного секретариата или рабочего аппарата у совещаний «семерки» нет, его роль выполняют правительственные органы страны, принимающей форум. Накануне заседаний эксперты на уровне министров иностранных дел готовят заключительные документы, которые затем одобряются главами государств и правительств и являются более декларацией о намерениях, нежели программой конкретных действий. Все основные вопросы повестки дня передаются на рассмотрение специализированных международных организаций, заключение которых по той или иной проблеме зачастую является для «семерки» определяющим.

Регулированием международной валютно-финансовой системы занимается МВФ, и соответственно все, что касается

валютных курсов и устранения дефицитов платежного баланса, решается правительствами стран-членов по согласованию с ним. А так как эти два показателя являются следствием тенденций, действующих в национальной экономике, то на МВФ оказываются завязаны и все основные вопросы нашей экономической реформы.

Долгосрочным кредитованием проектов в различных отраслях экономики занимаются Международный и Европейский банки реконструкции и развития. По поручению «семерки» они прежде всего акцентируют свое внимание на ключевых для каждой страны отраслях экономики, инвестициях в которые могут вывести эти страны из кризиса. В случае России главный акцент делается на топливно-энергетические отрасли, приватизацию, сельское хозяйство, конверсию, критически важный импорт.

Регулирование международной торговли является важнейшей функцией также находящегося под влиянием «семерки» Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), которое является по существу конституцией мировой торговли, признанной подавляющим большинством стран. Если речь идет о торговле товарами и технологиями, которые могут быть использованы как в мирных, так и военных целях, то в дело вступает Координационный комитет по контролю за экспортом (КОКОМ), который всегда был в руках «семерки» одним из самых мощных инструментов дискриминации бывших социалистических стран.

Все вопросы, связанные с долгами, решаются в двух международных организациях, называющих себя «клубами». Парижский клуб объединяет страны, являющиеся официальными кредиторами (то есть предоставляющие межправительственные займы) других стран. В Лондонский клуб, напротив, входят частные кредиторы (коммерческие банки, корпорации), которые финансируют на межбанковской основе проекты за рубежом. Деятельность обоих клубов в силу деликатности предмета носит строго конфиденциальный характер.

Если у «семерки» возникает необходимость в получении исчерпывающей статистической информации, данных о национальной системе стандартов в той или иной стране, взаимодействия развитых стран с развивающимися, то подобными сведениями ее снабдит Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Таковы только некоторые наиболее крупные и универсальные организации, которые являются непосредственными исполнителями поручений «семерки». Если добавить к ним мощнейшие региональные организации (Европейское сообщество, Европейская ассоциация свободной торговли) и международные товарные соглашения (по углю, текстилю, сахару и так далее), главными действующими лицами ко-

Рисунок Сергей Федько

поверку оказывалось, что вымоленный кредит мы использовать толком не сумеем, а львиная доля соглашений представляет собой декларации о намерениях, стоящих не больше той бумаги, на которой они написаны.

Применяя политические, а не количественные критерии к оценке мюнхенской встречи, можно все же констатировать определенные достижения российской дипломатии. Во-первых, характер и тон «саммита» говорит о том, что он ознаменовал собой окончание экономического этапа «хо-

ление и.о. российского премьера Е.Гайдара и директора-распорядителя МВФ М.Камдессю, сделанное накануне Мюнхена и носящее настолько общий характер, что даже нечего процитировать, стало тем не менее поворотным моментом в отношениях с МВФ, который дал согласие открыть России «первую кредитную линию».

Наконец, в-третьих, «саммит» показал, что по крайней мере какое-то время Запад еще готов терпеть существующую у нас неразбериху, переходящую в войны на окраинах бывшей советской империи, и попытаться все-таки содействовать решению хотя бы некоторых ключевых проблем. Нам дали понять, что если в какие-то разумные сроки мы не наведем у себя элементарного порядка, не добьемся положения, при котором все наши внутренние потрясения хотя бы не будут вызывать столь сильного, как сейчас, мирового резонанса, то Запад применит запасную стратегию. Она заключается в том, чтобы отгородиться от нас своего рода «санитарным кордоном» из числа быстроразвивающихся восточноевропейских демократий и сосредоточить всю помощь на финансировании разоружения российской армии в соответствии с уже подписанными договорами и на конверсию оборонной промышленности. Когда российское ядерное оружие будет существенно сокращено, а США внедрят систему противоракетной обороны, Запад окончательно потеряет интерес к сколько-нибудь серьезным контактам с нами, которые ограничатся обменями университетскими профессорами и ансамблями песни и пляски.

торых являются все те же семь наиболее развитых стран Запада, то станет очевидно, что их реальное воздействие на развитие мировых экономических процессов выходит далеко за пределы общих деклараций, принимаемых на «саммитах».

Или — «санитарный кордон»

Результаты встречи президента России с руководителями «семерки» было бы неверно оценивать в миллионах или миллиардах долларов. Эта привычка прижилась у нас со времен почившего в бозе СССР, когда от всех визитов за рубеж ждали «конкретного» результата, а «конкретным» считался результат, который можно было бы выразить цифрой. Например, определенная сумма долларов, полученная в виде очередного кредита, или количество подписанных во время визита соглашений. При этом никто особенно не задавался вопросом: получение кредита — это хорошо или плохо? Что стоит за пачкой подписанных соглашений? Зачастую на

лодной войны». Несколько недель назад экс-президент СССР М.Горбачев своей символической речью в Фултоне перевернул последнюю политическую страницу «холодной войны». Б.Ельцину выпала возможность заключить историю экономического противоборства двух хозяйственных систем, фактически признав, что «холодная война» как с политической, так и с экономической точки зрения нами проиграна. Это признание было необходимо как пункт отсчета новых отношений России с Западом, построенных на принципе подчиненного партнерства — основе взаимоотношений развитых стран с развивающимся миром.

Во-вторых, мюнхенская встреча показала, что Запад наконец-то осознал, что Россия — это не Индия, Аргентина, даже не Польша, с которой нас связывает коммунистическое прошлое, и подходить к ней с теми же мерками, теми же стандартными рецептами, как и к большинству других развивающихся стран, не перспективно. Совместное заяв-

Символ помощи

Экономические дивиденды Мюнхена оказались куда скромнее политических. Пророченное в западе накануне встречи американским президентом предложение принять Россию в «группу семи», расширив тем самым ее состав до восьми членов, было воспринято другими странами как неуместная шутка. И дело даже не в том, что Россия уже имеет восьмую по величине квоту в МВФ и вроде бы располагает основанием считать восьмое место в современной мировой экономике своим. Главное препятствие заключается в том, что Запад пока не увидел весомых гарантий того, что развитие основных макроэкономических тенденций в этой стране пойдет по пути, принятому и понятному для цивилизованного мира.

Меморандум об экономической политике, согласованный под фанфары в апреле с МВФ, на сегодняшний день в своей большей и наиболее существенной части не выполнен и забыт. Новая среднесрочная

программа реформ, втихую разработанная группой экспертов, также втихую принятая правительством и украдкой обсуждаемая в Верховном Совете, полностью нигде не публиковалась. И нет никакой гарантии, что местные экономисты, всю жизнь занимавшиеся «социалистическим плановым хозяйством» и показом его «неоспоримых преимуществ» перед хозяйством капиталистическим, смогли заложить в нее способы решения проблем, которые так волнуют Запад и без решения которых ни о каком серьезном сотрудничестве, кроме разве что о посылках с гуманитарной помощью, речи идти не может.

Совершенно очевидно, что МВФ, Мировой банк, ЕБРР перед тем, как принимать решение об экономически значимом кредитовании России, должны получить от нее удовлетворительные ответы как минимум на следующие вопросы.

Как и в какие сроки российское правительство намерено снизить дефицит государственного бюджета с сегодняшних 18 до обещанных 3–4

процентов ВВП, а инфляцию с сегодняшнего темпа в 360 процентов в год до хотя бы 36? Без этих мер финансовой стабилизации кредиты любых размеров как вода пройдут сквозь пальцы. Их никто не заметит и давать их просто бессмысленно.

Когда наконец будут действительно либерализованы цены, прежде всего на энергоносители, и прекращены дотации заведомо убыточным и нерентабельным предприятиям? Социально опасный вопрос требует удовлетворительного ответа, а не попыток спасти лицо правительства путем подмены централизованно устанавливаемых цен децентрализацией ценообразования.

Будет ли в этой стране реальная приватизация или за приватизацию так и будут выдавать продажу сотни табачных лавок или общепитовских точек их же коллективам? Ожидается ли приватизация земли, без чего ни о каком серьезном подъеме сельского хозяйства говорить не приходится?

ГАТТ, перед тем как порекомен-

довать «семерке» открыть нам двери в международную торговую систему, наверняка поинтересуются, как обстоит у нас дела с таможенным тарифом и отменены ли количественные ограничения на экспорт и импорт, существует ли у страны мало-мальски цивилизованная торговая политика или российские экспортеры так и будут продавать товары на западных рынках по демпинговым ценам, отталкивая друг друга локтями от изумленных покупателей?

Совершенно неясен и вопрос с конвертируемостью рубля, которая была обещана к июлю с курсом 1 доллар равняется 80 рублям, а на деле свелась к простейшему полуфарцовочному обмену, носящему к тому же односторонний характер, по курсу 130–140 рублей за доллар. Без абсолютно гарантированной государством возможности свободно приобретать за рубли любую валюту и беспрепятственно вывозить ее из страны ни один уважающий себя бизнесмен инвестиций в российскую экономику не сделает.

Наконец, Парижский и Лондонский клубы, перед тем как рекомендовать «семерке» расширить кредитование России, должны получить вразумительный ответ на вопрос о том, собираемся ли мы платить по прошлым долгам или в стиле нищих африканских стран так и будем бесконечно просить об отсрочках с тем, чтобы не заплатить никогда? На сегодня никаких источников для покрытия прошлых долгов (а только в текущем году после всех отсрочек Россия должна выплатить порядка 11 миллиардов долларов), кроме новых кредитов, нет: торговый баланс дефицитен, иностранные инвестиции смехотворно малы, услуги продавать на мировом рынке мы так и не научились.

Луч света в проблеме долгов вроде бы блеснул, когда неожиданно для всех Б.Ельцин пообещал в Мюнхене отдавать их натурой — природными ресурсами, недвижимостью, акциями предприятий, оговорившись, правда, по возвращении, что все будет делаться в рамках российского законодательства. В международной практике такой способ возвращения долгов называется конверсией долга и используется отдельными странами. Но в наших условиях, когда невозможно даже понять, на каких условиях иностранные инвесторы будут участвовать в приватизации, говорить о такой хитроумной операции, как конверсия внешнего долга, тем более рано.

Мораль проста: до тех пор пока мы будем делать вид, что проводим реформы, и убеждать в этом окружающих, Запад будет делать вид, что нам помогает, и тоже убеждать в этом окружающих. Кто выиграет в результате? Очевидно, что не мы.

Рисунок Виктора Богорада

Радикалы из АНК готовы к бою...

Фото из журнала «Ньюсуик» (США)

Сор из избы

Можно ли в Северной Америке решить внутренние проблемы Южной Африки?

Не добившись согласия дома, лидеры основных политических группировок Южной Африки решились вынести сор из избы. Они направились в Нью-Йорк, чтобы на заседаниях Совета Безопасности ООН продолжить «выяснение отношений».

Руководитель Африканского национального конгресса Нельсон Мандела в самом факте созыва СБ усматривает победу демократических движений страны, поскольку правительство, по его мнению, делало все возможное, чтобы не допустить обсуждения внутренних проблем ЮАР на представительном международном форуме. Несмотря на жесткую словесную риторику (Мандела говорил в своем выступлении в Нью-Йорке о политике «государственного терроризма» правительства де Клерка), он не требовал введения экономических санкций против Претории. Лидер АНК лишь просил направить в Южную Африку силы ООН по поддержанию мира, считая, что разгорающийся в стране конфликт может вылиться в гражданскую войну «похуже югославской».

Между тем Нельсон Мандела оставляет открытой дверь для продолжения переговоров с «белым меньшинством» в рамках Конвента за демократическое будущее Южной Африки (КОДЕСА). По его мнению, переговоры зашли в тупик в результате

«несговорчивости» белой общины.

Несмотря на все претензии конгресса относительно того, что только АНК представляет интересы черного большинства ЮАР, в Нью-Йорк прибыли лидеры из других движений страны, а также руководители бантустанов, позиции которых резко расходятся с политической линией Нельсона Манделы и его сторонников.

Президент Панафриканского конгресса К.Маквети заявил в Нью-Йорке о том, что приветствует отправку в страну международных наблюдателей, поскольку ситуация в ЮАР становится неуправляемой. Он не преминул бросить камень в адрес стран Восточной Европы, которые наполняют ЮАР эмигрантами, увеличивая белое население, что, по его мнению, недопустимо, ибо изменяет демографическую картину в Южной Африке. К.Маквети высказался за продолжение международных санкций и бойкота Претории.

Руководитель зулусского движения «Инката» Менгосуту Бутулези привез в Нью-Йорк толстенную папку с перечнем, в котором приведены факты нарушения конгрессом мирного соглашения между двумя крупнейшими черными организациями страны. Зулусский вождь считает АНК виновным в развязывании террора и гражданской войны в Южной Африке.

Министр иностранных дел ЮАР Рудолф Бота, вылетая в Соединенные Штаты, сказал журналистам:

— Решение внутренних проблем ЮАР не может быть найдено в Нью-Йорке, Дакаре или Брюсселе. Этот вопрос касается только южноафриканцев...

Мы уже сейчас сделали нашу страну открытой, дали возможность любой миссии доброй воли вникать во все аспекты проблемы урегулирования конфликта в ЮАР. Мы высоко ценим советы иностранных специалистов, но мы категорически против вмешательства во внутренние дела республики.

В канун заседания Совета Безопасности президент ЮАР Фредерик де Клерк сделал примирительный жест. На заседании кабинета министров было объявлено о предстоящем расформировании 31-го и 32-го батальонов и спецподразделения командос «Куфут» («Лом»), снижавших печальную известность своей жестокостью при подавлении беспорядков.

Такой подход вполне отвечает реальностям сегодняшнего дня. Он еще раз показывает, что руководство ЮАР намерено продолжать курс на строительство новой, демократической Южной Африки.

Для конгресса же подобные уступки правительства представляются «явно недостаточными». Судя по всему, умеренные круги в АНК испытывают мощное давление со стороны радикалов, стремящихся сорвать процесс мирного урегулирования и погрузить страну в состояние хаоса и насилия.

Возьмет ли верх здравый смысл?

Николай Решетняк,
соб. корр. «Нового времени»
ПРЕТОРИЯ

41-й партсъезд постановил победить

Билл Клинтон и Ал Гор официально утверждены кандидатами на пост президента и вице-президента от демократической партии. Но самый большой подарок им преподнес независимый претендент Росс Перо, отказавшийся от участия в выборах по причине «возрождения» демократов

Евгений Русаков,

собственный корреспондент
«Нового времени»

Национальные съезды двух ведущих политических партий Америки — самое красочное и живое из устоявшихся политических действий. И не только на фоне наших бывших партсъездов, достигших высшей степени продуманного до мелочей идиотства. Американские съезды производят довольно сильное впечатление. Ажиотаж, охватывающий весь город, тысячи бурно выражающих свои эмоции делегатов, море плакатов и воздушных шаров, пламенные речи создают почти цирковое ощущение детской праздничности и подъема. А внимание всей страны и всего мира придает значимость этим действиям; ни одно событие за всю историю выдавшего виды Нью-Йорка не привлекало такую толпу корреспондентов.

Самое важное для политически озабоченных граждан зрелище — это партсъезд. Раз в четыре года демократы и республиканцы имеют возможность собраться вместе, пообщаться, обменяться опытом и покататься в лучах славы независимо от исхода выборов. Подавляющее большинство делегатов — провинциалы, больше половины из них попали в Нью-Йорк в первый и, скорее всего, в последний раз. Для многих этот город чужд и диковен почти столь же, сколько для любого нашего человека.

Вообще, несмотря на весь их ставший общим местом стереотип индивидуализма, американцы тоже испытывают потребность в человеческом общении. Только в отличие от славянских задушевных бесед за пол-литрой на кухне они реализуют ее во всякого рода ассоциациях, товариществах, на конференциях и прочих публичных коллективных мероприятиях.

Бизнес партии

Партсъезд — это своего рода профессиональный праздник политиков национального и местного масштаба. После годополугода утомительных дней и бессонных ночей активисты собираются, чтобы дать

выход эмоциям, покричать, пошуметь. Чтобы подкрепить веру в возможность победы кандидата своей партии, которая ко всему прочему приносит тепленькие местечки в Белом доме, администрации и других офисах. Чтобы закончить с партийными чинами, которые помогут сделать политическую карьеру, Клинтону не помешало то, что он был одним из главных докладчиков на прошлом съезде демократов. Пошел ему на пользу и печальный опыт того занудного выступления, которое вызвало больше всего энтузиазма самим фактом своего завершения.

Партсъезд — это генеральный смотр перед решающей битвой, которая формально начинается в сентябре, а фактически сразу после съездов обеих партий. Он напоминает комсомольские собрания-накачки советской сборной во время Олимпийских игр и мировых чемпионатов. Здесь уместно напомнить, что психологический допинг активистам обеих партий не-

Билл Клинтон — умелый игрок. Но будет ли выиграна партия в ноябре?

Фото из журнала «Тайм» (США)

обходим как воздух: нигде в мире предвыборная кампания не длится почти год, изобилуя поворотами в стиле американских горок. Она может довести до шока людей с самой стойкой психикой.

Демократы, как никогда, нуждаются в дополнительном заряде оптимизма. Известный афоризм «бизнес Америки — делать бизнес» можно перефразировать «бизнес партии — делать президентов». Две ведущие политические партии США появились на свет как машины для обеспечения голосов на выборах, и они таковыми остаются, несмотря на некоторые изменения их амплуа. При этом никакие успехи на выборах в конгресс или местные органы власти не могут заменить своего человека в Белом доме.

Демократы отчаянно нуждаются в победе: за последние двадцать четыре года они находились у власти лишь четыре года при Джимми Картере. Целое поколение выросло, по существу, не зная, что такое вкус власти. Такую печальную участь переживает партия, созданная великим Томасом Джефферсоном два века назад, партия, выдвинувшая в президенты в нашем веке таких крупных государственных деятелей, как Вудро Вильсон, Франклин Рузвельт и Джон Кеннеди. «Наша страна оказалось под угрозой превращения в однопартийную президентскую систему», — сказал бывший вице-президент США Уолтер Мондейл.

Ощущение безысходности усугубилось тем, что многие демократы не были в восторге от их ведущего претендента Билла Клинтона и еще больше озабочены тем, что по популярности он отставал не только от Буша, но и от независимого Росса Перо. Партсезд грозил превратиться в имитацию действия, в бессмысленный шаманский ритуал.

Но буквально в последние две-три недели Клинтон сделал, как семижильный стайер на дистанции, мощный рывок, обошел Перо и сравнялся с Бушем. Веру в победу и правоту дела демократов, как могли, вдохнули политические «звезды», выполняющие на съездах роль партийных акынов, воспевающих доблести своей партии и красочно описывающих «черные дела» республиканцев.

Конечно, итог состязания можно будет подвести только после ответного выступления республиканских «акынов» в августе, но, надо сказать, представление демократов, демонстрация их видений современной Америки были впечатляющими. И не только за счет уничтожающей критики двенадцатилетнего правления Партии слона, но и благодаря идеям положительного свойства.

Парад открыл высоченный сенатор Билл Брэдли, бывшая баскетболистка, а ныне политическая «звезда». Весьма красноречивы призывы сенатора «пожертвовать немногим для себя, с тем чтобы добиться большего

для всех нас», то есть прямое признание того, что решение экономических и социальных проблем Америки потребует жертв от большинства американцев.

Пожалуй, со времен античного мира ораторское искусство нигде не ценилось так, как ценится сейчас в Америке. А лучшие ораторы — у демократов.

Молясь о победе, демократы как заклинание повторяли: «Единство, единство, единство».

Одна из главных функций партсездов — демонстрация сплоченности однопартийцев или отсутствия таковой: «демы» издавна славятся громкими выяснениями отношений, взаимными оскорблениями, парадом уязвленных самолюбий и кровопролитными политическими битвами. Последние двенадцать лет их съездские разборки лишь ослабляли кандидата в президенты, уводя часть избирателей к республиканцам или «отказникам», не участвующим в голосовании.

На этот раз съезд был необычно спокойным. Сказалась характерная для Клинтона железная организационная хватка, очень помогла ему восходящая политическая «звезда» — первый в истории чернокожий председатель партии Рон Браун. Если учесть разношерстность партии и длительное отсутствие настоящего хозяина, каковым является действующий президент, съезд прошел почти как свадебное пиршество.

Общество изобилия — в четыре года

Сцепив зубы (но не сквозь зубы), уняв свое громадное политическое самолюбие, «будущего президента» Билла Клинтона расхваливали Джесси Джексон, посланный ко всем чертям кандидатов двух предыдущих съездов демократов, довольно успешно выступивший на первичных выборах Пол Тсонгас и другие влиятельные демократы, еще недавно морщившиеся при упоминании губернатора Арканзаса. Особенно показательно трансформация неофициального лидера партии Марио Куомо, еще пару месяцев назад публично и остро препиравшегося с Клинтонем. В своем блестящем выступлении по поводу выдвижения Клинтона кандидатом в президенты губернатор назвал его «нашей единственной надеждой на изменение нынешнего катастрофического курса страны». Напомнив о своем выступлении на съезде партии в 1984 году, когда он предупреждал о катастрофических последствиях политики республиканцев, Куомо провозгласил: «...мы, демократы, не смогли тогда убедить достаточно много американцев, и цена расплаты для страны ужасно высока. Мы не можем позволить себе потерпеть неудачу на этот раз».

Объединение демократов под лозунгом «Все для фронта!» — главный итог съезда.

Еще более удивительным феноме-

ном относительное единство демократов стало на фоне утвержденного съездом исторического поворота в политической философии партии.

Одна из главных и не зависящих от конъюнктуры задач американских партсездов и по протоколу, и по существу — принятие платформы на четыре года. Правда, платформы чаще всего представляют собой декларации, пустые бумажки, которые у нас в былые времена воспринимали гораздо серьезнее, чем сами американцы. О них нередко забывают почти на следующий день после выборов. Тем более что, как правило, они представляют собой набор обещаний и напоминают хрущевскую программу КПСС, притом рассчитанную не на двадцать, а всего на четыре года.

Выступая перед иностранными корреспондентами, Уолтер Мондейл разъяснил, что платформа в отличие от программ парламентских республик не является обязывающим документом и не надо ее воспринимать слишком серьезно. «Я сам прочитал платформу своей партии уже после выборов», — сказал он.

Впрочем, даже худшие образцы этого политического китча были важны как подтверждение традиционного курса партии, как показатель соотношения сил между консерваторами, умеренными и либералами. Платформы помогают добиваться единства за счет мало к чему обязывающих уступок внутренней оппозиции. Платформы становятся действительно важными документами в тех случаях, когда они отражают серьезное изменение философии партии, это как было во время консервативной «рейгановской революции».

На этот раз настала очередь демократов.

В их документе тоже говорится о революции — «революции 1992 года». Как и у республиканцев двенадцать лет тому назад, новая философия рождалась не в прениях на съезде, а в ходе предвыборной борьбы ведущих претендентов. Нынешняя платформа демократов отражает кредо Билла Клинтона. Причем вся риторика о необходимости изменения идет намного дальше обещаний об изменении нынешней политики республиканцев. Упор сделан на изменение прежней политики, включая политику самих демократов. На съезде документ получил официальную поддержку подавляющего большинства демократов, за исключением части наиболее упрямых либералов.

Гнев американцев «вызывают не только находившиеся у власти республиканские администрации, а правительство как таковое», говорится в платформе. «Поэтому мы призываем к революции в правительстве... Мы отвергаем как сидящее сложа руки правительство последних 12 лет, так и теорию большого правительства, сулящую возможность процветания путем удушения бизне-

са, повышения налогов и увеличения расходов. Мы предлагаем третий путь. Выступая, как всегда, за трудящихся, которые представляют собой основу нашей экономики, мы в равной мере отдаем должное бизнесу как благодородному делу и торжественно обещаем значительно улучшить климат для компаний и отдельных предпринимателей... Нельзя допустить, чтобы частный сектор стремился лишь заработать как можно больше денег... (Но и) рабочие должны присоединиться к общим усилиям по повышению производительности...»

Иначе говоря, демократы теперь призывают заниматься не перераспределением экономического пирога за счет среднего класса, а увеличением этого пирога. Они намерены поощрять инвестиции за счет льготных налогов капиталовкладчикам в новейшие технологии и новый бизнес, увеличить расходы на научно-исследовательские и конструкторские работы, уменьшить дефицит федерального бюджета. Одновременно демократы ратуют за «законность и порядок», расширение рядов полиции, «закрытие оружейных базаров в американских городах», за более решительную борьбу с наркотиками.

Что же подтолкнуло демократов отказаться от их священных коров четвертьвековой и более давности? От «большого правительства», от потакания профсоюзам и наименьшим? Что побудило их даже провозгласить, что «пособия по бедности должны дать шанс снова самостоятельно встать на ноги, а не сделаться образом жизни»?

Уроки выборов, а вернее, поражение, — так сказала председатель съезда губернатор Техаса Энн Ричардс.

Да, ради победы пришлось отказаться от старых догм и предложить «новый общественный договор между американским народом и правительством», тот самый, о котором Клинтон говорил еще в прошлом году, выдвигая свою кандидатуру в президенты.

Но смотреть на изменение философии Партии ослас сугубо под углом достижения сиюминутного успеха было бы упрощением. Демократы поняли, что они оторвались от основной массы американцев, от среднего класса, к которому себя причисляет большинство не только белых, но и цветных американцев. Многие их сторонники, так называемые «рейгановские демократы», стали голосовать за республиканцев.

Среднему классу приходится все тяжелее. Он несет основное бремя налогов и на социальные программы, и на оборону. Его зарплата топчется на месте или еле растет уже добрых два десятилетия. Жизненный уровень семьи удавалось сохранять или даже повышать за счет того, что на работу пошла жена. Но теперь и этот резерв исчерпан.

Билл Клинтон с самого начала об-

ратился к «забытому среднему классу» и его нуждам, стремясь вернуть в лоно партии хотя бы бывшую его демократическую часть.

В рассчитанных на среднего американца достаточно сильных выражениях составлена внешнеполитическая часть платформы.

В ней говорится о необходимости для США и оставаться сильнейшей военной державой мира, и быть готовыми решительно действовать для защиты жизненных интересов страны. Но упор все же сделан на восстановление американского экономического лидерства как основы политики в области национальной безопасности, на поддержку демократии в бывшем Советском Союзе и Восточной Европе. С должным пиететом упомянут «стоявший на танке лидер в Москве», который рисковал своей жизнью ради победы демократии во всем мире.

По мнению Мондейла, большее практическое значение имеет та часть внешнеполитической платформы, где говорится о коллективных действиях, о роли ООН, о превентивной дипломатии.

— Сейчас один из важнейших для судеб мира вопросов состоит в том, смогут ли Россия, другие республики бывшего Советского Союза и новые демократии Восточной Европы встать на ноги, создать здоровую экономику и прочные демократические институты, — сказал мне Уолтер Мондейл. — Их успех сделал бы всю планету лучше и безопаснее. Происходящие в России события исключительно важны для Америки. Демократы выступают за увеличение и ускорение помощи России, за более эффективное содействие укреплению демократических сил в вашей стране.

Фактор Гора

В течение нескольких дней на кандидате партии полностью сосредоточено внимание всей страны, да и мира. Его собственный голос, как мегафоном, усиливается голосами партийных «акынов» тысяч рядовых делегатов и даже безгласной платформой.

А их голоса, в свою очередь, усиливаются экранами телевизоров, динамиками радио и газетными полосами.

Съезд каждой партии повышает рейтинг кандидата как минимум на четыре процента. Конечно, это еще не гарантия победы в ноябре: в 1988 году демократ Майкл Дукакис обошел после съезда Буша на 17 процентов, а сейчас он — безвестный преподаватель университета не первой ве-

Еще вчера Росс Перо грозил двум всадникам... Будут ли

личины. Но если упустить шанс, который дает партсъезд, то тогда можно удалиться на покой, не дожидаясь ноября. Билл Клинтон свой шанс не упустил. Более того, спурт он начал еще до съезда.

Он довольно умело доработал и подал свой экономический пакет, в концентрированной форме изложенный в партийной платформе. Хотя и это не идеал, и администрация уже начала пристрастно-иронический разбор. Но перед самим Бушем стоит задача неимоверной сложности — усовершенствовать самого себя при том, что подавляющее большинство избирателей недовольно его экономической политикой. Повышение уровня безработицы в мае основательно, если не целиком, подорвало надежды Белого дома на улучшение экономической конъюнктуры. Наоборот, здесь заговорили о третьем погружении в спад.

Удачным на сегодняшний день оказался и сделанный Клинтоном выбор своего напарника.

Сенатор Альберт Гор — опытный политический деятель, прошедший горнило предвыборной борьбы четыре года назад. Он поможет прикрыть Клинтону некоторые его не слишком защищенные фланги. Гор хорошо разбирается во внешней политике, включая проблемы разоружения, зарекомендовал себя как один из наиболее влиятельных и последовательных сторонников охраны окружающей среды, что особенно важно для Дальнего Запада, Калифорнии и либералов. Сенатор полгода провел во Вьетнаме во время войны, хотя и не принимал участия в боевых действиях. Но это выглядит вполне достойно и на фоне

вспоминать о нем завтра?

Рисунок из газеты «Гардиан» (Великобритания)

Клинтона, мучившегося проблемой призыва в армию, и на фоне вице-президента Дэна Куэйла, тоже сумевшего избежать Вьетнама.

В стратегии демократов особое значение приобретает моральный капитал четы Горов как воплощение семейных ценностей в реальности. Сейчас эту «жилу» усиленно копают республиканцы, прежде всего Куэйл. Да еще землю при этом бросают в сторону Клинтон, намекая на обвинения Билла в супружеской неверности и оскорбившее домохозяйку неудачное высказывание Хиллари, сказавшей на заре кампании, что она не собиралась бросать свою карьеру ради того, чтобы вязать и стряпать.

Теперь образ Клинтон, особенно Хиллари, подается в новой упаковке. Давно исчезла с экранов решительная, независимая в суждениях супруга губернатора, которая всегда зарабатывала больше, чем ее супруг, посвятивший себя политике. Она занята своей дочкой, мужем и в широком смысле детскими проблемами. На встрече Клинтон и Горов подавалось овсяное печенье, сделанное собственноручно Хиллари. Со стороны Горов пришло мощнейшее подкрепление. У них четверо детей. Типпер Гор посвятила себя полностью семье сразу после замужества. Более того, она ухитрилась написать книгу о том, как защитить детей от похабщины и насилия в рок-песнях, фильмах и так далее. Одно время это даже вредило карьере мужа. Типпер обозвали «террористкой в области культуры». Сейчас времена изменились. Изменились и Горы, пережив большую личную трагедию: их сын попал под машину, ему с трудом спасли жизнь. Этот траги-

ческий эпизод стал самым проникновенным пассажем в выступлении Гора на съезде, даже обычный для таких больших собраний базарный гул на эти мгновения стих. В общем, сейчас Горы — это действительно хорошая, сплоченная, много пережившая на своем веку семья.

Невольно Клинтону помогли республиканцы, вернее, мудро выбранная губернатором позиция молчания в ту роковую для Росса Перо пору, когда республиканцы и печать безжалостно трепали гордого техасского миллиардера. В свою очередь, Перо прокатился по «республиканской команде грязных шутчек». В выигрыше оказался Клинтон, который совершил небывалый за полвека рывок. Согласно проведенному сразу после съезда опросу «Нью-Йорк таймс» и Си-би-эс сейчас его поддерживает 55 процентов избирателей, а Буша — 31. Накануне событий последних дней губернатору Арканзаса удалось лишь сравняться с президентом в трехсторонней гонке.

«Одностороннего разоружения не будет»

Сумеет ли Билл Клинтон закрепить свой успех?

Сам кандидат и его коллеги по партии не обольщаются, помня о том, как быстро в 1988 году у Дуканиса испарилось 17-процентное преимущество над Бушем. «Мы настроились бороться до ноября», — сказал он по поводу многообещающего опроса. И на второй же день после собрания демократов агитационный караван автобусов с Клинтон, Гором, их семьями и помощниками двинулся по городам и весям северных штатов на «встречи с трудящимися». Во многих из этих и «пограничных» с ними штатов, в Калифорнии наметилась реальная угроза повального бегства избирателей от кандидата республиканцев.

На стороне Джорджа Буша — опыт, особенно во внешней политике, возможности президента как-то штату, городу или слою населения кое-что подбросить, правоверные республиканцы умеренного и консервативного толка, которым деваться некуда. На стороне Буша — предстоящий партсъезд, который по своим потенциям аналогичен собранию демократов.

На стороне Клинтона — недовольство многих избирателей, стремление к изменениям (более четырех пятых американцев считают, что страна идет по неверному пути). На его стороне — колоссальная способность к выживанию и знание проблем. Мне губернатор еще со времен

первичных выборов в Нью-Гэмпшире показался серьезнее, основательнее и честнее, чем принято было считать.

Решение Росса Перо не выдвигать свою кандидатуру на пост президента внесло больше ясности в предвыборную борьбу. Похоже, большой выигрыш это решение принесет кандидату демократов: сторонники Перо либо смиряются с тем, что теперь единственным катализатором перемен остался Клинтон, либо проголосуют ногами. В своей традиционной тронной речи с выражением согласия быть кандидатом в президенты губернатор сослался на слова Перо о «возрожденной» партии демократов и пригласил его поклонников присоединиться к «возрожденцам». С другой стороны, три четверти поверивших в техасского миллиардера голосовали четыре года назад за Буша, и республиканцы надеются на возвращение в их лоно этих блудных сынов. Белый дом теперь увереннее себя чувствует на Западе и в Техасе.

Естественно, первый вопрос, который возникает: все это заумные политические расклады, а что если снова мазануть Билла той же грязью?

Мондейл назвал республиканцев «гениями по части смешивания с грязью кандидатов демократической партии», посетовав, что и он, и Майкл Дуканис в 1988 году пытались бороться с этим злом джентльменскими методами. Но «на этот раз кампания может стать одной из самых жестких и острых в американской истории. Потому что не будет перемирия, не будет одностороннего разоружения демократов». «Они полагают, что обладают в комитете республиканской партии машиной ликвидации личностей, которая может соперничать с КГБ... Республиканцы выживают в политике, уничтожая своих соперников», — сказал Клинтон в интервью журналу «Тайм». — Тот, кто живет шпайгой, должен поостеречься».

Его заявление прозвучало предупреждением. Вопрос-то был деликатный. Насколько мне известно, «Тайм» первым из большой печати назвал после 1988 года имя Дженифер Фитцджеральд, которая якобы была любовницей Джорджа Буша. Тогда его сын опроверг эти обвинения. Но слухи живучи...

Трудно припомнить предвыборные кампании в Америке, которые отличались бы такой ожесточенностью, таким неистовым желанием обеих сторон идти «стенка на стенку», такой неподдельной личной антипатией, если не сказать — ненавистью, друг к другу. Здесь многие считают, что это и результат падения Советского Союза, который ставлял американцев объединяться перед лицом общей угрозы.

Так что самое интересное — впереди.

НЬЮ-ЙОРК

Так чья же это драма?

С 20 июля ЧСФР — без президента

Инна Руденко,

собственный корреспондент
«Нового времени»

«**П**роигрыш идеолога правды и любви», «Время донкихотствующих романтиков прошло», «Драма драматурга», «Трагедия диссидента» — так комментировали многие органы мировой, в том числе и нашей, печати тот факт, что в первом круге президентских выборов в Чехо-Словакии нужного количества голосов не набрал Вацлав Гавел.

Но его ли, Гавела, это драма? И чей в результате проигрыш?

«Я никогда не был и не хотел стать политиком», — признался однажды Гавел. И не бунтарь по натуре не раз, как известно, был брошен в тюрьмы за то, что боролся против так называемой политики «нормализации», которую не мог счесть нормальной. «К партиям не принадлежу и принадлежать не буду», — заявил он свое кредо и стал символом ноябрьской революции. «Правительство должно быть свободно от любой идеологии: и старой, и новой, даже если новая будет в десять раз лучше старой», — сказал он, приняв пост президента. «Социализм, капитализм — я против терминов, не наполненных смыслом», — заметил он в одном из интервью. Это было давно выношенное убеждение. Еще в книге «Заочный допрос» писал: «Я считаю, что причина кризиса, который сегодняшний мир переживает, имеет более глубокий характер, обусловленный не только конкретным способом организации экономики или какой-то конкретной политической системы». И дальше: «Наше время — это время конфликта обезличенной, вышедшей из-под контроля власти и элементарных, естественных интересов человека как конкретной личности. При этом я убежден, что этот конфликт непосредственно связан с духовным состоянием современной цивилизации, с ее забвением вечных истин, отсутствием высшего нравственного авторитета и вообще утерей какого-то более высокого горизонта». Идентичность человека, потеря им самого себя, самототалитаризм — вот главная тема писателя и главы государства, не устававшего звать через головы политиков к мудрости, независимости, творческой де-

ятельности своих сограждан. «Я не президент-спаситель». С высоты не только президентского кресла, но и нравственного горизонта он судил о том, что происходило в стране, отрицая принцип коллективной вины, защищая тем самым рядовых коммунистов. Чехов убеждал понимать словаков. Политиков не раз предупреждал об опасности возникновения пропасти между ними и простыми гражданами.

И вот Гавелу не хватило нескольких голосов... Была ли то неожиданность, как заявило однажды наше телевидение? Да нет, разумеется. Это было закономерное следствие давно предсказанного результата выборов, где правила бал не интересы человека, а интересы партий, не забота о будущем единого государства, а политические и национальные амбиции, не объединяющие людей толерантность, терпимость и мудрость, а резкая поляризация их по идеологическому — снова идеологическому! — принципу. На левых и правых, на федералистов и сепаратистов, на чехов и словаков. Против Гавела голосовало Движение за демократическую Словакию левонационалистического толка. И, по свидетельству многих аналитиков, ряд коммунистов. В таких условиях справедливо заметил кто-то, не прошел бы сам Иисус Христос...

Не надо быть крупным аналитиком, чтобы понять: неизбрание Гавела, как о том писали газеты, — первый шаг к развалу государства.

Так кто же проиграл?

«Вы однажды проснетесь — а я уже президент» — не правда ли, несколько иная, мягко говоря, тональность, чем в ранее мною приведенных высказываниях, звучит в этом заявлении? Оно принадлежит главе правоэкстремистской Республиканской партии Мирославу Сладеку, партии, впервые переступившей порог парламента, что дало даже основание одному из наблюдателей заметить: «Шесть процентов населения отдало свой голос фашистам». «Республиканская партия? Да кто за ней стоит?» — не раз слышала я. «Сладек? Да это же комическая фигура. Мало ли что заявляет этот клоун». Но сегодня заявление Сладека уже не звучит комически — на втором туре президентских выборов его кандидатура оказалась единственной.

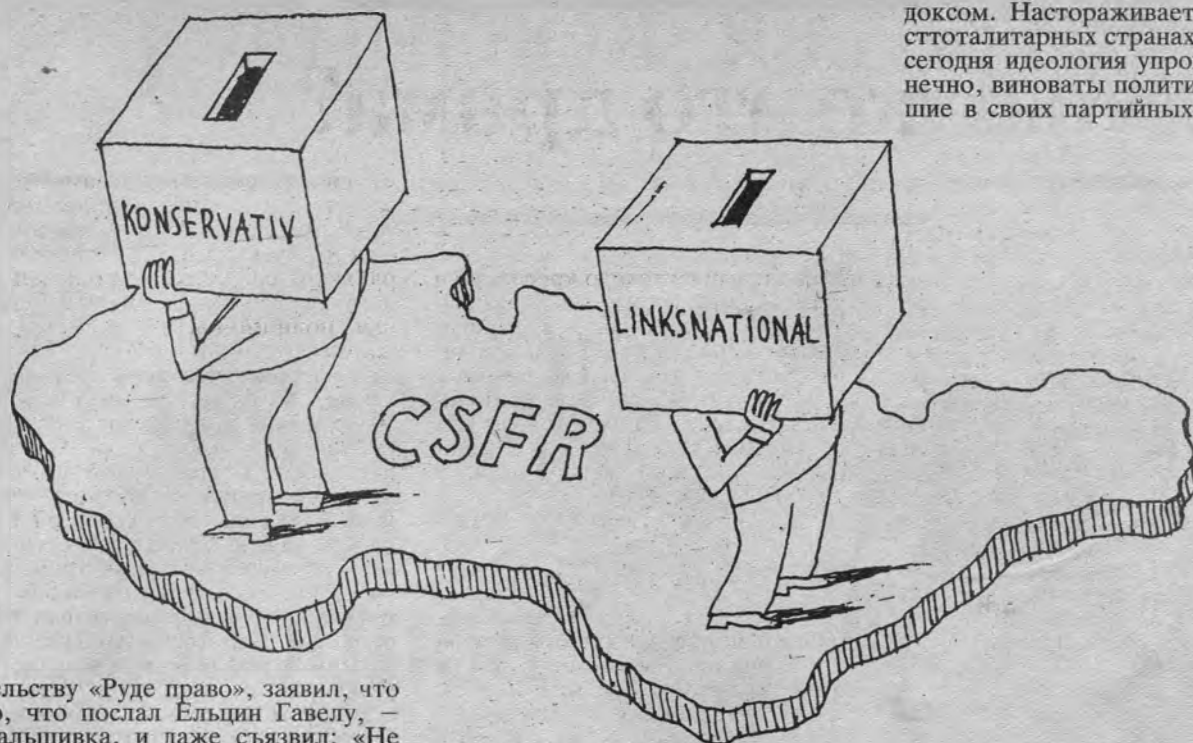
Вот это и в самом деле неожиданность.

Жизнь, как известно, выстраива-

ет иногда сюжеты, позамысловатее, чем самые опытные драматурги. В тот самый день, когда Мирослав Сладек предстал перед Федеральным собранием в роли кандидата в президенты, Вацлав Гавел, чьи полномочия по конституции кончатся лишь в октябре, принял на Граде посланца президента Бориса Ельцина, который передал ему конверт документов с грифом «Никогда не вскрывать». Первый акт пьесы, поставленной жизнью, намекал на вполне возможное будущее: «Два года назад вы плевали на нас, — заявил Сладек в Федеральном собрании, — и вот мы здесь. Посмотрим, что будет еще через два года». Второй акт открывал еще одну завесу над прошлым: Прага получила наконец тот документ из рокового 68-го года, которого так долго и безуспешно добивалась от Москвы, — так называемое приглашительное письмо, вслед за которым и двинулись сюда наши танки (впрочем, ясно, что они двинулись бы и без всякого письма). Комментируя первый акт драмы, один пражский коллега иронически заметил, что в том театре абсурда, который являл собой парламент, во втором туре президентских выборов каждый получил свою долю «удовольствия» — и «поклонники Кафки, и любители Швейка, и внуки Готвальда». Тень прокоммунистического лидера, чьими верными наследниками явились «подписанты» приглашительного письма, только на первый взгляд кажется потревоженной напрасно при виде М.Сладека, который в любом оппоненте всегда видит коммуниста, — экстремизм, как известно, сходятся. В этот ставший явно символическим день прошлое предупреждало, что и коммунизм, и фашизм, проистекая из одного корня, одинаково враждебны простым, известным еще с Нагорной проповеди, но так трудно усваемым нами истинам.

Сладек в президенты не прошел. Фарс — это слово не подходит теперь со страниц газет. Фарс-то фарс, конечно, но все же стоило бы обратить внимание на то, что за Сладека голосовало не только 14 членов его партии — пятая часть парламента! Кто эти люди? Неизвестно, хотя на бюллетенях не стоит гриф «Никогда не вскрывать». Но в истории многое тайна, а в результате, как выясняется, ничто не секрет.

От Гавела до Сладека — так чья это трагедия? Единственный из пяти оставшихся в живых «подписантов» Васил Биляк, по свиде-

тельству «Руде право», заявил, что то, что послал Ельцин Гавелу, — фальшивка, и даже съязвил: «Не знаю, чему она служит, может быть, тому, чтобы Гавела снова избрали президентом. Было бы это со стороны Ельцина новой формой интернациональной помощи».

Что ж, если время для передачи архисекретных документов, которых тут так ждали, выбрано и в самом деле не случайно, это делает честь нашему президенту. Впрочем, и американский президент Джордж Буш недавно выразил уверенность, что Гавел не уйдет со сцены мировой и европейской политики. В случае окончательного развала чехословацкого государства ему прочат пост президента Чехии.

Третий тур, на который Вацлав Гавел мог по существующим правилам выставить свою кандидатуру, был объявлен на 30 июля.

А в это время на политической сцене Чехо-Словакии разворачивалась настоящая драма. Партии-победительницы в Чехии и в Словакии — ГДП и ДЗДС, — с трудом договорившись о федеральных органах, снова развернули яростную полемику: а, вы за Словакию как субъект международного права, за некую вольную конфедерацию? Да она не функциональна. Нужен развод и быстрый, а потом уж будем думать о том, как сотрудничать вместе, — неслось с чешской стороны. А со словацкой — град других упреков, вроде бы у чешского правительства давно заготовлен тайный сценарий раздела. Никто перед историей не хочет взять на себя роль гробовщика на похоронах общего государства, хотя похороны, увы, уже идут. Судя по накалу страстей, бархатный развод может оказаться очередной иллюзией. Что будет с экономичес-

кой реформой, представления о которой, судя по недавним программным заявлениям вновь сформированных республиканских правительств, весьма различны? В Чехии намечена дальнейшая радикализация, в Словакии просматривается некий третий «путь с усилением государственной опеки». А как поведут себя 600 тысяч венгров? Голоса за автономию явно увеличиваются. А что будет с разделом имущества? И, главное, в результате с людьми, ведь кроме чехов и словаков существуют уже чехословаки — дети многочисленных смешанных браков.

Масла в огонь подлило провозглашение Братиславой суверенитета Словакии — ликовали тысячные толпы людей, словно не зная, к чему привел парад суверенитетов у восточного соседа, — и теперь уже сепаратистские настроения усилились в Чехии...

Так чья же это драма? Вечером того дня, когда был провозглашен суверенитет Словакии, Вацлав Гавел выступил по национальному телевидению и заявил о своей отставке с поста президента.

...Где-то недавно прочитала, что Джордж Буш тщательно скрывает свою любовь к игре на рояле, — для паблсити годится нечто, дескать, более тривиальное. «Чтобы завоевать популярность, надо быть посредственностью», — предупреждал еще Оскар Уайльд. Если вспомнить, за какими посредственностями часто слепо шли массы, этот пессимистический вывод известного любителя парадоксов не покажется пара-

доксом. Настораживает, что в посттоталитарных странах побеждает сегодня идеология упрощения. Конечно, виноваты политики, погрязшие в своих партийных страстях и

Каждому свое...

Рисунок из газеты
«Интернэшнл геральд трибюн»

амбициях. Но не виноваты ли те, кто за такими политиками идет?

Объясняя причины своей отставки, девятый и последний президент Чехо-Словацкой Федеративной Республики сказал, что не хочет нести ответственность за развитие событий, на которые уже не может иметь влияние; он и раньше предупреждал, что не станет чиновником, ликвидирующим общее государство. Но глубинное объяснение этого вполне логичного в нынешних реалиях поступка иное: он, Гавел, расценивает свое неизбрание не как отношение к себе «как к конкретной личности, а как проявление несогласия с теми ценностями, за которые всегда выступал». Протест против забвения вечных истин, отсутствие высшего нравственного авторитета, потеря какого-то высокого горизонта оказались неостребованными. Так чья же это трагедия?.. «Закончилась драма абсурда, в которой главным персонажем была целая страна», — с этим утверждением газеты «Лидове новины» трудно не согласиться. «Большое облегчение для народа, что эта бархатная фигурка отступает», — тут же на отставку президента откликнулся Сладек. Уж он-то явно не бархатный...

«Эра мечтателей закончилась, наступило время прагматиков», — как-то ранее заметил Гавел. Но так ли это? Быть может, эта эра не прошла, а еще не наступила?

Демократия ПОД вопросом

Ну что же такое
демократия,
которую одни возносят,
другие клянут?

А если она вовсе
не то, за что мы ее
принимаем?

После долгих
штудий автор
составил свой
«краткий курс»
демократии –
«в порядке
обсуждения»,
разумеется.

Слова «демократия», «демократы», «демократический» так быстро ворвались в нашу жизнь и заполнили язык, что мы и не замечаем странной истории: мы всей страной, толкаясь и сшибая друг друга, гонимся за демократией, но никто не знает, что же это такое. Все спрашивают друг друга: есть ли у нас демократия? Мы ведем не жили при демократии, не видели ее воочию, мы даже не читали ни одной книги или брошюрочки, в названии которых стоит слово «демократия», — кажется, таких изданий на русском языке и нет, если не считать ругательных сочинений о западной демократии с обязательной приставкой «лже». А если не «лже» — что о ней известно?

Большинству людей уточнений и не нужно. Демократия — это что-то хорошее, а если ничего хорошего нет, значит, это не демократия — вот и вся философия, впрочем, не такая уж и ложная. Другие обходятся заявлениями типа «демократия — это необъяснимо», или «демократия — это процесс», или говорят, что они вообще не любят определенных и не доверяют им. У нас у всех сейчас аллергия к социальным теориям и построениям, иначе и быть не могло. Если семьдесят лет жить по некоему учению, а потом внезапно обнаружить, что оно ложно, то поневоле возненавидишь все учения. Это излюбленный ход нынешней публицистики: мол, вся беда прошлых лет из-за того, что строили жизнь по схеме, по учению, по теории — долой все учения и теории, давайте жить как придется.

Все это понятно, и причины понятны, и цели — если они есть. Обычно такие аргументы выставляют теперь против демократии — мол, хватит нам идей.

Однако... однако теория теории разны, и все-таки это интересно: ну что же такое демократия, о которой столько говорят? А вдруг она вовсе не то, что мы думаем о ней, вдруг она не даст нам того, чего мы ждем от нее, вдруг мы понимаем это слово и это явление совсем не так, как во всем мире понимают? И, ожидая невозможного, вновь вместо небывалого счастья приобретаем массовый психоз разочарования?

Похоже, дело идет к тому.

Если прислушаться к обыденным разговорам о демократии в современном нашем обществе, то можно обнаружить четыре группы, четыре плоскости представлений о ней.

Первая плоскость сравнима с ДЕТСКИМ отношением к жизни:

«можно — нельзя», «разрешено — запрещено»; если то, что прежде было нельзя, теперь можно, то это считается демократичным. Раньше нельзя было бранить правительство, теперь можно — чем не демократия? Раньше было запрещено митинговать на площадях, сегодня разрешается — вот она, демократия в действии.

Вторая плоскость чисто ПОДРОСТКОВАЯ — неутолимая страсть к самовыражению: «дайте мне слово». Новый вид очереди возник на наших глазах, символ перестроечных лет — очередь к микрофону. Дают слово по каждому поводу — демократия; не дают — нет демократии, президиум узурпировал власть, долой президиум, переизбрать председателя. Демократия сводится к прениям и голосованиям.

Третий вид бытовых представлений о демократии можно сравнить с ЮНОШЕСКИМ идеализмом: «дайте настоящих людей!» Те, которые есть, не годятся — они развращены, заражены патернализмом, эгалитаризмом, потребительством, иждивенчеством, неспособностью постоять за себя; это все надо решительно изжить — дайте человека с большой буквы! Но никто не уточняет, на какую именно большую букву должен быть идеальный человек демократической эпохи.

Наконец, четвертый пласт представлений — СТАРИКОВСКИЙ, пенсионный: демократия представляется как большая пенсия, обеспечивающая безбедное существование — «дайте мне хорошую жизнь, я ее заслужил». В газетах всерьез пишут, что демократы — обманщики, обещали изобилие, а вместо этого подняли цены.

Дайте разрешение, дайте слово, дайте идеальных людей, дайте хорошую жизнь... и поскорее, а то вот уже полгода, как у нас демократия, но еще ничего не дали. Хуже того, полный развал в стране, и оттого она переполнена детскими или, наоборот, старческими обидами на демократов: да они и не демократы вовсе, а лишь «так называемые» или, хуже того, «лжедемократы» и даже «демофашисты». Нет, говорят, теперь я бы не пошел защищать Белый дом. Слово «демократы» быстро миновало положительную ступень и стало насмешливым, если не бранным.

Так нельзя. Все пекутся о нравственности, только и слышишь рассуждения о нравственном и духовном, но вот высшая безнравственность, бездуховность и бессовестность: насмешничать над демократией. Порядочный человек не может написать «дерьмократия», даже если он самого плохого мнения о нынешней власти.

Нельзя, чтобы идея, за которую миллионы людей во всем мире готовы отдать жизнь, идея свободы, превращалась в погремушку, в предмет досужей болтовни, в мишень пошлых насмешек.

Я как все. Я тоже всю жизнь прожил не при демократии, а при демократическом централизме — это далеко не одно и то же. Мне долго внушали, что есть буржуазная демократия, ложная, а есть пролетарская, социалистическая — «подлинное народовластие», и я верил в это. Я никогда прежде не читал книг о демократии — где было их взять? Последние двести лет больше писали о том, как устраивать революции и бороться с правительством; о том, как строить нормальную жизнь, кажется, и не думали.

Одним словом, об азах демократии узнать негде. А не зная их, не имея общей идеи о демократии, как понять, что происходит, что делается в нашей стране, как оценивать события и судить о политиках?

Эта статья — короткий рассказ о довольно долгих попытках самому (но и не без книг, конечно) понять, что же такое демократия. Я пытался разобраться для себя, мне это казалось необходимым, но, может быть, следы этих размышлений пригодятся кому-нибудь еще.

Пытаясь вникнуть в суть проблемы, я обнаружил, что просто и напрямую сказать: «демократия — это...» практически невозможно. Прежде надо ответить на ряд частных вопросов, иные из которых задают всегда, а иные никогда не задают — и оттого-то и затрудняются с общим ответом.

Вот какие вопросы показались необходимыми: верно ли называть западную демократию западной? Какое слово следует считать ключевым для демократии? Что осталось в наследство от прежней системы? Может ли существовать несчастное предприятие? Совместим ли социализм с демократией? Есть ли при демократии свобода? Есть ли при демократии равенство? Почему демократия противоречива? Является ли демократия идеальной властью? На чем держится достоинство человека при демократии? Улучшает ли демократия нравственность?

Вместе эти вопросы должны подвести к главному: а есть ли у нас демократия?

Верно ли называть западную демократию западной?

Историки исчисляют виды демократии чуть ли не десятками, но в быту чаще всего говорят о западной демократии — нужна ли она нашей стране или у нас другой путь; хорошо ли это — копировать Запад, способны

ли народы нашей страны повторить западный путь развития. Довольно часто можно услышать, что нет, демократия не для нас, мы не доросли до нее.

Поэтому меня поразила приведенная в одной книге выдержка из работы историка Тибора Самуэли: «Мало кто... знает о степени свободы в царской России в начале нашего столетия. Цензура была уничтожена и была полная свобода печати; даже большевистские издания издавались без ограничения. В России была также полная свобода в отношении выезда за границу, были независимые профсоюзы, независимый суд, суд присяжных и передовая система социального законодательства. Был парламент, Дума, с представителями партий всех оттенков, включая и большевиков. В наше время дореволюционную Россию можно рассматривать как модель демократии и, по сравнению с 126-ю странами-членами ООН, как одну из пятнадцати-двадцати наиболее либеральных стран мира».

Каждое отдельное утверждение здесь можно оспорить, но в целом это впечатление историка отражает сильнейший порыв России к демократии. Россия давно и на равных с другими странами участвует в грандиозном процессе демократизации планеты.

А что если представить себе историю нового времени так: четыре великие демократические революции вместе с научно-технической революцией создали сегодняшний облик Земли — английская, американская, французская и русская. Все они тянулись десятилетиями, сопровождались войнами, диктатурами, казнями монархов. То обстоятельство, что русская революция, начавшаяся в феврале семнадцатого года, продолжается до сих пор, не делает ее исключением из общего правила — демократии устанавливаются трудно. Это ведь людям тяжело вынести семьдесят пять лет жизни, не похожей на жизнь, а для истории — что такое полвека или век? Бывали и столетние войны. Для нас Октябрьская

революция, последствия которой определили наши жизни, — огромное событие; но кто знает, как будут оценивать ее значение через двадцать или через сто лет — может быть, лишь как временное отступление от демократического пути?

Демократия изобретена, если можно употребить это слово, на Западе, но давно перестала быть западным явлением. Сегодня демократия — основная черта цивилизации, как научный и технический прогресс. Это первая, величайшая ценность нашего времени, причем не только политическая, но, можно сказать, и нравственная. Отступление от демократических норм морально осуждается, быть демократичным — аристократично, потому что слова «цивилизованный» и «демократический» теперь почти синонимы. Страны с самой разной исторической судьбой, с совершенно непохожими традициями и нравами, ну скажем, Англия и Япония, живут по одним и тем же демократическим принципам.

Подобно тому как общие религиозные ценности не мешают, а помогают развиваться национальным характерам, так и демократия, несмотря на общность обязательных ее принципов, открывает каждому народу его собственный путь, позволяет осуществить, исполнить его уникальную историческую судьбу. Жизнь в демократическом обществе дает возможность человеку сосредоточиться на собственном внутреннем мире, на духовном и нравственном, на земном и небесном. Антидемократия же закрывает все дороги и толкает людей на изнурительную борьбу за политическую свободу, делает всех политиками, поскольку если нет свободы, если народ в рабстве, то совестливому человеку стыдно заниматься собой и слишком ценить свою жизнь. А следовательно, и чужую. Там, где борются за свободу, — там свобода ценнее жизни, там человек по необходимости перестает быть высшей ценностью и жертва так же принимается, как и жертвенность.

Демократия стала непременным условием существования человека, поэтому, размышляя о ней, мы имеем право представлять себе не американскую, французскую или австралийскую действительность и не утопию «нигдею», как говорили прежде, а мировое, плане-

Рисунок Евгений Стародубцева

тарное, реальное для конца двадцатого века, демократическое устройство жизни, к которому приходит народ за народом.

Признано, что сегодня на планете 75 свободных стран. А нам — своим путем? Без цивилизации?

Какое слово следует считать ключевым для демократии?

Обычно демократию называют парламентской, подчеркивая, что главное в ней — всеобщие свободные выборы, власть представительных органов. Но избранники народа, как правило, отделяются от народа, и власть снова и снова ускользает от людей. Тогда начинают говорить: «Какая разница между одними властителями и другими? Какой смысл в демократии? Зачем она?»

Но тайна демократии не столько в том, чья власть — парламента, монарха или президента, а, главное, в способе властвовать.

Демократия — принципиально иной, от всех других форм отличающийся СПОСОБ властвования. Этот иной способ вытекает из того обстоятельства, что демократия — власть людей, у которых нет ничего для власти над другими: ни большой физической силы, ни великих способностей, ни особого происхождения, ни высокого положения, ни даже собственности. Первоначальное значение слова «демократия» — не «власть народа», как часто думают, а «власть неимущих», и этот запах бедноты, нижнего слоя, худших (в отличие от аристократии) людей навсегда остался в слове «демократия».

Демократия — это власть безвластных. Это власть, не имеющая власти. В этом противоречии заключены все другие ее противоречия.

Но может ли быть власть безвластных людей, что это такое?

Тут и хитрость, которая обычно ускользает от нас. При демократии меняется не только субъект власти — кто правит, но и объект ее — кем правят.

Кажется: демократия — власть народа. Власть над кем? Над народом.

Власть народа над народом? В реальности этого не получается, всегда находится кто-нибудь, кто начинает управлять в «интересах

Рисунок Марата Таирова

народа», или, пуще того, в «интересах трудового народа» — мы это проходили.

Нет, демократия, или власть безвластных, может осуществляться лишь как власть человека не над кем-то, а над самим собой, над своей собственной жизнью.

И лишь над нею.

Суть и соль демократической власти в том, что она и не власть в привычном смысле слова. При демократии наибольшая власть принадлежит не государству, не органам и организациям, а человеку. Но это власть не над человеком, а над самим собой. Управление собой.

Ключевое слово демократии — самоуправление. Демократия — допустимо и такое определение — это возможность для наибольшего числа людей управлять собой и строить свою жизнь по своим способностям, своему разумению, по своей совести и на свою ответственность.

Самоуправление является сутью демократии по двум причинам. Во-первых, потому, что только свободное управление своей жизнью делает человека личностью. А во-вторых, потому, что у демократии нет возможности управлять в том смысле, в каком управляет авторитарное государство.

Если люди не будут управлять собой сами, демократию сменит анархия. Минимум насилия достигается лишь при максимуме самоуправления. Демократия по преимуществу побудительная, а не запретительная власть. Человеку, выросшему вне демократии, эта власть кажется слабой. Он не понимает, в чем ее сила — в предоставлении возможностей для самоуправления. А самоуправление —

и цель, и необходимость для демократии.

Самоуправление принципиально отличается от той «сознательности», которую столько лет пытались в нас воспитать. Сознательность заключалась в добровольном подчинении своих интересов чужим. В самоуправлении нет служения и подчинения, но нет и эгоизма, нет автономии личности: суверенитет не равнозначен автономии. Человек чувствует себя частью общества, которым он дорожит и которому готов помогать, но чем он ценнее как человек, тем ценнее он для общества. Он не позволяет никому вмешиваться в свою жизнь и потому сам ни в чью жизнь не вмешивается. Он ни на ком не виснет, ни на кого не надеется, он сам развивает свои силы и полагается на них.

Демократия — вовсе не царство индивидуализма, как иногда думают, самостоятельность и индивидуализм — разные понятия. Самостоятельный может быть и коллективистом, и индивидуалистом, это зависит от характера и воспитания. Но заметим, что в демократических странах, как правило, мощный дух патриотизма, общинности, общности, однако это общность именно суверенных, самостоятельных людей, она создается движением снизу, а не давлением сверху, она поддерживается общностью ценностей, среди которых первая — демократия. Демократия — то надличное, высшее, не только для себя, но и для детей своих, для людей берегаемого, без которого плохо жить человеку.

Прежний наш строй обладал огромными способностями к мобилизации всех сил — отсюда индустриализация, победа в тяжелой войне, создание огромной армии, ракет и бомб. Для такой мобилизации проповедовалась идея единства народа, умножения сил единством. Однако сила единства проявляет себя лишь в экстремальных условиях. Государство, в котором мы жили, могло выиграть войну, но испытания миром оно не вынесло. Потому что в обществе не так, как в физике, здесь сумма энергий неизмеримо больше энергии суммы.

Неизмеримо больше.

(Продолжение следует.)

Челябинск-65: равняется двадцати Чернобылям

Сорок лет здесь на Южном Урале производился плутоний для атомного оружия. Три ядерные катастрофы превратили это место в зону экологического бедствия

Олег Вишняков,
специальный корреспондент
«Нового времени»

Въезд в город украшает огромный рекламный щит, призывающий горожан застраховать свою жизнь и имущество непременно в страховой компании «АСКО». Коммерция уже проникла и сюда, за колючую проволоку.

Челябинск-65 (официальное название — Озерск — не прижилось) — самый первый и, пожалуй, самый крупный из десяти закрытых городов, находящихся в подчинении Министерства Российской Федерации по атомной энергии, наследника союзного Минсредмаша. В течение последних сорока лет здесь на химическом комбинате «Маяк» нарабатывался оружейный плутоний — необходимый компонент ядерного оружия. Здесь же произошли три страшные ядерные катастрофы, превратившие Южный Урал в самое загрязненное радиацией место на Земле.

Трагедия Чернобыля позволила приоткрыть завесу над тайнами, со-

провождавшими становление и развитие советской атомной промышленности. Под давлением общественности правда о «Маяке» была сказана. В мировой классификации ядерных катастроф «Хиросима — Нагасаки — Чернобыль» появилось новое звено. Химкомбинат отдали на растерзание журналистам и «зеленым».

Страсти бушевали два года и только сейчас немного поутихли. Видимо, настала пора спокойно разобратся в случившемся.

К прессе здесь хоть и относятся с определенным предубеждением, но, если уж вы сюда пробились, принимают неплохо. Прокатят по городу (86 тысяч жителей, много зелени, свой драмтеатр, газета «Озерский вестник», относительно — по сравнению с соседними «открытыми» городами — изобилие на прилавках и традиционный Ильич на вокзальной площади), который действительно смотрится весьма презентабельно, поведут в местный музей, в домик Курчатова, где «он жил и работал», немного покажут производство, наконец, свозят на Карачай — знаменитое радиоактивное озеро, куда на

протяжении многих лет сливались отходы ядерного производства.

Оружейный плутоний здесь не нарабатывают вот уже полтора года. Все пять реакторов законсервированы, хоть и будут находиться под наблюдением еще минимум тридцать лет. Это, однако, не означает, что «Маяк» больше не работает «на войну» — секреты здесь остаются. В городе и на территории комбината по-прежнему действует строжайшая пропускная система и далеко не все работники «Маяка» могут попасть в «святыню» — цехи, где производится «специальная продукция». Что это за продукция, здесь не объясняют.

Зато вам охотно расскажут, что на «Маяке» производят на экспорт радиоизотопы, перерабатывают отработанное ядерное топливо с АЭС (в том числе и, выполняя международные обязательства, из стран Восточной Европы и Финляндии) и подводных лодок, налаживают конверсионное производство.

Радиационный фон в черте города не превышает нормы. Тем не менее по сравнению с другими закрытыми городами Минатома со сходным производством (Томск-7 и Красноярск-26, где также нарабатывается оружейный плутоний) общая заболеваемость в городе выше в 1,5 раза, в том числе онкологическими заболеваниями — в 2,5 раза, сахарным диабетом — в 2 раза, болезнями органов дыхания — в 1,5 раза, врожденные аномалии встречаются чаще — в 1,8 раза.

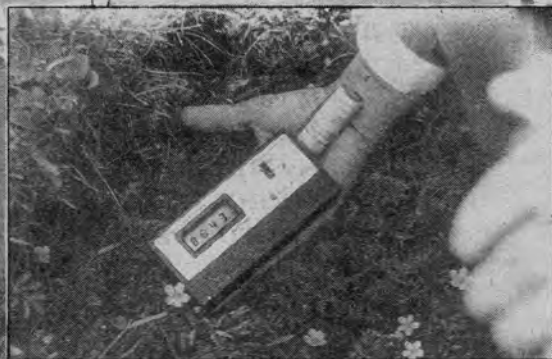
Прошлое дает о себе знать.

Секретный объект заговорил

Основателем своего города жители Озерска считают Ефима Теверовского — военного инженера, прибывшего в ноябре 1945 года на Южный Урал с группой изыскателей. Им предстояло выбрать оптимальное место для строительства военного объекта особой секретности. Вряд ли кто-то из них понимал, о каком объекте идет речь. Как не знали этого ни строители (первый завод был построен руками заключенных ГУЛАГа), ни даже многие инженеры, работавшие на объекте. Все они впоследствии жестоко поплатились за это незнание.

После атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки Сталин решил как можно скорее «ответить» Трумэну испытанием собственного ядерного оружия. Ядерную программу курировал лично Берия. За невероятно короткий срок — каких-то полтора-два года — на Южном Урале был построен и запущен первый реактор.

Плутоний нарабатывался в страшной спешке, реакторы были самыми примитивными. О том, что такое радиация и какое воздействие она ока-

Дети села Муслюмово не боятся радиации: без реки для них все равно нет жизни

Фото автора

зывает на человеческий организм, знали крайне мало. Пожалуй, только этим и можно объяснить то, что произошло дальше.

Как известно, вследствие радиохимического производства образуется большое количество жидких радиоактивных отходов. Их безопасное хранение — и сегодня проблема номер один в атомной энергетике. На «Маяке» в те годы с отходами поступали следующим образом: их просто... сливали в ближайшую реку Теча, на берегах которой жили люди. Люди ничего не знали и спокойно купались, пили из реки воду и поили скот. И умирали от непонятной болезни.

По данным Челябинского филиала института биофизики, в 1951 году в поселке Метлино, ближайшем к месту сброса радиоактивной воды, мощность дозы гамма-излучения местами достигала 5 рентген в час! Для сравнения: сегодня 5 бэр (биологический эквивалент рентгена, для простоты 1 бэр равен 1 рентгену) — это годовая нагрузка для профессионала, работающего на реакторе.

Так продолжалось два года, пока не забила тревогу местная санэпидемстанция. В конце 1951 года была организована специальная комиссия для выяснения обстановки, возглавил ее сам академик Александров. Замерив уровни излучения и проведя выборочное медицинское обследование населения (лучевая болезнь была диагностирована у каждого второго из обследованных), комиссия пришла к выводу: радиационное воздействие огромное, сбросы надо каким-то образом прекращать, людей переселять.

Сбросы в Течу хоть и были уменьшены, но продолжались вплоть до

1956 года. С отселением медлили, ограничились тем, что официально запретили использовать воду из реки для хозяйственных и бытовых нужд. Натянули колючую проволоку вдоль берега, выставили милиционерскую охрану. Не учли, правда, что для жителей большинства пострадавших сел река была единственным источником водоснабжения.

Женщина, жившая в те годы в Метлино, рассказала мне, как она с соседками бегала за водой по ночам — чтобы не заметила охрана. «Мы просто не могли поверить, что вода грязная», — вспоминает она. Ее муж и дочь давно умерли, а 38-летний сын серьезно болен, причем врачи не могут поставить ему однозначный диагноз.

В селе Муслюмово здоровых нет

Всего от той первой аварии, по данным Минатома, было переоблучено в разной степени 134 тысячи человек. Речная система Теча — Исеть — Тобол была загрязнена радионуклидами на тысячу километров.

Людей начали эвакуировать лишь в 1955 году, и, как сейчас признает большинство специалистов, эта мера не принесла должного эффекта — к тому времени люди уже получили значительные нагрузки. Сама схема эвакуации тоже вызывает много вопросов. Почему, к примеру, не были выселены жители села Муслюмово, в то время как другие села, находящиеся дальше от места сброса отходов, попали под выселение?

Мне удалось побывать в Муслюмово. Это село и сегодня остается одной из «болеющих точек» региона. У реки мой дозиметр показал 823 микрорентгена в час — примерно в 40 раз выше нормы. Мне сказали, что

это довольно благополучное место. Поблизости есть участки, где уровень радиоактивного фона достигает 2,5 тысячи микрорентген.

По всем существующим ныне правилам радиационной безопасности людей отсюда надо срочно эвакуировать. Дети получают дозовые нагрузки до 2 бэр в год, что значительно выше, чем где бы то ни было в Чернобыле. А у них накоплено и внутреннее облучение — они ведь облученные в третьем поколении!

Гайнулла Камалов, глава сельской администрации, рассказал, как в прошлом году ему удалось отправить 70 муслюмовских детишек в профилакторий, где их обследовали врачи. Среди ребят не оказалось ни одного здорового, у всех обнаружили серьезные осложнения.

По берегам реки здесь мирно пасутся лошади, коровы и гуси, а дети, несмотря на запрет, ловят мелкую рыбешку. Мой вопрос, что они потом делают с рыбой, их, кажется, удивил. Как что? Едят, конечно. Знают ли, что вредно? Слышали, но в это они не очень верят — вода-то с виду чистая.

«Без реки все равно нет жизни», — говорит Камалов. По его словам, никто отсюда уезжать не хочет. Нужно лишь создать людям соответствующие условия жизни, улучшить медицинское обслуживание. В селе, где проживают несколько десятков пораженных лучевой болезнью, практически нет квалифицированных медиков, о лекарствах и говорить не приходится. 5 июня прошлого года здесь побывал Борис Ельцин и обещал «разобраться». С тех пор здесь ничего не изменилось.

Еще более страшная авария произошла на «Маяке» 29 сентября 1957 года...

(Окончание следует)

13 июня 1991 г.

Куда попали дневники Гebbельса

Вокруг дневников главного пропагандиста нацистского рейха Иозефа Гebbельса не раз поднимался шум. На этот раз он начался в Лондоне — но кончился в Москве

Лев Безыменский

На этих днях английская и немецкая пресса была полна сенсационных сообщений: английский историк Дэвид Ирвинг, известный своими симпатиями к ультра-правым, приехал из Москвы, где якобы получил из советских наискретнейших архивов доселе неизвестные дневники Иозефа Гebbельса. Лондонская «Санди таймс» начала их публикацию.

В то же время появилась и «контрверсия»: дневники известны, 4 их тома уже опубликованы мюнхенским Институтом современной истории, а новые фрагменты Ирвинг получил не в Москве. Давно следя за запутанной историей этих дневников, я хотел бы внести и свой вклад в дискуссию.

Капитан, переводите!

Наверно, этим не стоит гордиться, но я был одним из первых советских людей, которые увидели подлинный почерк Иозефа Гebbельса. Было это в примечательных обстоятельствах — в ночь с 30 апреля на 1 мая 1945 года, перед самым падением Берлина.

В эту ночь меня, офицера разведотдела штаба 1-го Белорусского фронта, срочно вызвали к командиру фронтом, маршалу Георгию Жукову. Спустившись по нескольким деревянным ступеням в блиндаж (ведь еще шла война) командного пункта фронта, я отпрапото-вал маршалу:

— Товарищ маршал, капитан Бе-

зыменский по вашему приказанию явился.

Маршал, почти не взглянув на меня, протянул небольшой лист плотной бумаги и сказал:

— Капитан, переводите! Переводите медленно, мы будем текст диктовать по ВЧ в Ставку.

Волнуясь, я начал переводить. Это было письмо на имя Сталина, в котором его, как «первого не из немцев», извещали о самоубийстве Гитлера. Подписал д-р Гebbельс, новый рейхсканцлер Германии. В письме предлагалось начать переговоры с советским правительством, что, как известно, было отвергнуто.

Моя следующая встреча с почерком Гebbельса состоялась много лет спустя. В 1973 году ко мне, корреспонденту «Нового времени» в Бонне, приехал из гамбургского издательства «Хофман унд Кампе» его представитель и сообщил следующее: к издательству обратился малоизвестный им журналист из ГДР Эрвин Фишер и предложил за большие деньги купить копии подлинного дневника Гebbельса, которые он раздобыл в Москве. Не могу ли я сказать: действительно ли это копии из Москвы?

Я посмотрел копии — и пришел в ужас. Еще давно я знал, что в мае 1945 года в бункере имперской канцелярии были найдены эти дневники и что моя добрая знакомая, военная переводчица Елена Ржевская, держала их в руках. Позднее в одном архиве я видел перевод нескольких фрагментов за 1941 год. Более того, среди привезенных мне копий я обнаружил пожелтевшие закладки, сделанные

из каких-то формуляров МВД СССР!

Будучи в то время не ахти смелым, я ограничился довольно расплывчатым, хотя и положительным ответом. Теперь я знаю больше. Дневники Гebbельса действительно были найдены 3 мая 1945 года в бункере имперской канцелярии старшим лейтенантом Ильиным из отдела «СМЕРШ» (военная контрразведка) 3-й ударной армии. Их немедленно переправили в Москву на имя начальника «СМЕРШ», будущего министра госбезопасности Абакумова. Здесь два переводчика — Стеснова и Копелянский — с невероятным трудом перевели несколько фрагментов о начале войны, что было доложено самому Сталину. Ему же на стол положили и несколько тетрадок, заполненных Гebbельсом от руки (после июля 1941 года он перешел на диктовку).

В подарок товарищу

Здесь-то и произошел первый таинственный поворот в судьбе дневников. Начальник «СМЕРШ» генерал Абакумов отнес переводы и дневники Сталину, но... не получил их обратно. А вскоре люди «СМЕРШ» проводили, что все это попало в МИД: Сталин, прочитав переводы и подержав тетради, решил отдать их Молотову.

Шли годы. В 1962 году существовавший тогда в Москве и подчиненный КГБ Особый архив — один из самых засекреченных! — получил из МИД СССР огромное количество фотокопий дневника Гebbельса, а также так называемые «стеклянные пластины», на которых были перенесены как рукописные, так и машинописные записи. Конечно, под грифом «совершенно секретно». Их никому не давали, кроме сотрудников КГБ, а осенью 1969 года было получено специальное задание — подготовить копию всех дневников.

Не знаю, чья это была идея. Но факт налицо: не кто иной, как Леонид Ильич Брежнев — небольшой знаток архивов — взял с собой копии для передачи их... в подарок товарищу Ульбрихту ко дню очередного круглого юбилея ГДР, где оные и очутились в руках Эриха Мильке. Как-то пытался узнать у бывшего заместителя Мильке Миши Вольфа: каков был дальнейший путь копий? Он уверил меня, что этим занималось другое управление, «Штази», и он не знает, как и за сколько г-н Фишер продал копии на Запад. Так или иначе они и стали основой первых публикаций.

Однако сделка ведомства Мильке оказалась под дурной звездой. Издательство «Хофман унд Кампе», выпустив дневники за 1945 год, оказа-

лось под огнем: живущий в Швейцарии адвокат и банкир Франсуа Жене объявил себя владельцем прав на все публикации Геббельса, что доказал перед судом. Затем началась долгая тяжба, пока он не согласился, что Федеральный архив ФРГ и известный мюнхенский Институт современной истории будут выпускать научное издание дневников. Этим занялась группа ученых во главе с Эльке Фрелих. Первые 4 тома появились в 1987 году и показали, что, несмотря на весьма противоречивый характер, дневники представляют важнейший и разоблачительный документ эпохи.

Торгуют все!

Тут пришло время очередного таинственного поворота. Исследователи (а Фрелих еще раньше) установили, что в копиях значительные пропуски, причем по очень важным периодам 1938 и 1939 годов. Начался поиск: где, что, у кого? Немного помогли находки в сохранившемся на территории ГДР бункере. Обнаружились неизвестные копии в архивах «Штази», в некоторых частных коллекциях. Стали даже предсказывать появление дневников на лондонских аукционах. Но в Москве, что в Москве?

Тогда эпоха гласности лишь начиналась. Визиты Фрелих и издателя

Клауса Герхарда Заура в МИД СССР сначала натолкнулись на многозначительное молчание и нежелание вообще об этом говорить. В Особом архиве также ссылались на запреты тогдашнего архиконсервативного Главного архивного управления СССР. В то же время советские архивные учреждения уже не чувствовали себя связанными запретами сталинско-брежневских времен. Да и МИД пошел по новым путям. В 1991 году он согласился передать в Мюнхен недостающие фрагменты, за что тогдашнему начальнику историко-дипломатического управления Феликсу Ковалеву честь и хвала.

Но вот взорвалась новая бомба. Стало известно, что итальянское издательство «Мондадори» купило все недостающие части в... Москве. Стали упоминать имя некоего итальянского журналиста, располагавшего в тогда еще советской столице и в ее «специальных кругах» отличными связями.

На «рынке дневников» началась подлинная толкучка. В свою очередь «Мондадори» отдало свою покупку для издания Дэвиду Ирвингу. Собралось в ФРГ публиковать дневники и издательство «Пипер». На мюнхенский институт давили: где у вас свидетельства подлинности копий? Здесь МИД — уже России — снова перешел к глухой обороне: у

нас оригинала дневников нет. Что не соответствовало действительности, ибо ваш покорный слуга видел одну из тетрадей в руках одного из высоких чинов МИД...

Операция прикрытия

Зато самым демократичным и гласным оказался бывший Особый архив. Его молодой шеф Виктор Бондарев, принявший пост от Анатолия Прокопенко, который в свое время смело объявил своей задачей полностью открыть свой сверхзакрытый архив, спокойно пустил в свои фонды Эльке Фрелих, которая по договоренности с Роскомархивом смогла поработать там.

Но гласность имеет свои подводные камни. Узнав о поездке Фрелих в Москву, собрался и не раз напугавший Дэвид Ирвинг. Мы — давние знакомые, хотя политически стояли и стоим на разных полюсах отношения к нацизму. Правда, о его мастерстве добывать нужный материал я знал многое. Но не все. Сначала он позвонил мне из Лондона и объявил, что едет к Бондареву, чтобы купить знаменитые «стеклянные пластины», с которых делались фотокопии дневников. В архиве удивились: с такой просьбой Ирвинг вовсе не обращался.

Тем не менее гость из Лондона вскоре объявился в Москве — под опекой лондонской газеты «Санди таймс». Посетил он меня со странной просьбой — дать ему лупу. Мол, для работы со «стеклянными пластинами» у Бондарева она ему нужна, он разбирает текст с трудом.

Позже Бондарев говорил мне: как же мне было не пустить его? Ведь Роскомархив дал разрешение. И если мы пустили одних, то как не пустить других? Одно знает Бондарев точно: за пять дней Ирвинг просмотрел лишь 40 пластин и физически просто не мог видеть, да еще изучить те 80 000 кадров, о которых возвестила пресса. Кроме того, он заказал копии с 2 пластин, то есть 90 листов. Тоже немного. Иными словами, он провел в Москве лишь «операцию прикрытия» и легализации того, что имел давно совсем из другого источника. Насколько это сочетается с тактом и серьезностью историка — это большой вопрос.

Шум улегся, сенсация не состоялась. Как мне сообщили, Роскомархив заключил соглашение с мюнхенским институтом, и тот спокойно, без сенсаций продолжает полное научное издание. Архив Бондарева готов к сотрудничеству. Надеюсь, это делает и МИД. Собственно говоря, вот прекрасная форма практического научного сотрудничества двух стран. То, чего мы все жаждем! Даже ценой отказа от сенсаций.

Главный пропагандист

Рубрику ведет
обозреватель «НВ»
Ростислав Золотарев

Автор оригинальных работ по философии права, составивших славу русской философской и юридической мысли, Павел Иванович Новгородцев был, пожалуй, одним из самых ярких представителей русской интеллектуальной элиты начала века. Талантливый ученый, он стал основоположником «идеалистической школы» в русской философии права и получил известность уже по первым шагам научной деятельности (его яркое выступление против юридического позитивизма в защиту естественного права в опубликованной им в 1896 году диссертации «Историческая школа юристов» вызвало живой отклик в русской и зарубежной научной среде). Он был профессором Московского университета, а

после вынужденной эмиграции из большевистской России основал русский юридический факультет в Праге. Новгородцев принадлежал к тому типу мыслителей, чей творческий талант и глубокие познания не укладывались в узкие рамки партийных программ и деклараций. Дух сектантства и партийной кружковщины был изначально неприемлем для Новгородцева. Он всегда был врагом всякого догматизма, критиком любого утопического радикализма (его последняя книга «Об общественном идеале» и сегодня может служить примером блестящего научного анализа утопических элементов в политической доктрине марксизма). И оставался страстным защитником идеи правового государства.

Вышедший в 1902 году под его редакцией сборник статей «Проблемы идеализма», в числе авторов которого были П.Б.Струве, Н.А.Бердяев,

С.Н.Булгаков, С.Л.Франк и другие видные русские интеллектуалы, заложил основы того широко понимаемого либерализма (либерального консерватизма), который нашел затем свое выражение в известных сборниках «Вехи» (1909) и «Из глубины» (1918). Общей идеей, объединившей авторов сборников, была идея активной борьбы против максимализма российской интеллигенции, последовательная защита приоритета государственной идеи в условиях нарастающего в России дефицита государственного сознания. Центральное место занимает она и в одной из последних его работ — статье «Восстановление святынь», фрагменты из которой мы предлагаем сегодня вниманию читателей.

Статья эта вызвала в свое время и вызывает сегодня наибольшее число споров и упреков в адрес ее автора. Написанная незадолго до

ИЗ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ

XX

ВЕКА

смерти и опубликованная уже после его кончины (журнал «Путь», 1926, № 4), она не только подводила своеобразный итог размышлениям ученого о судьбах России, но и отражала известную эволюцию взглядов в последние годы жизни. Можно не соглашаться с ним в некоторых пассажах. Но именно эта статья выдающегося русского мыслителя очень соответствует духу нашего времени — словно написана она сегодня.

Восстановление святынь

Павел Новгородцев (1866–1924)

Едва ли может быть сомнение в том, что время, нами переживаемое, властно и решительно требует новых слов. Те политические верования, которые недавно еще казались великими и определяющими, явно потускнели и померкли. За ними продолжают стоять лишь небольшие группы политических староверов, сохранивших привычку жить отвлеченностями и все более оказывающихся вне жизни... Для тех, кто с болью сердца видит процесс упадка и разрушения, такие иллюзии невозможны. Для них ясно, что нужен какой-то новый подход к жизни, какое-то новое отношение к действительности. Это именно то, что думал В.Д.Набоков, когда за три дня до своей кончины писал: «Куда, к чему звать?... Ведь для нас когда-то — не так давно — «демократия» была великим словом, полным значения и ценности. Если оно оскудело — что, какие слова и идеалы пришли ему на смену?» (В.Д.Набоков, 1869–1922, один из лидеров кадетской партии; отец знаменитого писателя Вл. Набокова. — **Ред.**)

Вот это чувство осуждения демократической идеи, это яркое и живое сознание, что нам нужно какое-то совершенно новое ощущение и жизни, и России, и наших задач, и составляет ту основу, на которой осуществляется сейчас пересмотр старых верований и взглядов. Ход мысли, который при этом совершается, чрезвычайно прост и неотразим: если бы демократическая идея всегда и везде обладала настоящей созидательной силой, она привела бы Россию к величию и свободе, а не к разрушению и порабощению; если же этой силы она не обнаружила, значит, одно из двух: или при данных условиях она была недостаточна, или ее не умели осуществить. В начале революции на охрану народовластия стали люди, которых русское общество выдвинуло как своих самых лучших, самых способных людей. Эти люди взяли за свою задачу с твердой верой, что для России начинается заря лучшего дня. Если их усилия

оказались бесплодными, если в результате вместо ожидаемого величия Россия пришла на край гибели, очевидно, они ошибались в чем-то самом главном и основном...

Временное правительство не имело в виду ничего противопоставить процессу разрушения, кроме своей веры в конечное торжество свободы и в моральную силу. В основу своего управления оно полагало «добровольное повиновение свободных граждан созданной ими самими власти». Оно не хотело применять «старых насильственных приемов управления», не хотело «насилия и принуждения»... Как правильно заметил в своих воспоминаниях о Временном правительстве В.Д.Набоков, эта идеология «очень была сродни идеологии анархизма». В той системе свободы, которая признавалась здесь за норму государственного управления, идея государства, власти и права в сущности упразднялась... В своем стремлении как можно меньше походить на старую власть Временное правительство и вовсе перестало быть властью. Это была не столько демократия, сколько узаконенная анархия...

И все эти завоевания — крестьян, рабочих, национальностей, всяких профессиональных и национальных групп и слоев — имели тот характер, что они не только отменяли старые стеснения и утверждали новые права, но и разрушали общее государственное единство: предъявленные и осуществленные в отношении того целого, которое представляла собою историческая Россия, они неизбежно должны были привести это целое к распаду... В условиях русской действительности... руководящее значение в революции получили не те, которые могли бы противодействовать стихии, а те, которые ей подчинялись... Таким образом под знаменем «завоеваний революции» Россия с неудержимой силой катилась к торжеству большевизма. Князь Львов, Керенский и Ленин связаны между собой неразрывной связью. Князь Львов так же повинен в Керенском, как Керенский в Ленине... Система бесхитростного неправо-

тивления злу, применяемая князем Львовым в качестве системы управления государством, у Керенского обратилась в систему потворства злу, прикрытого фразами о «сказке революции» и о благе государства, а у Ленина — в систему открытого служения злу, (систему), облеченную в форму беспощадной классовой борьбы и истребления всех, не угодных властвующим... В условиях общей анархии путь к власти и к деспотизму всего более открыт для наихудшей демагогии. Отсюда и вышло, что легализованная анархия князя Львова и Керенского с естественной неизбежностью уступила место демагогическому деспотизму Ленина...

Люди, все еще упорствующие, все еще ничему не научившиеся, продолжают и доныне твердить о «завоеваниях революции». Но не пора ли наконец пред лицом страдающей и в смертельных страданиях изнемогающей России ясно и решительно признать, что приведшая ее на край гибели революция являет собою не завоевание, не победу, не торжество нравственной идеи, а кару, страдание и трагедию. Я не хочу сказать, чтобы для нее не было причин в прошлом, и я не имею здесь в виду обсуждать, была или не была она неизбежной при данных обстоятельствах. Я утверждаю только, что если она и была неизбежна, то именно как страдание, кара и искупление. И, очевидно, возрождение должно последовать не под знаменем «завоеваний революции», а под каким-то новым знаменем, которое укажет русскому народу новые пути...

В воззрениях людей, выдвинутых революцией сверху, имела определяющее значение их вера в народ, в «разум и твердую волю народа». Они были убеждены, что освобожденный от старых пут народ проявит в полной силе свою мудрость и обнаружит чудеса патриотизма, мужества и справедливости. Они верили, что «душа русского народа оказалась мировой демократической душой по самой своей природе», что «она готова не только слиться с демократией всего мира, но стать впереди ее и вести ее по пути развития человечества на великих началах свободы, равенства и братства». На деле вышло так, что в результате революции Россия не только не слилась с демократией всего мира и не только не стала впереди ее, а, напротив, противопоставила себя ей как система управления диктаторского, деспотического и вместе с тем разрушительного. Являя собою картину голода и болезней, разорения и умирания, Россия оправдывает в наши страшные дни горькие предчувствия Чаадаева: «Мы как будто живем для того, чтобы дать какой-то великий урок человечеству».

Если под демократией понимать организованное самоуправление народа, сочетающееся с твердостью правового порядка и свободной жизни, то демократии в этом смысле не было ни в начале революции при князе Львове и Керенском, ни в дальнейшем ее развитии при господстве советской власти... Это крушение идеи народовластия в русской революции в свое время вызвало совершенно основательное требование П.Н.Милюкова о «пересмотре всех демократических программ, которые, ничего еще не давши народу, хотели «все» создать через народ». Во время революции не только народные массы в России оказались «бессознательными и темными», но и культурные силы, призванные к организации народовластия, обнаружили свою политическую незрелость и свою неспособность к власти и к управлению.

Свобода в государстве утверждается на почве законного порядка, охраняемого властью. Эту мысль об органической связи политической свободы с твердостью закона и власти в свое время тщетно пытался привить русскому сознанию Б.Н.Чичерин. Политическое миро-созерцание русской интеллигенции сложилось не под влиянием государственного либерализма Чичерина, а под воздействием народнического анархизма Бакунина.

Определяющим началом было здесь не уважение к историческим задачам власти и государства, а вера в созидательную силу революции и в творчество народных масс. Надо только распатать и разрушить старую власть и старый порядок, а затем все само собой устроится... На почве таких воззрений нельзя было, конечно, организовать ни народовластие, ни управление. Уже в конце апреля Керенскому пришлось в один из моментов тягостного отрезвления с горечью вопрошать: «Неужели свободное русское государство есть государство взбунтовавшихся рабов?» и выражать сожаление, что он не умер два месяца назад... «с великой мечтой, что раз навсегда для России загорелась новая жизнь, что мы умеем без хлыста и палки уважать друг друга и управлять государством не так, как управляли прежние деспоты». Керенский и тут не понимал, что дело не в хлысте и палке, а в том, что государство есть государство и что Россия не изъята из общих условий, при которых только и может протекать государственная жизнь.

Не только от старых методов управления, но и от этих общих условий властвования хотели освободить русский народ новые его правители. И тут они потерпели полное крушение. Их вытеснили те, которые хотели сделать Россию не передовой ратью демократии, а

«передовым отрядом мирового мятежа». При этом новом этапе революции самому суровому гонению были подвергнуты именно те, кто накануне с такой горячей верой снимал с народа старые цепи... Таков был трагический конец пламенных надежд народников, ставших на стражу «завоеваний революции». Вместе с ними потерпела крушение и романтическая вера в народную стихию, в неизменную правду и совершенство ее свободных естественных проявлений. Это была вера... сентиментально-романтическая и в то же время позитивно-материалистическая. Она брала народ именно в его естественном и непосредственном определении. Ей недоставало сознания, что в народной душе, как и во всякой душе, есть своя лучшая и своя худшая часть и что поэтому от народа может исходить и высокий подъем героизма и мудрости, и «бунт бессмысленный и беспощадный». Силу этой худшей части народной души и рассмотрели русские народники, в этом была их глубокая ошибка и великая трагедия...

Не о том сейчас должна идти речь, чтобы торжествовать победу революции и подводить ее итоги. Пред лицом разоренной и с каждым годом все более дичающей родины нашей это было бы просто извращением и здравого смысла, и нравственного чувства. Надо раз и навсегда признать, что путь «завоеваний» революции пройден до конца и что теперь предстоит другой путь — «собираения русской земли и восстановления русского государства». Когда русские демократические партии писали в старое время свои программы, они имели своей целью сделать Россию из несвободной страны свободной. Теперь пред всеми русскими людьми стоит задача неизмеримо более тяжкая и настоятельная — сделать родину нашу из умирающей живою. И для этой новой задачи нужен и совершенно новый дух, нужен коренной поворот политического сознания, нужно решительное изменение нашего отношения к нашей родине-матери. Идти на ее восстановление под знаменем «завоеваний революции», радеть о ее спасении и собирании с духом революционных и классовых вождельний — это значит не понимать, не чувствовать, в какое страшное время мы живем и какая великая ответственность на нас лежит. Воссоздание России может быть совершено только подвигом и порывом общего национального объединения, только духом связанности высшими началами и святынями, сознанием ответственности перед целым. Дух классовых разделений и революционных требований должен при этом замолкнуть и замереть...

Те, кто прочно встанет на смену советской власти, наверняка откинут «партийность» как ненужную ветошь...

Когда сейчас, заглядывая в будущее, настаивают на том, что то или другое политическое требование должно быть непременно осуществлено в будущей России, что должны быть, например, обеспечены в ней крестьянская собственность и политическая свобода, мы скажем на это: и эта собственность, и эта свобода нужны, конечно, для России, и если они нужны, то и утвердятся в жизни; но, для того чтобы они утвердились, нужно прежде того, чтобы Россия, низвергнутая и распростертая, была поднята и призвана к жизни, нужно, чтобы русский народ перестал вымирать и от безумия коммунизма, и от новых опытов продолжения революции. Вот главная задача, стоящая сейчас перед всеми... Те, кто прочно встанет на смену советской власти, будут, очевидно, достаточно сильны, для того чтобы откинуть всякие партийные условия и программы как ненужную ветошь...

Каждый раз, когда я перечитываю замечательное изображение Смутного времени в курсе Ключевского и по обыкновению нахожу много сходств того времени с нашим, я с особым вниманием останавливаюсь на следующих словах нашего блестящего историка: «В конце 1611 года Московское государство представляло зрелище полного видимого разрушения... Государство преобразилось в какую-то бесформенную, мятущуюся федерацию. Но с конца 1611 года, когда изнемогли политические силы, начинают пробуждаться силы религиозные и национальные, которые пошли на выручку гибнувшей земле». В этих словах я вижу не только превосходное историческое обобщение, но и не менее замечательное предугадание, важное для будущего...

И невольно приходит в голову другое воспоминание из другого времени, более прославленного, более шумевшего: когда Франция под водительством гениального Бонапарта выходила из своей революции XVIII века, ее лозунгом было: «Никаких фракций, — так тогда называли партии, — нация прежде всего!» Под этим лозунгом Франция, истомившаяся потрясениями и раздорами революционного времени, была умиротворена и успокоена Наполеоном. Эти два примера — наш и чужой — как нельзя лучше показывают, какое значение имеет национальное начало как символ собирания и восстановления народной силы и государственного единства...

Великими жертвами, невыразимыми страданиями покупает и сейчас Россия свое национальное сознание. Тяжелым, тернистым путем приходим мы к убеждению, что Россия и русская культура выше партий и политических догм... И этот пафос национализма так понятен и благодатен для русского сознания, в котором столь долго партийное чувство преобладало над национальным. Ведь так недалеки мы от того времени, когда ни одна из прогрессивных партий не решалась называть себя русской национальной партией, когда такое наименование считалось предосудительным и постыдным. Я не говорю уже о партиях социалистических и интернационалистических, для которых национальное есть пережиток прошлого, и те партии, которые считали себя государственными и сверхклассовыми, ставили себе как раз в заслугу, что они не национальны, а сверхнациональны, что на равных правах они включают в свой состав представителей всех народов, живущих в России, а потому и стоят выше национальных особенностей и разделений. Казалось, единственно правильным и прогрессивным, что в политических партиях люди соединялись отвлеченными узами либерализма и гуманизма, началами равенства и свободы, принципами демократии и правового государства. И не приходило в голову, что помимо таких отвлеченных принципов все живущие в России, выросшие в колыбели русской культуры и под сенью русского государства, и могут, и

должны объединяться и еще одним высшим началом, прочнее всего связывающим, а именно преданностью русской культуре и русскому народу. В идеальном смысле своем это есть именно высшая духовная связь. Она отнюдь не означает отрицание национальных и культурных особенностей отдельных групп населения. Пусть каждая из них чтит и развивает свою культуру, но чтит и развивает ее на почве уважения и преданности великим сокровищам русской культуры. Это не угнетение, а приобщение к высшему единству, к единству и общению не только формально-юридическому, но и духовному.

Теперь нам кажется совершенно естественным и простым говорить о верховенстве и первенстве русского народа и русской культуры на русской земле и в русском государстве. А между тем так недавно еще — «свежо предание, а верится с трудом» — серьезно обсуждались предложения в официальном обращении к власти заменить слова «русский народ» словами «народы России»,

да и сейчас есть организации, которые, не будучи социалистическими, стыдливо скрывают свою принадлежность к русскому народу под чисто географическим обозначением «российский».

Но что значит вернуться к национальному сознанию и принять во всей силе этого

слова требование преданности России и русской культуре? Это, конечно, прежде всего означает поставить Россию выше своих особых интересов и стремлений, личных или групповых, классовых или партийных; это значит иметь в виду прежде всего Россию как целое...

Знамени «завоеваний революции» было достаточно, чтобы разрушить Россию, но оно бессильно ее восстановить. Для возрождения России нужно другое знамя — «восстановление святынь» — и прежде всего восстановление святыни русской души, которая связывает настоящее с прошлым, живущее поколение с давно отошедшими и весь народ с Богом как жребий, возложенный на народ, как талант, данный Богом народу...

Люди, не желающие помнить родства и стыдящиеся своего исторического прошлого, никогда не поймут, что такое национальное чувство и что такое любовь к родине. Они боятся мрачных теней прошлого и не видят его творческих основ. Они хотели бы перекрасить свою страну в цвета и краски единоспасающей общечеловеческой цивилизации и не ощущают глубинных ее основ. Они хотят любить Россию, только отвечающую их отвлеченным представлениям, а не Россию действительно и подлинную.

Истинное национальное чувство не ограничивается только тем, чтобы, откидывая все частное и случайное, партийное и особенное, групповое и сектантское, подчинять себя сознанию общих связей и общего единства. Оно состоит также и в том, чтобы ощущать душу своего народа и его особый, своеобразный лик. Лик России, такой подчас пугающий и отвращающий, а в другое время трогательный и умиляющий, есть для многих и своих, и чужих камень преткновения и загадка. Трудно, очень трудно в наши дни сохранить верность России. Ведь вот и на Западе, и у нас сколь многие соблазнились и не верят, и думают: погибла Россия и по заслугам своим погибла. Но подлинное национальное чувство соблазниться не может: оно бережно и с пощадой прикасается к язвам и ранам родины-матери и верит, что за этими ранами и язвами зарождается новая жизнь — своя, особая и самобытная русская жизнь... Но надо идти дальше: надо стремиться понять особые пути России, ее особый жребий и за нищенским ее нарядом, как учат наши великие поэты и мыслители, разглядеть ее живую душу и ее призвание, не приходя к ней чужих мерок, а стараясь помочь ей идти своим путем для блага и своего собственного, и всего человечества...

Публикацию подготовил Николай ОМЕЛЬЧЕНКО

Рюмка «Смирновской» за олимпийское золото

Теперь у наших олимпийцев есть все: деньги, трусы, флаги и гимны. Будут ли рекорды?

По мнению большинства спортивных экспертов, зимняя Олимпиада в Альбервиле стала крахом эсээнгэшной сборной. Во Всероссийском олимпийском комитете (ВОК), правда, так не считают. «Девять золотых медалей для нынешнего положения страны — фантастическое достижение», — говорит вице-президент ВОК Александр Козловский. Хотя, с его точки зрения, «столько же медалей мы могли сделать командой во много раз меньшей. 60 человек было бы достаточно».

Теперь в Испанию отправляется 498 спортсменов. Хотя разнарядок на медали, количество которых в старые добрые времена утверждалось в ЦК КПСС, не существует, все же по традиции в НОК прикидывают, сколько и где мы возьмем «золота», «серебра» и «бронзы». Бывший министр спорта России, ныне президент ВОК Виталий Смирнов считает, что «по сравнению с зимними видами спорта в летних мы сильнее».

Как и в Альбервиле, в Барселону приедет Объединенная команда. Возможно, в последний раз — слишком уж велика тяга бывших республик обрести самостоятельность и в спорте. Особенно тяжело было уговаривать спортсменов Украины и Грузии, которые считали себя достаточно подготовленными, чтобы выступать отдельно от всех остальных.

Возникли трудности и иного порядка. Туркменские спортсмены, например, никогда не участвовали в Олимпийских играх, но, коль скоро команда носит гордое название «Объединенной», пришлось обеспечить необходимый минимум представительства и от держав, весьма далеких от спорта.

В Объединенной команде спортсмены каждого независимого государства будут выступать под своим флагом и со своим гимном, а в команд-

ных видах спорта — под белым олимпийским флагом.

О трех прибалтийских государствах в привязке к объединенной сборной уже не вспоминают: они едут отдельно. «Самой олимпийской» из них испанский еженедельник «Камбио-16» назвал Эстонию, спортсмены которой до войны отличились в пяти Олимпийских играх, завоевав 21 медаль.

Стремительный рост новых олимпийских комитетов стал большой проблемой для Барселоны-92. Устроители Игр первоначально рассчитывали на 160 олимпийских команд; ожидается, однако, что число спортивных делегаций достигнет 173. Нехватка мест исчисляется тысячами.

Относительно спокойно удалось утрясти финансовые проблемы нашему олимпийскому комитету. Хотя двухнедельная поездка в Барселону обойдется в 3 миллиона дол-

ларов, отрадно сознавать, что эти деньги вынуты не из государственного бюджета, а заработаны самим ВОК в рекордно короткие сроки. Не раскрывая коммерческих тайн, Александр Козловский говорит, что «выжить и заработать деньги ВОК помогла западная модель экономической программы».

Порадовали и спонсоры, состав которых по сравнению с Альбервилем расширился. На гала-презентации «Барселона-92» журналисты узнали, что нашего полку прибыло: о своей финансовой поддержке заявила американская фирма «Смирнофф», представитель которой подиал воображаемую рюмку «Смирновской» за будущее олимпийское «золото». В свое время «Смирнофф» оторвался от российской почвы, теперь решил вернуться в родные пенаты, которые становятся ныне выгодным рынком сбыта «беленькой». Впрочем, в данном случае фирма выступает в большей степени в роли мецената: ведь реклама алкоголя и табака на Олимпиаде запрещена. Вполне возможно, что в скором времени на олимпийских стадионах будет запрещена и реклама другой, «вредной для здоровья» продукции — мороженого и гамбургеров.

Главный поставщик парадной формы сербская фирма «Гома» зимой одела наших олимпийцев в бежево-сиренево-зеленые тона, в них же одевает она спортсменов СНГ и Грузии и летом. Санкции против Югославии не позволяют поставлять продукцию «Гомы» напрямую в Москву. Приходится с большими трудностями, как некогда «Искру», везти спортивные костюмы через всю Европу.

Самый крупный и известный спонсор — компания «Адидас», с которой у российского ВОК давние и прочные связи. Несмотря на то что «Адидас» постоянно меняет хозяев, это не мешает фирме исправно снабжать нас бутсами и трусами.

Что же, теперь у нашей олимпийской сборной есть, казалось бы, все: в достатке трусы и майки, множество гимнов и национальных флагов. Отрадятся ли это на рекордах?

Рисунок Виктора Богорада

Людмила Костюнина

В московском Доме художника прошла выставка картин 27-летнего **Сергея Поползина**.

В неброской афише о нем ровно три строчки: «...художник из Иркутска. Потерял зрение в 1990 году. Работы написаны в 1991–1992 годах».

Сергей рисовал с детства — краски были для него любимым способом общения с миром. Поступил в Иркутское художественное училище, в котором проучился семь лет — уходил в армию, бросал, восстанавливался — но так и не закончил. Работал слесарем, грузчиком, пожарным, разнорабочим, тюремным надзирателем...

Но вот трагический случай — полная слепота. Шанс восстановить зрение на один глаз придает силы. Но где взять 80 тысяч долларов, необходимых для операции на глазном нерве?

Друзья уговаривают его писать. Выйдя из больницы, Сергей вновь берет в руку кисть.

Художника заметили. Откликнулось общественное патристическое объединение «Отчизна молодая».

Удалось договориться с московским Домом художника о бесплатном предоставлении зала — здесь и прошла первая благотворительная выставка-продажа картин Поползина. Денег собрали немного, зато книга отзывов разрывалась от благодарностей

и эмоций: «Чудо! Какие цвета!», «Вы помогаете глубоко проникнуть в суть вещей.» Сейчас выставка переехала в ДК Всероссийского общества слепых на улице Куусинена в Москве.

...Он пишет обычно ночью, когда, по его

словам, «затишает внешний мир и просыпается внутренний». И надеется, что когда-нибудь ночью в его мастерской будет гореть свет...

Н. Дорошева

В его родном сицилий-

«Последняя жертва»

Вышел на свободу норвежский «зек номер один» **Арне Трехольт**. Бывший заведующий пресс-отделом МИД Норвегии отсидел восемь с половиной из 20 лет тюремного заключения, к которому его приговорили за шпионаж в пользу СССР. В 1984 году он был арестован в аэропорту, когда, как утверждает контрразведка, направлялся с чемоданчиком секретных документов в Вену на встречу с генералом КГБ Геннадием Титовым. Обвиненный в передаче противнику важных сведений НАТО норвежец получил высшую в стране меру наказания, ранее применяемую лишь против нацистских приспешников Квислинга.

Сам Трехольт и его друзья — их на удивление немало в Скандинавии — соглашались, что он был разговорчив с советскими дипломатами, но категорически отвергали разглашение государственных тайн. Неортодоксальный мидовец считал и считает себя «последней жертвой холодной войны», поскольку его стремление наладить доверительный диалог между Западом и Востоком было неправильно истолковано как в Советском Союзе, так и в Норвегии.

Фактическая сторона его дела всегда вызывала серьезные сомнения у юристов, ибо никаких прямых доказательств контрразведка не представила. Так, обнаруженные во время незаконного обыска у него дома 30 тысяч долларов «отказались» на процессе уместиться в пакет с размерами, указанными сыщиками. Сомнительным был и тезис о выдаче оборонной информации, ибо на повышение военной подготовки Трехольта направили по инициативе тех же властей, которые позже упрятали его за решетку. Причем направили после его возвращения из командировки в США, где за ним уже следило ФБР. Да и Геннадий Титов отверг принадлежность своего знакомого к агентуре КГБ, признав, однако, сам факт встреч с ним.

Но в период, когда конфронтация в Европе достигла апогея, у Трехольта не было шансов выкрутиться.

Показанная в суде и обошедшая западную прессу фотография уличной беседы норвежца и его русского приятеля стала главной уликой. К тому же в наивность «жертвы» верилось с трудом, ибо выяснилось, что чиновник МИД Норвегии конфиденциально помогал еще и иракскому дипломату, например, данными о перспективах закупки Ираком современной технологии.

Так или иначе «последняя жертва» провела рекордное время в суровых местах заключения, где, по убеждению друзей Трехольта, делалось все, что бы сломить его волю: ограничения в «зекских» правах, отклонение просьб об увольнении и помиловании. Его стремительная карьера потерпела крах, жена-актриса ушла от него. Хотя он поддерживал хорошую спортивную форму, умудряясь бегать любимый марафон по тюремному двору, психическая нагрузка последних лет явно дает о себе знать. Сокрушительный удар нанесла смерть его второй жены, вместе с которой он надеялся встретить «утро свободы».

Только после этого, учтя состояние здоровья заключенного, правительство Норвегии помиловало наконец Арне Трехольта. Чтобы насладиться свободой, он тут же уехал в Швецию, затем собирается в Грецию, где будет раздумывать о новом пути. Известный в прошлом журналист и автор тюремных мемуаров уверен, что ему найдется место в жизни.

А. Полюхов,
соб. корр. «НВ»
СТОКГОЛЬМ

ском местечке Корлеоне, прославленном кинорежиссером Френсисом Копполой в фильме «Крестный отец», никто не осмеливается вслух произнести его имя. Враги зовут «Зверем» или «Коротышкой» за небольшой рост — 161 сантиметр. Близкие люди называют — Тотò. Это — один из нынешних руководителей сицилийской «Коза ностра» **Сальваторе Рина**. Его история — это история современной мафии, утвердившей свою власть ракетом, грабежами и убийствами.

В течение десяти лет Коротышка «работал» на знаменитого сицилийского мафиози Лючано Лиджо, затем в 1981 году начал действовать самостоятельно, объявив войну всем правившим в Палермо боссам «старой формации». В течение года истребил их и стал полновластным хозяином почти всей Сицилии. Эта война стоила жизни примерно тысяче человек, причем около 150 убийств на совести самого Сальваторе.

Вот уже 23 года его разыскивает правосудие, но, похоже, ни та, ни другая сторона не торопятся сойтись лицом к лицу. Жизнь в подполье, судя по всему, не слишком тягостна сицилийского супербосса: за это время он успел сочетаться браком в церкви с молодой учительницей школы родного Кор-

леоне. Все четверо его детей были рождены в одном из лучших родильных домов Палермо, где получили всю необходимую в таких случаях помощь и прошли вакцинацию — а затем исчезли в неизвестном направлении. Полиция не знает, где они находятся, какую школу посещают, встречаются ли с папой.

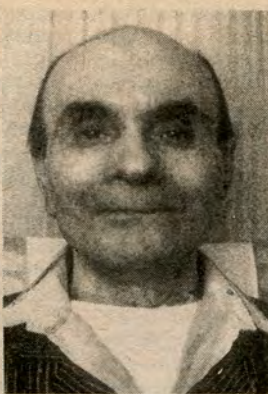
В то же время известно, что Сальваторе разъезжает по дорогам Италии в своем роскошном бронированном лимузине, сопровождаемый вооруженными до зубов охранниками. Он по-прежнему распределяет строительные заказы, организует торговлю наркотиками, получает взятки, отмывает деньги через государственные банки, сводит счеты с непокорными. Каким образом этому супербеглецу с его четырехкласным образованием удается морочить голову целой армии прокуроров, полицейских и карабинеров — остается только гадать.

В итальянской столице полагают, что Сальваторе Риина участвовал в организации взрыва, стоившего жизни судье Джованни Фальконе, его жене и трем карабинерам.

Феномен **Александра Соловьева** в том, что в любое время суток он может определить точное московское время без часов. Настоящий человек-часы вот уже пятнадцать лет живет в одном из московских интернатов.

Родился он в 1928 году в Вологде и половину своей жизни, то есть тридцать два года, провел в психоневрологических лечебных учреждениях с диагнозом «шизофрения».

Впервые своими способностями Александр

Акиндинович поделился с приятелями в 1959 году в лагере, где отбывал наказание за попытку ограбления: будучи в подпитии попытался вырваться из рук прохожей сумочку. Дело происходило на Курском вокзале. Поимали его там же под большими часами, которые показывали в тот момент ровно 18.00.

С этого момента и стал Александр Акиндинович определять время. До этого у него были свои наручные механические часы, но

с лагерных времен и до сих пор у него их нет. Вроде и не нужны.

Одно время Александр Акиндинович слышал какой-то сигнал, который и помогал ему определить точное время. Потом сигнал пропал, но способность осталась. Объяснить же свой феномен он не может.

Александр Акиндинович — очень внимательный и добрый старичок. Говорит степенно, медленно проговаривая каждое слово. Он верит в бога и почти всегда один.

Когда он был помоложе, то и ошибок в определении времени не делал. Сейчас возраст берет свое — Соловьев порой «отстает», но почти никогда не «спешит».

Н.Полякова

Самой красивой девушке мира (такой титул присудили ей журналисты нескольких ев-

ропейских стран). 21 год и она своей детской улыбкой очень напоминает легендарную Брижитт Бардо. Ее зовут **Клаудиа Шиффер**, она из Штуттгарта. Теперь, когда она подписала 10-миллионный контракт, обязывающий ее в течение четырех лет представлять косметическую фирму «Ревлон», Клаудии уже не

смущает, если ее начинают сравнивать со знаменитой французской кинозвездой: Шиффер получила право на свой собственный имидж.

По словам общавшихся с нею журналистов, Клаудиа производит впечатление весьма серьезной девушки. Она прекрасно училась в лицее и уже подавала заявление на факультет права, когда неожиданно получила предложение принять участие в демонстрациях модной одежды. После обсуждения с отцом-адвокатом Клаудиа приняла предложение, оговорив заранее, что ей никогда не будет предложено появляться обнаженной.

Эта серьезная, хотя и весьма улыбкающая красавица очень любит читать книги. Любимый писатель — Бальзак. Обожает импрессионистов и кубистов, особые симпатии питает к Пикассо. Готова целые дни проводить в галереях и на выставках.

Клаудиа — ревностная католичка и самым большим грехом считает ложь. Она признается, что, получив свои первые 5 тысяч долларов, планирует купить автомобиль, хотя водительских прав у нее еще нет.

В политике как в семье

После выхода в свет книги дочери Рональда и Нэнси Рейган **Патти Дэвис** «Семейные тайны» никто уже не удивляется ее сложным отношениям с родителями.

Сама Патти пытается объяснить свой поступок必要ностью исповедаться, освободиться от семейных проблем, которые тяготили ее.

Недавно она поделилась еще более откровенными признаниями.

«Были времена, когда мать была меня каждый день... Когда я возвращалась из школы, начинались скандалы... Однажды мать была в ярости от того, что нашла в моей комнате губную помаду... Я могла получить пощечину ни за что...» — вспоминает Патти. Она характеризует свою мать как суровую, скупую на ласку женщину, жаждущую всеми командовать и все контролировать, — «если бы она могла, то с удовольствием контролировала бы всю вселенную». «Сама моя сущность приводила ее в исступление», — вспоминает Патти.

Отец ничего не хотел знать о ее отношениях с матерью. Своей любимой фразой — «не волнуйтесь, все будет хорошо», — Рональд Рейган как бы отгораживался от дочери, по словам которой, он не любил смотреть правде в глаза.

Патти искала утешения в наркотиках. В 24 года решилась на стерилизацию — из боязни походить на свою мать в воспитании детей.

В последний раз Патти встречалась с отцом в прошлом году, когда писала книгу. Но разговора не получилось. А теперь на это и вовсе нет шансов. «Они никогда не простят мне этой книги, — говорит Патти. — Я совершила самый страшный в этой семье грех — сказала правду».

Обаятельный практически мертв?

Татьяна
Иванова

В газете «Все для вас» — все о нас...

О бедных Тельцах и Девах, толстеньких, маленьких, глупых, которым так хочется быть высокими, красивыми, сильными. Лучшими...

Пусть отдохнут социологи и политики. О состоянии нашего общества расскажет газета «Все для вас». Объявления публикуются бесплатно, потому что «Все для вас» может попытаться решить свои проблемы любой — и тот, у кого жемчуг мелок, и тот, у кого суп жидок. Это самая толстая газета в стране (больше сотни страниц), из чего следует, что не проблема возрождения КПСС (иначе самыми толстыми были бы «Правда» и «Савраска»), не споры политиков (иначе не было бы толще, чем прежде демократическая, а ныне плюралистическая «Независимая»), даже, увы, не проблемы возрождения России важнее всего для людей. Ведь во «Все для вас» они могут сказать, о чем хотят... И выходит, у нас есть возможность выслушать сразу многие тысячи людей. Они говорят о самом существенном для себя.

Продается четырехкомнатная квартира в центре. Возможна продажа всего дома (семь квартир). Продается семикомнатная квартира, желательна за СКВ. Земля под дачу. Садовый участок. Земельный участок. Дом в деревне, садовый дом, ветхий дом.

Но дом надо обставить. Отечественный холодильник, ванну чугунную, воздухоочиститель французский, телевизор «Панасоник», утюг, утюг «Тюльпан», вафельницу, электропрямку — что угодно вашей душе? Люстру с пятью висячими плафонами вы можете купить за рубли, а можете выменять за какао в гранулах или за кофе в зернах.

Кирзовые сапоги и швейцарскую кофеварку, одеяла «пухоперовые» и антикварный самовар в обмен на автомашину, старинное пианино в обмен на цветной телевизор (прикиньте, сколько за примитивный аппарат выйдет черного дерева, слоновой кости, бронзы и меди, и деревянных завитушек!). Продается тулуп и мужская

нутриевая шуба, китель рядового погранвойск и «свадебное платье в розах», щенки и котята всех мыслимых пород и романовские овцы, аудио- и видеотехника, противогаз, инкубатор, новые непромокаемые трусы для ребенка, рога лося. «Повесть о Зосиме и Савватии», токарно-винторезные станки, бюст Ленина (за СКВ), микроскоп, портрет Сталина «47х68 см, шелк, Китай» и даже медвежья желчь. И — вы не поверите — «струя кабарги».

Потом идет огромный раздел «Покупаю», и он еще больше и еще разнообразнее. Не смогла разгадать, почему в споре сегодня армейская камуфляжная и десантная форма. Молодым людям хочется выглядеть как можно мужественнее? Или ищут возможности приобрести многочисленные «боевики»?

Меняются на Москву дома и квартиры в Эстонии, в Молдове, во Владикавказе, Казани, Сумгаите... Тут нечего комментировать. Но вообще раздел «Меняю недвижимость» — самый большой в газете. Собственников, оказывается, не так уж и мало, и они полны энергии.

Когда у человека есть дом, все необходимое в нем, есть работа и близкие — это называется жизнь. Ведь так? Ищут работу, предлагают свое мастерство. «Желательно за СКВ...» «В кооперативе». «В совместном предприятии». «За границей». За нормальную плату — вот в чем дело. Никто не просится на государственное предприятие. К черту все «социальные гарантии» в виде очереди на квартиру, детского сада и профсоюзных путевок. Люди хотят отвечать за себя сами. Дайте нормально работать и платите нормальные деньги. Вот о чем в конце концов говорится во всех объявлениях. «Ветеринарный врач. Прививки, хирургия, терапия. Без выходных, круглосуточно, с выездом на дом». «Курьер на мотоцикле — фантастическая скорость доставки».

Ну, а потом идут знакомства. Поэма... «Красивый молодой человек, порядочный и обязательный», «Милостивая полная дама», «Худощавая подвижная брюнетка». Все сообщают о себе, что они обаятельны, милы, добры, великодушны, красивы, стройны, привлекательны, общительны, даже прелестны. «Добрая, верная, зеленоглазая». «Красивая, длинноногая, интеллигентная». «Сильный, красивый, верный, добрый, общительный, предприимчивый, трудолюбивый». «Обаятельный практически мертв: так нужна ему скромная, красивая, добрая, веселая. Где ты, моя белочка, моя птичка?»

Вот такая у нас самооценка, такие требования друг к другу. Женщины хотят красивых, добрых, верных — и предприимчивых, деловых, многие прямо пишут «состоятельных», «богатых». А мужчины... Мужчины тоже хотят красивых, умных, добрых — и многие указывают: «желательна квартира, автомашина, дача». Или сообщают, что готовы доставлять разнообразные удовольствия, включая «обеспечу дефицитными продуктами», «страстной, красивой, независимой, состоятельной на ее жилплощади». Таких много.

Один старый козел («мужчина-пенсияер, женатый») сообщает, что был бы счастлив «встретить сексуальную партнершу без комплексов, фотомодель». Он готов «помочь ей материально». А «два русских интеллигента-почвенника» надеются встретить «в нераскаившемся XX веке двух милых интеллигентных девушек». Видимо, для группового секса. А если для разговоров о почве, зачем свой рост и вес указывать?

Мы порядочно свихнулись на астрологию, потому что почти все, перечисляя параметры (кроме роста и веса соискательницы указывают объем груди, талии и бедер, а соискатели — возраст, национальность, наличие машины и квартиры, специальность и место работы), — перечисляя данные в этой, видимо, установленной обществом анкете, и мужчины, и женщины по-

что обязательно указывают, кто они по гороскопу. Диковато читать: «Обаятельный, высокий, красивый, работник СП, Дева, 25/178/75...» Мало у вас, дорогие, проблем, так вот теперь еще придумали совпадать по гороскопам.

Между прочим, два «интеллигента-почвенника» не одиноки. По одному выпуску «Все для вас» они, похоже, могли бы сколотить довольно внушительную по количеству членов первичку «Российского единства» и список отправить непосредственно патристическому депутату Бабурину. Порядочное количество соискателей и соискательниц, кроме живого веса и объема бедер (все полненькие!), указывают «русский», «русская», «славянин», «славянка». Представители других наций и народностей возрождающейся многонациональной России к пятому пункту безучастны. Из данных, предоставляемых газетой «Все для вас», можно сделать два вывода. И оба, пожалуй, будут верны. Первый: русские проповедники-расисты под водительством писателей-заединщиков достигли кое-каких успехов. Второй: хуже всех дела в личной жизни обстоят у русских. Видимо, причина в повышенной самооценке: если бы все «обаятельные, прелестные, красивые, стройные, сексуальные, утонченные, умные, добрые, веселые» хотя бы из одного выпуска «Все для вас» одновременно вышли на улицу, от них бы проходу в городе не было. А то посмотришь: рожа и рожа... Вторая причина — в неумеренной требовательности к другим. «Ищу изящную, красивую, незамужнюю, состоятельную, способную понять мою душу, разделить любовь к стихам, путешествиям, горным лыжам, любящую работать на земле (желательно имеющую дачу), знающую иностранные языки — для возможного создания семьи после продолжительного знакомства».

Что ж. И интерес к пятому анкетному пункту, и повышенная самооценка, и непомерные требования к другим — все результат излишней доверчивости людей к «патристическим» текстам. Вот начинают бедные русские люди «Нашего современника», а по-

том пишут: «Очаровательная, умная, чистая, не старше 35, тебя ждет красивый, сильный, очень привлекательный внешне и внутренне Телец. 40/175/75, русский». Бедный, думаешь, Телец. Толстый, маленький, глупый. И настолько, видать, никто в его сторону не глядит, что он уж и объявление в газету написал. Где ж взять ему «очаровательную»? Очаровательным-то ведь от кавалеров прохода нет.

Много военнослужащих устраивают свою судьбу. Холостой, увольняющийся в запас, хотел бы построить дом на участке одинокой хозяйке. И остаться там, если она пожелает. Честно и просто. Военнослужащий с восьмилетним сыном ищет мать для мальчика. И, как умеет, шутит: «Первым делом — воспитание детей, ну а хороший секс — обязательно потом». Что тут скажешь, шутить по-другому человека не научили. А все-то дело в том, что он, конечно, очень любит сына и не хочет ему злую мачеху. Но кто их разберет, современных женщин, как с ними надо говорить? Кругом все секс да секс...

Молодой мужчина познакомится с негритянкой, неполной, до 30 лет. Молодой парень будет чутким и ласковым другом мужчине крепкого здоровья, не худо-

му, не длиннолицему, славянской внешности. (Вона как... Ныне и гомосексуалисты озабочены славянской внешностью. Интересно, им-то что? Чтоб неопасно было вдвоем на патристические митинги ходить? Чтоб крепкие ребята в купленных по объявлению десантных костюмах по неславянской внешности не накомостили? Стало быть, гомосекс можно быть, а быть, не славянином быть обязан?)

Собирают единомышленников иммунологи «для интеллектуального общения». Любители «волейбола в лесу» оповещаются о месте встречи, приехать может любой. Мужчина ищет единомышленника, имеющего садовый участок «для обмена опытом по созданию альпинария», «очевидцев НЛО» просят откликнуться для создания клуба. «В вашем СП нет массажиста? — удивленно спрашивает некто Татьяна. — Но, чтобы сотрудники были бодры, жизнерадостны и веселы, им необходим массажист. Звоните!»

И по всем страницам мелькает загадочная аббревиатура — ПМЖ. Водитель высшей квалификации хочет поработать за границей — возможно, ПМЖ. Красивая создаст комфортную жизнь иностранному бизне-

смену — желательно, ПМЖ. Создам семью с очаровательной — возможен выезд за границу на ПМЖ. Ах, это оказывается, постоянное место жительства. Это они друг друга подманивают, завлекают, соблазняют, это они просят, просят, умоляют отпустить их, взять с собой, устроить, это они сообщают, что готовы «выполнять любую работу», «самую неквалифицированную работу», «за десять долларов в неделю» — это они так хотят навсегда уехать, навсегда бросить свою бедную родину, поселиться в любой стране, только не в своей собственной, только не в этой, это они так рвутся из России — куда угодно. ПМЖ, ПМЖ, ПМЖ...

Ей богу, ребята, подумали бы вы еще хорошенько. Здесь вообще-то ваше ПМЖ. Неужели вы в самом деле думаете, что так обаятельны, очаровательны и неотразимы, что здесь-то вас, сдуру, не ценят, а там увидят и от радости с ума сойдут. У вас что, зеркала, что ли нету? Так потратите рубль, зайдите в платный туалет на вокзале, посмотритесь в зеркало — как следует. Посмотрелись? Ну и как? Видите теперь, сколько кругом достойных вас кавалеров и дам, сколько работы, которая в аккорат по вашему мастерству? Вообще обратите внимание, как замечательно вы вписываетесь в здешний пейзаж — со своей внешностью (ладно, можете называть ее славянской), со своей походкой, фигурой, одеждой, манерами, профессиональной подготовкой...

«Готов выступить с речью в память первой годовщины со дня смерти Л.М.Кагановича». «Вера, бельчонок, прости, пойми, поверь! Саша». «У меня 16 тысяч анекдотов, у вас — возможность их издать. Барыш пополам». «Суперфотодевелопер, в том числе «эротик», предлагает свой профессионализм солидным людям для олицетворения значительности, престижа и создания потрясающего имиджа. Мелочи рекомендацию не беспокоить». «Хочу быть Президентом России и буду. Знаю все, что нужно для этой работы. Набираю команду. Александр Шапиро».

Какие люди... Нет, какие люди в моем ПМЖ! Не наглядеться, не послушаться, не начитаться!

Рисунок Марата Таирова

А. Б. Р. А. К. А. Д. А. Б. Г. Ы. 7

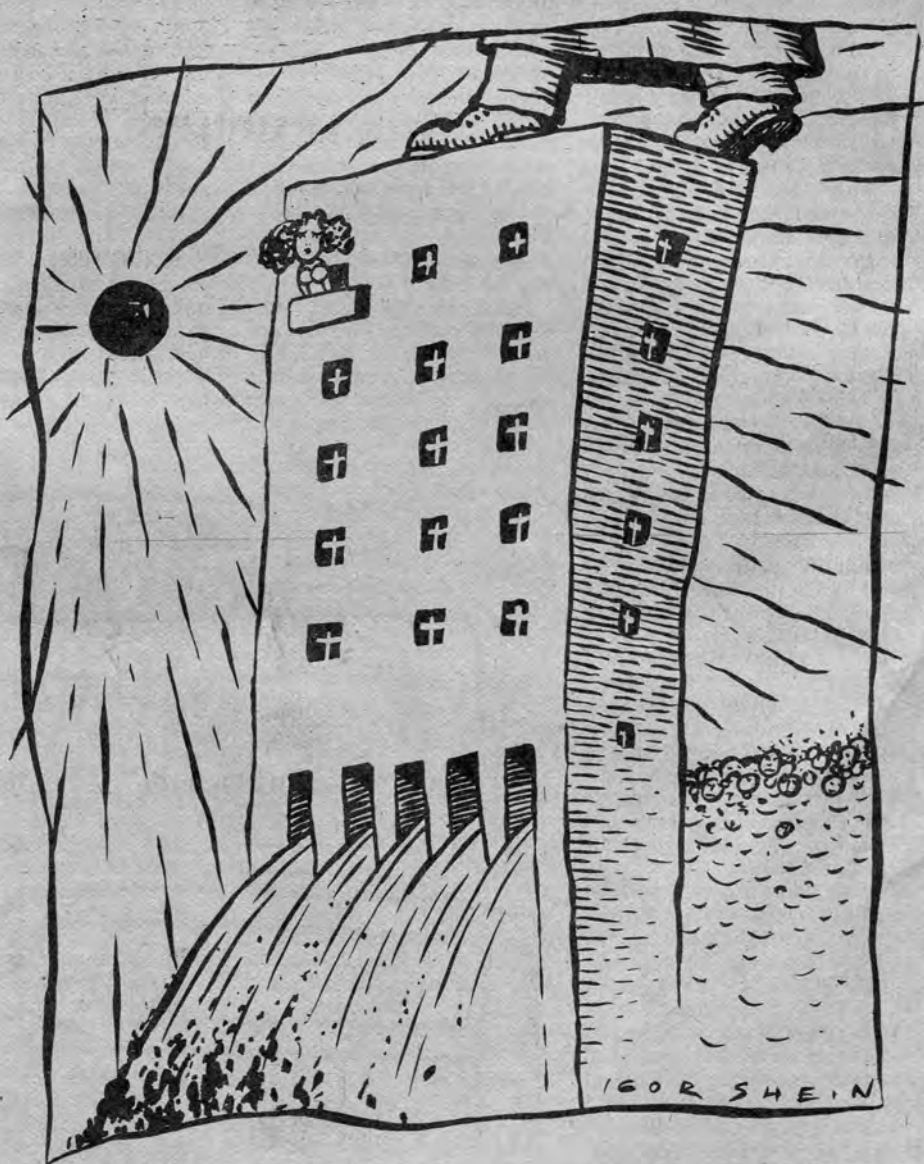
Нет велосипедов пропасти во ржи ржи депутатские липкие хоть ржи красная акация генералам буп демокрутов акция а у таньки пуп ботали по идишу шли на эшафот с марксом энтим ленинским вышел турпоход киви с саламандрами икры литры ем рупь талон команда есть конвертируем президентов скопище партгосаппарат коммунизму хочется на члену парад бесы достоевские выбрали за нас вон пришепкты невкие прямо на камаз звезды пятипалые в жоле клок газет граждане под шпалами ильичам венец

Живет моя в отрадном в высотном терему а в терем тот высокий дать воду некому живет в очереди за собственной судьбой была бы хоть блядища да где там сексу бой нотариус с очками опавших листьев рой правители с бочками тайга медведей рой зловонными бамбуками пророс полярный день гимническими звуками крадется потеть отрада пьет в отрадном агдам бля бочковдой васильев помнит рядом у башни вечевой как выпьет так закусит и вспомнит обо мне какие ж мы все суки в каком же мы говне к отраде не доедешь в отрадном баст шофер ну фигли же ты медлишь наш верхний брандмайор с отрадой нет преграды в отрадном или где у нас теперь парады у ней самой в гнезде

Солнце красное скатерть белая рыла масками мрабюро мозги касками за пределами чудосказками ГОЭЛРО забубень твою комобком райком на земле в раю партпайком не даю даю колобком комком в начинком теперь баллотируем зам зав зам зав зав секретарь секрет дурака на бам в коктейбель зампред я и сам гам гам и другим не дам из распредбюро по серьгам очи грозного брови брежневды директория министерь семинариум по коррозии хваты смежники трапездень у палитры худ хоть концы концов политарий смрад группенсекс левоправо муд всюду клин совпроф демопартократ арабеск

Демос любит кратоса демократия кратос любит демоса демократ и я демос стоеросовый кратос стоерос взносами поносами возрастал и рос демос кормит кратоса кратос кормит дем демоскратос катица том четвертый брэм демос возбуждается

кратос возбужден уха два у заеца заец тут при чем демос с демократией кратос с демосом дури многократие порча хромосом кратос демос жалует демос кратос не мульти сверх державою вьется макрамэ в демосе да кратии демократ и я демодермов братии демократия

**Берем крепости, города, офисы, конторы.
Проходим сквозь стены и любые завалы.**

*Для наших
клиентов нет преграды,
если их реклама в журнале
«Моя Москва».*

☎ 299-66-75 отдел рекламы

179/31

109010, Москва, а/я 43
Тел.: (095) 274-77-94;
253-51-69; 178-75-76;
Факс: (095) 274-77-94.

ЛЕНА

ФИРМА

СОВТОРКЕТ

предлагает яхты
серии ЛЕНА —
лучшие по ходовым и
эстетическим параметрам
суда международного
класса «Микро».

Пассажировместимость —	4 человека
Длина —	5,5 м
Ширина —	2,45 м
Осадка: корпусом —	0,3 м
шверботом —	1,1 м
Масса (нетто) —	650 кг